

ЕЖЕГОДНИК
2011

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

Экономика и стратегическое
партнерство

Интеграция и финансы

Минерально-сырьевые
ресурсы

Портрет африканского
лидера

История и религия

Культура и образование

**PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"**

YEARBOOK

**AFRICA:
FOUNDATIONS
FOR A NEW START**

2011

**Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2011**

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА:
ОСНОВАНИЯ
ДЛЯ НОВОГО СТАРТА**

2011

Москва
Российский университет дружбы народов
2011

ББК 95.3(6)я5
А 94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:

И.В. Андропова (ответственный секретарь), *Н.В. Громова*,
А.Б. Давидсон, *Е.А. Долгинов*, *Н.Д. Косухин*, *Л.В. Пономаренко*,
А.Д. Саватеев, *И.В. Следзевский*, *А.М. Хазанов*, *Л.В. Шкваря*,
В.И. Юртаев (зам. главного редактора)

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А 94 **Африка: основания для нового старта: Ежегодник – 2011:** Сб. статей / Под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. – М.: РУДН, 2011. – 369 с.: ил.

В очередном выпуске ежегодной серии «Африканские исследования» Центра африканских исследований РУДН в центре внимания исследователей – ситуация «нового старта» как результат вхождения Африки в процесс глобализации, осмысление опыта 50 лет независимости в интересах достижения устойчивого развития, поиск новых форматов и партнеров взаимодействия в посткризисном мире, эффективность институтов интеграции и международных программ на африканском континенте.

In this issue of the annual series of “African Studies” of the Center of African Studies at the Peoples’ Friendship University of Russia the main attention of researchers is devoted to the situation of a “new start” as a result of Africa’s joining the process of globalization, the experience of the fifty years of independence in the interests of achieving sustainable development, search for new formats and partners in interaction in the post-crisis world, and the effectiveness of the institutions of integration and international programs on the African continent.

ISBN 978-5-209-03575-6

ББК 95.3(6)я5

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,
Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаев, Е.А. Долгинов, 2011
© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая декада XXI в. принесла Африке, на фоне растущего как снежный ком груза нерешенных проблем, ощущение возможности нового старта спустя 50 лет, что стало возможным в результате вхождения Африки в процесс глобализации и возникновения новых векторов развития в условиях посткризисного мира. На формирование современного контекста в Африке все заметнее оказывают воздействие, во-первых, расширение географии основных игроков на рынках африканских стран и, во-вторых, утверждение регионального подхода при формировании и реализации программ сотрудничества и развития стран африканского континента. При этом сами программы, как международные, так и на уровне двусторонних отношений, стали заметно более масштабными и долгосрочными. Сформированы «стратегические партнерства» Африки с Европейским Союзом, США, Китаем, Ираном, Индией. Все новые страны мира включают в число приоритетов своей внешней политики африканский вектор и активно развивают сотрудничество на африканском континенте. Среди этих стран – нефтедобывающие страны Юго-Западной Азии (Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия), быстро растущие экономики Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Чили и др.), страны Юго-Восточной Азии, Россия.

В повестке дня сегодняшней Африки, вступившей вместе со всем человечеством в эру глобализации, – поиск путей большей интеграции и единства в контексте разделяемых всеми африканцами ценностей. Одним из важных шагов на этом пути стало проведение 15–16 июня 2010 г. под эгидой ЮНИДО Международной парламентской конференции «Россия–Африка: горизонты сотрудничества» (Россия, Москва). Опыт конференции уникален тем, что была предпринята по-

пытка налаживания утраченных в течение 1990-х гг. прямых контактов политиков, дипломатов, парламентариев, экспертов, представителей российского и африканского бизнеса.

На Форуме представителем делегации РУДН было зачитано Обращение молодых граждан России и государств Африки, обучающихся в вузах Москвы, – участников круглого стола «Россия – Африка: образование, доверие, взаимодействие», состоявшегося в Российском университете дружбы народов (РУДН) с участием Генерального директора ЮНИДО д-ра Канде К. Юмкелла и Ректора РУДН профессора В.М. Филиппова 17 мая 2010 г.

В ходе конференции неоднократно упоминались вызовы и угрозы, с которыми сталкивается современный мир и особенно африканские страны. Новый старт Африки, как подчеркивали участники Форума, немыслим без высококачественной подготовки специалистов для собственных нужд африканских стран, нацеленных на полноценное участие в глобальной экономике, что возможно только при обретении ими глобальной конкурентоспособности. На форуме была предложена идея регулярной конференции выдающихся выпускников российских вузов, которая может стать платформой для поддержания постоянных контактов между африканскими странами и Россией, выступить в качестве посредника, связующего звена между политическим элитами и деловыми кругами, а также общественностью обеих сторон.

Африка и сама может вписаться в мировой образовательный и научно-технический контекст как новатор или площадка для инноваций, когда найденные здесь алгоритмы и технологии решения глобальных проблем человечества (голод, заболевания, безопасность и др.) окажутся востребованными при разрешении подобных ситуаций в других частях мира.

Н.С. Кирабаев

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Н.Д. Косухин

АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ: НОВЫЕ ПОИСКИ АФРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы становления и первые итоги деятельности Африканского Союза (АС), который стал преемником ОАЕ в новых исторических условиях. Основное внимание уделено миротворческой деятельности АС, а также Всеафриканского парламента, взаимодействию с «восьмеркой», развитию интеграционных процессов на континенте.

Ключевые слова: безопасность, единство, солидарность, демократия, права человека, миротворчество, социально-экономическое развитие и интеграция, стабильность.

Прошло почти десять лет с того исторического момента, когда на смену Организации Африканского Единства (ОАЕ) в 2002 г. появился Африканский Союз (АС). Его создание было связано с выработкой новых подходов для преодоления кризиса во всех сферах социально-экономического развития континента.

Созданию Африканского Союза предшествовало пан-африканское движение, достижение независимости африканскими странами и возникновение ОАЕ (1963–2002 гг.).

В условиях глобализирующегося мира потребовался переход к новой форме африканской интеграции, чья жизнеспособность будет зависеть от возможности приспособиться к новому раскладу мировых и внутриафриканских сил.

Этапы формирования и основные цели Африканского Союза

Важнейшей задачей Организации Африканского Единства (ОАЕ) как организации, предшествовавшей Африканскому Союзу (АС), была борьба за ликвидацию всех форм колониализма и расизма на африканском континенте. С этой задачей ОАЕ успешно справилась и сумела не только поднять на эту борьбу африканские страны и народы, но и мобилизовать мировое общественное мнение к этой проблематике.

Второй важной задачей ОАЕ было развитие интеграционных процессов на континенте, всестороннего политического и экономического сотрудничества между африканскими странами, укрепления их солидарности и единства на международной арене. На этом пути ОАЕ столкнулась с масштабными трудностями и проблемами как организационного, так и политического характера.

ОАЕ не смогла найти пути и механизмы разрешения межгосударственных и внутренних этнополитических и регионально-религиозных конфликтов. Оставаясь преимущественно политической организацией, ОАЕ была не в состоянии помешать росту бедности и нищеты африканцев, кризисному состоянию африканской экономики.

Оценивая в целом деятельность ОАЕ, можно сказать, что Организация не во всем сумела оправдать надежды, возлагавшиеся на нее молодыми африканскими государствами. Весьма трудным оказался путь к континентальному единству, необходимость которого осознается африканскими лидерами сегодня.

В обстановке новых глобальных и региональных вызовов ОАЕ теряла свой авторитет и находилась в кризисе, поскольку не поспевала за происходящими в мире изменениями, в том числе начавшимся процессом глобализации мировой экономики.

Инициатива о создании АС появилась в период, когда многие страны Африки были поражены хроническим социально-экономическим кризисом. Возникавшие в африканских странах конфликты не только угрожали миру в регионе, но и вызывали массовые миграции и страдания людей, усиливали нестабильность и понуждали африканские государства к непроизводительным затратам на их разрешение тех ресурсов, которых так не хватало для долгосрочных нужд развития. Народы африканских стран остро почувствовали на себе последствия политических перемен, происшедших в мире в последнее десятилетие. Хотя все африканские лидеры заявили о своей приверженности демократии, во всех странах прошли выборы и во многих из них сменилась законодательная и исполнительная власть, это не привело ни к подлинной демократизации, ни к сдвигам в развитии. Более того, смещение прежних режимов не сократило частоту возникновения конфликтов и не ослабило их силу.

Все это потребовало от африканских стран и международного сообщества новых подходов к развитию решений с целью преодоления глубочайшего кризиса на континенте.

В этих условиях лидеры африканских государств приняли решение о преобразовании ОАЕ в Африканский Союз, призванный ответить на вызовы нового тысячелетия.

Идею перехода африканских государств к новой форме интеграции впервые выдвинул в 1998 г. ливийский лидер Муамар Каддафи. По его представлению, на современном этапе, в начале нового тысячелетия африканским странам необходима иная система взаимоотношений и сотрудничества. Он предложил создать объединение государств под условным названием «Соединенные штаты Африки» по принципу конфедерации, которая предполагала бы создание африканского банка, суда, единой валюты. М. Каддафи предложил провести чрезвычайную (четвертую) сессию в верхах ОАЕ в ливийском городе Сирте в сентябре 1999 г.

На состоявшейся 9 сентября 1999 г. Ассамблее все участники подписали Сиртскую декларацию. В ней выражалась их решимость создать Африканский Союз (АС) «согласно фундаментальным целям Хартии ОАЕ и с учетом Договора об Африканском экономическом сообществе», процесс осуществления которого намечалось значительно ускорить. Преемственность между АС и ОАЕ была отражена в Декларации через выражение признательности отцам-основателям ОАЕ и «поколениям панафриканистов, которые ковали единство».

Африканские государства обсуждали пути установления нового взаимодействия между ними. В результате они пришли к согласованной позиции по этой проблеме, решив отойти от предложенной Каддафи жесткой основы и выбрав более гибкую форму, которая во многом совпадает с организацией Евросоюза. Началась подготовка основополагающих документов, которые должны были обеспечить правовую базу создания АС.

Уже на 36-й Ассамблее ОАЕ, которая состоялась в Ломе (Того) в июле 2000 г., был принят Учредительный акт о создании Африканского Союза. 1 марта 2001 г. в г. Сирте состоялся V Чрезвычайный саммит ОАЕ, на котором был принят акт о создании Африканского Союза, который должен со временем заменить ОАЕ. 37-я сессия ОАЕ, проходившая в Лусаке в июле 2001 г., утвердила Учредительный акт АС. За модель формирования АС была принята платформа объединения Евросоюза – региональная интеграция.

В Учредительном акте были подтверждены следующие цели АС: добиваться укрепления единства и солидарности между африканскими странами и народами; защищать суверенитет, территориальную целостность и независимость стран-членов; содействовать ускорению политической и социально-экономической интеграции; отстаивать общие позиции Африки по вопросам, представляющим интерес для континента и его народов; содействовать расширению междуна-

родного сотрудничества с учетом Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека; обеспечивать мир, безопасность и стабильность на континенте, демократические принципы и функционирование демократических институтов, участие широких слоев населения и надлежащее руководство странами; обеспечивать и защищать права человека и народов в соответствии с Африканской хартией прав человека и народов и другими документами по этому вопросу; создавать необходимые условия, которые позволят континенту играть соответствующую роль в глобальной экономике и на международных переговорах; обеспечивать поступательное развитие в экономической, социальной и культурной областях, а также интеграцию экономики африканских стран; содействовать сотрудничеству во всех областях по повышению жизненного уровня народов Африки; координировать политику между существующими и будущими региональными экономическими сообществами для постепенного достижения целей союза; содействовать развитию континента, разворачиванию исследований в различных областях, особенно науке и технологии; сотрудничать с международными партнерами в ликвидации различных заболеваний и улучшении системы медобслуживания [8].

Процесс реализации Учредительного акта АС предполагает решение ряда серьезных проблем. Новая организация унаследовала от ОАЕ принцип включения всех желающих. Таким образом, все страны континента, за исключением Марокко, стали ее членами. Среди них много и таких, чье государственное управление и практика несовместимы с целями и принципами АС.

АС основывается на принципе единства, как и его предшественник, но отличается тем, что делает упор на народное участие и безопасность людей в противовес безопасности государств. Один из главных принципов АС – осуждение неконституционных изменений руководства стран-членов. Важна и новая трактовка суверенитета и невмеша-

тельства во внутренние дела государств. Сам принцип невмешательства остается, но Союз имеет право вмешиваться во внутренние дела другой страны, но только по решению Ассамблеи глав государств и правительств при наличии таких обстоятельств, как совершение военных преступлений, развязывание геноцида и совершение преступлений против человечности. Страны-члены имеют право потребовать вмешательства со стороны Союза для восстановления мира и безопасности. Претворением в жизнь этих решений занимается Совет Мира и Безопасности (СМБ).

В целом в Учредительном акте сохранены основные положения и принципы Хартии ОАЕ. Главным отличием создаваемой организации по сравнению со свободным сообществом – ОАЕ, становится формирование ряда наднациональных органов по аналогии с Евросоюзом, которые берут на себя часть властных функций. Так, высшим органом новой организации провозглашается Ассамблея АС, состоящая из глав государств и правительств входящих в него стран. Решения на ней принимаются на основе консенсуса или двумя третями участников.

Прерогативой Ассамблеи, согласно Акту, является «выработка единой политики Союза», «утверждение докладов и рекомендаций других органов», рассмотрение просьб о вступлении в АС, а также утверждение бюджета организации.

Создаваемый Исполнительный совет АС, наподобие Совета министров ОАЕ, также состоит из глав внешнеполитических ведомств. К сфере деятельности Совета относятся вопросы координации взаимодействия в таких областях, как энергетика, промышленность, природные ресурсы, транспорт и коммуникации, здравоохранение, образование и культура.

Кроме того, создаются семь специализированных технических комиссий, которые займутся разработкой конкретных проектов и программ в различных областях, представляемых на рассмотрение Исполнительного совета.

В Учредительном акте предусматривается создание Всеафриканского парламента, который должен предоставить простым африканцам более широкую возможность участвовать в решении континентальных проблем, также принято решение об учреждении единого африканского суда и ряда финансовых институтов: Африканского центрального банка, Африканского валютного фонда, Африканского инвестиционного банка.

Особое внимание в Учредительном акте привлекают две выделенные отдельно статьи, касающиеся членства в АС. Первая из них закрепляет возможность дисциплинарных санкций в отношении государств, которые на протяжении длительного времени не вносят свою долю в бюджет организации. Меры предусматривают, что эти страны-государства не будут участвовать в голосовании при принятии решений АС, их представителей не будут избирать в выборные органы и допускать к работе в штатных структурах организации.

Другой пункт Акта гласит о том, что «правительства тех государств Африки, которые пришли к власти неконституционным путем, не будут допущены к участию в деятельности Союза».

Лидеры континента извлекают уроки из функционирования ОАЕ. В отличие от ОАЕ в деятельности АС должны принимать участие неправительственные организации, профсоюзы, деловые круги и другие общественные объединения, в частности в работе экономического, социального и культурного совета.

Инаугурация новой континентальной организации состоялась 8–10 июля 2002 г. в г. Дурбане (ЮАР). Это была первая Ассамблея глав государств и правительств АС, на которой была одобрена новая программа социально-экономического развития Союза под названием «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД).

Главная задача НЕПАД – остановить тенденцию к углублению социально-экономической отсталости Африки,

вывести страны континента на траекторию экономического роста и улучшения взаимодействия с главными партнерами мирового хозяйства с опорой на собственные силы. Ставится задача вдвое сократить бедность к 2015 г., выйти на ежегодное 7–8-процентное увеличение производства путем значительного роста нормы накопления, а также за счет экономической помощи развитых государств и притока частного капитала [5].

Таким образом, АС основывается на «трех китах» – партнерство с обществом; обеспечение мира, безопасности и стабильности на континенте; социально-экономическое развитие и интеграция. Объединенная и сильная Африка видится в партнерстве правительств и всех групп общества, в том числе женщин, молодежи, профсоюзов, частного сектора экономики. Это позволит укрепить сплоченность и солидарность между народами Африки. Отсюда вытекает активное участие неправительственных и социально-экономических организаций, профессиональных ассоциаций и организаций общества в целом в интеграционных процессах, а также в выработке и реализации программ АС. В этом и кроется также одно из коренных отличий АС от своего предшественника – ОАЕ.

В учредительном акте АС прямо записано о том, что одной из главных его целей является «обеспечение демократических принципов и институтов, народного участия и хорошего управления странами». Роль союза была определена в «Декларации о принципах проведения демократических выборов в Африке».

Важным этапом на пути дальнейшего укрепления АС стали встречи глав более 40 государств и правительств, которые приняли участие в саммите Африканского Союза, состоявшемся 10–12 июля 2003 г. в столице Мозамбика Мапуту.

Участники встречи ратифицировали протокол об учреждении Совета Безопасности и Мира, который наделяется полномочиями вмешиваться в африканские конфликты и

привлекать к ответственности за преступления против человечества подобно Совету Безопасности ООН.

Вторая Ассамблея глав государств и правительств АС была призвана внести решающий вклад в организационное становление этой континентальной организации. Приняв в 2002 г. в Дурбане на учредительной Ассамблее эстафету от ОАЕ, она на протяжении первого года деятельности занималась работой по формированию новых институтов, а также собственного руководящего органа – Комиссии, которая раньше называлась секретариатом. В Мапуту комиссия обрела постоянный статус во главе с избранным председателем.

Согласно повестке дня главной темой саммита было выполнение долговременной социально-экономической программы «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД) как вклад в развитие Африки. На нем прозвучал доклад бывшего тогда президента Нигерии Олусегуна Обасанджо, который возглавляет комитет по выполнению программы НЕПАД в составе глав государств и правительств. Суть доклада заключалась в изложении хода реализации программы с июля 2002 г. Особенно выделена работа по подготовке проектов по программе всеобъемлющего развития сельского хозяйства Африки, а также приоритетных проектов в сфере энергетики, транспорта, водоснабжения, здравоохранения, информационных и коммуникационных технологий.

В принятом на встрече документе по этому вопросу говорится о необходимости официального включения программы НЕПАД в структуры АС, а также установления и закрепления связей от имени АС с другими партнерами и организациями, в том числе Евросоюзом, Таможенным союзом стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и другими организациями.

Вторая по важности тема саммита АС в Мапуту была посвящена рассмотрению положения дел с ходом борьбы на континенте с инфекционными заболеваниями, в том числе ВИЧ, туберкулезом, малярией. С этой целью в Мапуту были

приглашены руководители международных организаций, по итогам обсуждения принята «декларация Мапуту», в которой выражается беспокойство продолжающимся распространением СПИДа (ВИЧ-инфекции), туберкулеза, малярии и других инфекционных заболеваний.

Делегаты приветствовали предложение президента Туниса о проведении международной конференции по разработке антитеррористического кодекса. В документе саммита указывается на важность этого кодекса, предназначенного усилить борьбу с терроризмом и укрепить гуманитарные и моральные ценности, основанные на солидарности, терпимости и отказе от всех форм дискриминации, несправедливости, экстремизма и ненависти, а также обеспечения взаимного уважения государственного суверенитета. Разработка такого антитеррористического кодекса помогла бы начать переговоры о подготовке Глобальной конвенции по борьбе с терроризмом.

Ассамблея выразила беспокойство усиливающейся угрозой со стороны международного терроризма, особенно расширением деятельности террористических сетей, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии континента.

На последующих встречах глав государств и правительств, которые, как правило, проходят два раза в год, обсуждались социально-экономические проблемы, в частности реализация целей НЕПАД, миротворческие инициативы АС, проблема обеспечения надлежащего управления и развития демократии (African Peer Review Mechanism – APRM), проблемы глобальных изменений климата и окружающей среды, терроризма, инфекционных заболеваний и многие другие. Так, состоявшаяся в начале февраля 2010 г. 14-я встреча глав государств и правительств (г. Аддис-Абеба) рассмотрела вопросы продовольственной безопасности континента. Особая дискуссия развернулась вокруг проблемы создания «Соединенных Штатов Африки».

Всеафриканский парламент (ВАП) как фактор интеграции континента

Уже первые шаги деятельности АС свидетельствуют о стремлении его руководителей способствовать интеграции и демократическим преобразованиям на континенте. Важнейшим шагом на этом пути стало создание Всеафриканского парламента (ВАП). Всеафриканский парламент, как указывается в статье 17 Учредительного акта Африканского Союза, является одним из его органов и создается для «обеспечения полнокровного участия народов Африки в развитии и социальной интеграции континента» [8]. Создание ВАП впервые было предусмотрено в Договоре об учреждении Африканского экономического сообщества (АЭС), подписанном в столице Нигерии Абудже в 1991 г. В документе в качестве конечной цели ставилась полная социально-экономическая интеграция стран континента к 2025 г. Этого следовало достигнуть на протяжении шести этапов, на последнем из которых планировалось создание ВАП.

На ВАП возлагаются задачи вовлечения различных слоев населения в интеграционные процессы объединения Африки. Для этой цели требуется создание структуры, чтобы направить в соответствующее русло энергию народов и представлять интересы африканских стран на должном уровне. Создание континентального парламента поможет участию более широкого спектра политических сил и тех, кто вырабатывает политику и определяет пути решения ключевых проблем, требующих коллективного внимания. К ним относятся проблемы демократии, надлежащего управления, мира, безопасности, стабильности, защиты прав человека и превыше всего – развития народов континента.

Парламентарии ВАП представляют все народы Африки. Конечной целью ВАП является превращение его в институт, наделенный полными законодательными полномочиями, чьи члены избираются на основе всеобщего избирательного

права. Однако до того как это станет возможным ВАП, будет иметь только консультативные и совещательные полномочия.

Цели ВАП состоят в следующем:

- облегчить выполнение политики и целей АС; содействовать обеспечению принципов прав человека и демократии в Африке: поощрять надлежащее управление, открытость и подотчетность в странах – членах ВАП;
- знакомить население Африки с целями и политикой по интеграции африканского континента;
- добиваться достижения мира, безопасности и стабильности.

Первые результаты деятельности ВАП свидетельствуют, что его функции остаются консультативными и совещательными, а разработанный «Стратегический план ВАП на 2006–2010 гг. «Одна Африка, один голос» остался пока декларативным документом.

Серьезным тормозом на пути превращения ВАП в реальный законодательный орган АС является отсутствие достаточного финансирования его деятельности. В этих условиях ВАП стремится использовать свои возможности в просветительской деятельности, организуя различного рода семинары и круглые столы по развитию демократических институтов и защите прав человека. Одновременно с этим ВАП подготовил важный документ «Вклад Всеафриканского парламента в дискуссию о правительстве Африканского Союза», который был представлен на девятой сессии АС, прошедшей в июле 2007 г. в столице Ганы г. Аккре и целиком посвященной вопросу создания правительства Союза.

В представленном документе подчеркивалось, что ВАП на деле должен стать единым для всех государств-членов законодательным органом, избираемым прямым голосованием граждан африканских стран.

Кроме того, ВАП наделяется надзорными функциями над другими органами АС – Советом Мира и Безопасности, Экономическим, социальным и культурным советом (ЭКОСОКС). Африканская комиссия по правам человека и другие технические и финансовые институты должны представлять в ВАП ежегодные отчеты. Документ предусматривал и другие контрольные функции по кадровым вопросам к бюджету Союза.

Эти рекомендации и установленный пятилетний период перехода к ВАП функций законодательного органа и прямые выборы депутатов, намеченные на 2009 г., пока остались нереализованными.

Таким образом, ВАП находится в стадии становления и поиска своего места в структуре АС в рамках Учредительного акта [7, с. 28–32].

Миротворческая деятельность

В актив Африканского Союза следует отнести миротворческую деятельность на континенте. В 2003 г. приступил к работе учрежденный Африканским союзом Совет Мира и Безопасности (СМБ) – орган, обладающий широкими полномочиями и призванный на практике обеспечить мир и стабильность на континенте. СМБ осуществляет оперативное реагирование на конфликтные ситуации на континенте, а также контролирует легитимность смены власти. При нарушении этого принципа Совет вводил санкции, например в 2005 г. против Мавритании, которые были сняты в апреле 2005 г. после проведения в стране свободных выборов. АС принял решение о приостановлении членства Гвинеи в Союзе в декабре 2008 г., после государственного переворота, осуществленного военными под руководством капитана Муссы Дадисы Камары. В заявлении АС указывалось, что Гвинее вернут ее статус после восстановления в стране конституционного порядка.

В настоящее время особенно сложная конфликтная ситуация сложилась в Сомали и суданской провинции Дарфур. Почти двадцать лет как Сомали стала зоной военных действий после военного переворота, когда был свергнут президент Сиад Барре. Борьба за власть многочисленных сомалийских кланов ввергла страну в состояние многолетней гражданской войны, что фактически привело к распаду государства. Многочисленные попытки мирового сообщества урегулировать ситуацию в стране не увенчались успехом.

В 2008 г. в страну прибыли миротворцы АС, однако их количество не в состоянии обеспечить мирный процесс в стране. Состоявшийся в сентябре 2009 г. в городе Триполи специальный саммит АС принял решение увеличить численность миротворческих сил в Сомали с 5 до 8 тыс. человек.

Безвластие породило беспрецедентную в новейшей истории ситуацию – появление пиратства у побережья Сомали и в северо-западной части Индийского океана, где пролегают многочисленные торговые маршруты.

По некоторым данным, только в 2009 г. сомалийские пираты получили выкуп на общую сумму свыше 150 млн долл. Зафиксировано более 120 пиратских нападений, было захвачено 35 судов с 600 моряками и гражданскими лицами [4, с. 53]. АС призвал мировое сообщество провести международную конференцию по борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Большое внимание АС уделяет миротворческой деятельности в Судане, где военное противостояние между арабским севером и негроидным югом продолжалось почти два десятилетия, с 2003 г. возникла конфликтогенная ситуация в западной провинции Дарфур.

АС приложил немало усилий для урегулирования ситуации на юге Судана и в Дарфуре, где находится миротворческий контингент Союза.

В западной части Судана, Дарфуре, площадь которого превышает Францию и Германию вместе взятые, проживает

свыше 5 млн. человек. Здесь продолжается конфликт между коренными земледельческими африканскими этносами (фур, масами и загава) и кочевниками-арабами. Основной причиной конфликта стало соперничество за пастбища и источники воды в этом засушливом регионе. Борьба обострилась и приняла вооруженный характер после формирования африканскими этносами повстанческих организаций: Суданской освободительной армии и движения «Справедливость и равенство». Конфликт подогревается соперничеством великих держав за разработку колоссальных запасов нефти в этом регионе.

Правительство попыталось силовыми методами усмирить повстанцев и когда ему не удалось справиться с этой задачей, оно пошло на активную поддержку арабизированного кочевого населения Дарфура. В результате возникли его вооруженные отряды, получившие название «Джанджавид» (всадники), которые при поддержке правительства начали применять тактику выжженной земли. Конфликт приобрел крупномасштабный вооруженный характер и унес жизни свыше 300 тыс. человек, более одного миллиона стали беженцами [3, с. 355].

В этих условиях с инициативой мирного урегулирования вооруженного конфликта выступил АС и направил миротворческие силы, численность которых насчитывала свыше 7000 человек.

Одновременно с 2006 г. в нигерийской столице Абудже ведутся переговоры между повстанческими организациями и правительством Судана, которые не принесли пока позитивных результатов. В разрешение дарфурской проблемы активно включаются не только АС, но и правительства африканских стран, которые стремятся совместно с ООН добиться соглашения о перемирии.

В июле 2007 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию о развертывании в Дарфуре «гибридной» миротворческой миссии ООН и АС. По данным на конец 2008 г., об-

щая численность вооруженного персонала этой миссии составила свыше 10 тыс. Однако ситуация в Дарфуре по-прежнему остается напряженной.

Наметившийся прогресс в подписании в феврале 2009 г. соглашения между суданским правительством и повстанческой группировкой «Справедливость и равенство» был подорван решением Международного уголовного суда о выдаче ордера на арест президента Судана Омара Аль-Башира. Двенадцатая Ассамблея глав государств и правительств АС призвала Международный уголовный суд отменить свое решение.

В последние годы миротворческая деятельность АС способствует формированию собственно африканских контингентов как в региональных миротворческих силах, так и в совместных с ООН и западными странами воинских подразделениях.

Совет Мира и Безопасности АС приступил к формированию национальных контингентов сил безопасности Африканских сил постоянной готовности (АСПГ). Необходимость создания АСПГ неоднократно рассматривалась на разных уровнях в связи с такими вызовами, как межгосударственные и внутренние конфликты, распространение наркотиков, преступности, терроризма и экстремизма, осуществление операций по поддержанию мира, разоружение и роспуск незаконных военизированных формирований, проведение гуманитарных операций по оказанию помощи пострадавшему гражданскому населению и ликвидации последствий стихийных бедствий и т.п.

Предполагается формирование пяти бригад постоянной готовности в пяти субрегионах: Северная, Восточная, Западная, Южная и Центральная Африка. Состав каждой из пяти бригад АСПГ определен в рамках 4300 чел., вертолетной группы (4 вертолета) и других военных и подсобных структур.

Практическое становление АСПГ наталкивается на серьезные трудности не только военно-технического характера, но и разногласия в отношении путей и методов урегулирования конкретных конфликтных ситуаций. При этом большую проблему представляют источники финансирования АСПГ, поскольку западная помощь и привлечение военного иностранного персонала затрагивает суверенные права африканских государств.

В целом АС постепенно утверждается в качестве активного участника миротворческого процесса на континенте, хотя пока его деятельность не всегда в равной степени эффективна. В актив АС можно отнести нормализацию ситуации в Бурунди, Кении, участие в миротворческих операциях в Демократической Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, странах Западной Африки. Ежегодно, начиная с 2006 г. проводится встреча «Миротворчество в Африке», где обсуждаются вопросы стратегии и тактики миротворческих операций на континенте.

Африканский Союз провозгласил 2010-й год Годом мира и безопасности в Африке.

В последние годы вопросы мира и безопасности стали сферой интересов «Большой восьмерки». На ее встрече в Кананаскисе (Канада) был принят «Африканский план действий», касающийся операций по поддержанию мира в Африке. Доклады, оценивающие выполнение этого плана, были представлены на последующих встречах «Восьмерки», которая оказывает финансовую помощь АС. Так, было выделено более 200 млн. долл. на поддержку миротворческих сил АС в Дарфуре. В международном миротворчестве в Африке участвует и Россия, направляющая наблюдателей и военных для операций по поддержанию мира на континенте, а также оказывающая содействие в подготовке африканских кадров.

НЕПАД и «Восьмерка»

Создание Африканского Союза и программа НЕПАД были восприняты мировым сообществом как новый этап в политическом и социально-экономическом развитии континента, основанный на максимальном использовании природных и материальных ресурсов и направленный на преодоление отсталости. При этом западные страны и мировые финансовые и экономические организации позитивно восприняли выбор АС либеральной модели развития и демократических структур.

Вместе с тем лидеры африканских стран обратились к «Восьмерке» с просьбой увеличения объема международной помощи, списания долгов странам континента. Идя навстречу лидерам африканских стран, «Восьмерка» приняла решение внести обсуждение африканских проблем в свои ежегодные встречи и вести специальный диалог с африканскими лидерами. Был создан форум по партнерству с Африкой (ноябрь 2003 г., Эвиан).

В 2005 г. «Восьмерка» на встрече в Глениглсе приняла обязательство значительно увеличить финансовую помощь развивающимся странам. В 2006 г. официальная помощь развитию Африки южнее Сахары поднялась до 28 млрд долл.

К 2008 г. с 19 африканских стран были полностью списаны долги, а еще 15 также добьются этого после выполнения определенных условий. Россия списала африканским странам долги (не считая Ливии) примерно на 16 млрд долл. [1, с. 13]

На состоявшейся в июне 2006 г. под председательством России в Санкт-Петербурге встрече «Восьмерки» обсуждался ряд коренных проблем, в том числе глобальная энергетическая безопасность, развитие системы образования, борьба с инфекционными заболеваниями и другие, которые в той или иной степени имеют прямое отношение к вопросам развития африканского континента. На встрече было принято

специальное заявление «О работе с Африкой». В этом документе зафиксированы новые обязательства «Восьмерки» и Евросоюза, призванные содействовать более устойчивому развитию стран континента, надлежащего управления, борьбе с коррупцией.

Важным шагом в этом направлении стала деятельность Африканского механизма равноправного взаимного контроля, играющего важную роль в реализации программы НЕПАД. Функция механизма заключается в контроле за надлежащим управлением и экономическим развитием африканских стран. С этой целью была создана группа экспертов в составе шести человек из числа влиятельных африканских деятелей. Задача группы – оценка положения в сфере демократических преобразований и надлежащего управления в экономической области.

В настоящее время более половины стран – членов АС дали согласие на проведение взаимного контроля. Данный механизм уже запущен в действие. Прошли проверку Гана, Руанда, Кения, Маврикий, Нигерия, на очереди Алжир, Бенин, Мозамбик, ЮАР.

Предварительные итоги этой работы не позволяют делать слишком оптимистические оценки, но важно подчеркнуть нацеленность этого механизма на повышение эффективности экономического развития и управления в африканских странах.

К сожалению, благоприятные тенденции в социально-экономическом развитии африканского континента были прерваны глобальным финансово-экономическим кризисом. Для Африки последствия кризиса особенно опасны, поскольку имеют разрушительный характер, практически сводя на нет все достижения последнего десятилетия в экономике и социальной сфере. Основной удар мирового кризиса связан с резким падением спроса и цен на африканские сырьевые ресурсы, значительным сокращением денежных переводов, снижением притока иностранных инвестиций и уменьшени-

ем внешней помощи. Все эти факторы привели к сокращению масштабов производства, закрытию предприятий, росту безработицы.

В странах Африки южнее Сахары количество людей, живущих в условиях крайней нищеты, составило в 2009 г. 386 млн человек (против 200 млн в 1981 г.) [2, с. 170].

Ныне практически невозможно достижение целей Декларации тысячелетия ООН (2000–2015 гг.), а также НЕПАД в области развития. По оценкам Всемирного банка, к 2015 г. уровень абсолютной бедности в Тропической Африке по-прежнему составит 36,6% вместо отметки в 28,8%, обозначенной для этого региона [2, с. 172].

Вместе с тем африканские страны имеют лучшие позиции для преодоления кризиса, чем десять лет тому назад. Политическая модернизация повысила эффективность управления экономикой в макроэкономическом плане, африканская экономика стала более конкурентоспособной, в целом увеличился экономический потенциал региона. Важную роль в преодолении кризиса играет Африканский банк развития, который создал многоцелевой фонд (1,5 млрд долл.) для оказания помощи национальным банкам.

В условиях кризиса африканские лидеры стремятся повысить роль государства в хозяйственном развитии, стимулировать внутренний спрос и обеспечение поступления финансовых средств в сельское хозяйство, а также в инфраструктуру, модернизацию производства. Важное значение придается внешнеэкономической политике ряда африканских стран. В этом контексте следует рассматривать решения российского правительства о создании государственного механизма участия России в международных программах помощи развитию, повышению уровня торгово-экономического сотрудничества с африканскими странами, о вступлении России в Африканский и Азиатский банки развития.

Особенно следует отметить государственный визит Президента РФ Д.А. Медведева в конце июня 2009 г. в стра-

ны Африки: Анголу, Египет, Намибию, Нигерию. По итогам состоявшихся переговоров было подписано около 20 договоров и межправительственных соглашений. Россия подтвердила свою приверженность оказанию африканским странам многостороннего содействия как на двусторонней основе, так и в рамках международных механизмов, в том числе по линии «Восьмерки».

Здесь мы подошли к общей оценке деятельности АС и его структур за прошедший с 2002 г. период. При этом, очевидно, следует исходить из той социально-экономической ситуации, которая сложилась к началу нового тысячелетия на африканском континенте.

Как отмечают российские африканисты, африканские страны переживали хронический кризис во всех сферах социально-экономической жизни, в экономической области он выразился, во-первых, в существенном сокращении среднедушевого дохода одновременно с возникновением или углублением разрыва между богатством немногих, бедностью и нищетой широких слоев, если не большей части населения; во-вторых, – в росте безработицы и неполной занятости трудовых ресурсов.

В социально-политической сфере проявились ослабление авторитета и управленческого потенциала всех государственных структур, расцвет коррупции, отрыв властвующих элит от жизненных интересов народных масс, углубляющаяся социальная дезинтеграция, рост могущества криминальных групп, их нередкая связь с властями, напряженность в межэтнических отношениях, что привело к этнополитическим конфликтам, гражданским войнам.

В сфере социальных услуг Африканский регион испытывал кризис систем образования и здравоохранения, чреватый серьезными негативными последствиями для физического состояния и культурного уровня человеческого фактора.

В социокультурном отношении кризис проявился в деградации общественных нравов, вызываемой низким уровнем социальной и правовой защищенности, имущественной поляризацией, вынужденным сведением трудовой мотивации у большинства работающих к элементарному физическому выживанию, ослаблением или утратой былых представлений об этических ценностях, поведенческих нормах и т.п. [6, с. 137].

Такое драматическое наследство трудно преодолеть в считанные годы. Тем не менее в новом тысячелетии в большинстве африканских стран наблюдался самый устойчивый рост за весь период независимого развития.

В целом по континенту был зафиксирован экономический рост на 5,6% в 2005 г., 5,7% – в 2006 г. и около 6% – в 2007 г.

Африканский экспорт товаров и услуг в 2007 г. увеличился на 15,2%, а импорт – на 13,2% [1, с. 6].

Эти результаты стали не только следствием благоприятной мировой конъюнктуры, но и более эффективного внедрения надлежащего управления и улучшения климата безопасности.

Африканский Союз играет все возрастающую роль в миротворческой деятельности. В рамках АС и региональных организаций предприняты меры по пресечению нелегальной торговли легким оружием, контролю над его запасами.

Вместе с тем цели, поставленные в программе НЕПАД, реализуются с большими трудностями, многие проекты по развитию инфраструктуры даже не начаты. Глобальный финансово-экономический кризис нанес серьезный ущерб экономике африканского континента.

В этих условиях африканские страны стремятся преодолеть трудности экономического развития на путях континентальной интеграции во всех сферах экономической и политической жизни. Для достижения этих целей африканские лидеры, как представляется, должны поступиться некоторы-

ми элементами государственного суверенитета, властными амбициями, этническими и религиозными предпочтениями.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Африканский Союз завершает формирование структуры своей организации, ряд его подразделений, прежде всего Совет Мира и Безопасности, активно осуществляет миротворческую деятельность на континенте.

АС усиливает роль континента на международной арене, а во внутреннем фронте отстаивает демократические принципы, вводит санкции против антиконституционных режимов.

Вместе с тем важнейшая задача континентальной экономической и политической интеграции находится на стадии обсуждений. Несмотря на скромные итоги деятельности АС, нельзя не согласиться с тем, что проблема согласования интересов более 50 стран континента – задача весьма сложная и потребуются многие годы, чтобы ее осуществить. Следует также подчеркнуть, что мировое сообщество должно осознать, что проблемы Африки носят глобальный характер и требуют незамедлительных действий со стороны западных стран.

Л и т е р а т у р а

[1] *Васильев А.М.* Африка: виден ли свет в конце тоннеля?: Доклад // XI конференция африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия». Москва, 22–24 мая 2008 г. – М., 2008. – С. 13.

[2] Воздействие мирового кризиса на Африку и влияние кризисных процессов в Африке на страны «Севера» // Материалы международной научной конференции. Москва, 16 июня 2009 г. – М., 2009. – С. 170.

[3] *Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран. – М., 2009. – С. 355.

[4] Международные аспекты конфликтных ситуаций в Африке. – Вып. № 15. – М., июнь 2009. – С. 53.

[5] Подр. анализ НЕПАД содержится в работе: *Маценко И.Б.* Африка: от Лагосского плана действий до НЕПАД. Эволюция концепций экономического развития. – М., 2005.

[6] Подр. см.: Социальный кризис в Африке. Есть ли выход? – М., 1999. – С. 137.

[7] *Усов В.А., Шубин В.Г.* Всеафриканский парламент: создание, деятельность, перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 5. – С. 28–32.

[8] The Constitutive Act of the African Union. URL: <http://www.an2002.gov.za/docs/keyoau/auact.htm>.

И.В. Следзевский

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
АФРИКАНСКИХ СТРАН
В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(кризис модели «догоняющего» развития)**

В статье анализируется опыт «догоняющей» модернизации в независимых странах Африки – результаты развития на основе заимствований достижений развитых стран и разрушения традиционных структур. Подчеркнуты трудности и пределы этого типа развития, связанные с необходимостью совмещения традиций и современности, модернизации и сохранения стабильности в обществе.

Ключевые слова: социокультурная динамика, социальная эволюция, социальный прогресс, культурное программирование развития, модели модернизации, «догоняющая» модернизация, традиции и современность в Африке.

Достижение политической независимости поставило перед африканскими политическими и интеллектуальными элитами множество вопросов национального, экономического и культурного строительства. Охватить возникшие проблемы и наметить пути их решения были призваны созданные в условиях деколонизации концепции и стратегии развития. Отличаясь идеологической окраской (разной степенью приверженности к традиционным ценностям и африканской идентичности в целом), эти стратегии в большинстве своем копируют модель «догоняющей» модернизации – преобразования традиционных отношений и структур по стандартам развитых (западных) стран. В африканских условиях эта модель воспроизводит либеральную парадигму капиталистически ориентированного развития и ее основные элементы: рыночный механизм распределения ресурсов, признание капитала решающим фактором производства, соблюдение принципов открытой экономики и т.д.

В практике африканского развития модель «догоняющей» модернизации принимает вид прагматических программ и решений, согласуемых с международными экономическими центрами: повысить ежегодный прирост ВВП и сохранить общую устойчивость макроэкономических показателей, увеличить экспортные возможности национальных экономик и сократить бюджетный дефицит государства, привлечь иностранные инвестиции и кредиты, улучшить рынок труда и т. д.

Однако в более широком культурном и идеологическом контексте все эти практические программы и действия имеют несомненную заданность – концептуальную и мировоззренческую. Формат изменений задает так называемая философия развития, она определяет основные установки, ценности, направления и цели современной «догоняющей» модернизации, ее культурный и ментальный горизонт. В научной литературе ее часто именуют также «идеологией развития» (девелопментализмом). Но это определение представляется довольно узким, не учитывающим мировоззренческие основы философии развития: европоцентризм, отождествление стандартов (норм и ценностей) развития с уникальной динамикой развития новоевропейской цивилизации на протяжении последних столетий.

Горизонт философии развития отнюдь не ограничивается целями преодоления экономической отсталости и слаборазвитости. Дело в том, что «форматирующая» «линия развития» приобретает значение *сверхценности*. Развитие наделяется чудодейственной способностью преобразования общества в короткие исторические сроки и исключительно в лучшую сторону, а овладение этой способностью связывается с переносом или заимствованием (имитацией) достижений развитых (западных) стран.

Со времени своего появления в 50-е гг. XX в. философия развития претерпела значительные изменения. Суть развития, его движущая сила уже не отождествляются исключи-

тельно с технико-экономическим ростом. Политическая демократия теперь признается не предварительным условием развития (идеологическая максима модернизации в 1950–1960-е гг.), а функцией и даже результатом успешного развития.

Тем не менее главные постулаты философии развития не изменились. Объективные параметры развития (уровень сложности, дифференциации и интеграции общества) рассматриваются как производное от его направленности, общественно-политического курса. Предполагается, что следование «правильному опыту» – опыту развитых стран, их приоритетам и достижениям (ускорение экономического роста, разгосударствление экономики, консолидация на демократических началах политической системы и т.д.), уже само по себе может обеспечить нужные параметры и вывести африканские общества на новый уровень социальной эволюции. При этом, как правило, игнорируется или замалчивается присутствующая природе общественного развития двойственность, противоречивость изменений – наличие в развитии не только прогрессивных, но и антипрогрессивных составляющих, возможность дезорганизации общества, регрессивных поворотов и сдвигов. По-прежнему недооценивается или игнорируется тот факт, что условием успешного развития является хотя бы минимальное соответствие факторов развития (институциональной структуры изменений) структуре среды, прежде всего – социокультурному укладу жизни основной массы населения.

С 80-х гг. XX в. философия развития подвергалась нарастающей критике. Этому способствовал и самостоятельный опыт успешного развития ряда азиатских стран, и рост антимодернистских течений в политике, идеологии и культуре ряда афро-азиатских стран (особенно исламских), и пересмотр основных постулатов классической теории модернизации. Признание все более получает модель «эндогенного развития», не разрушающего традиции, самобытность данно-

го общества, а опирающегося на них как главный ресурс устойчивости и стабильности развития.

Следует отметить, что при анализе африканского опыта экономического и политического строительства критика философии развития используется пока недостаточно, несмотря на многие и очевидные провалы различных «программ развития». Эта критика значительно ослабла после падения социалистических и марксистских режимов в Африке и крушения социалистической модели развития в СССР и странах Восточной Европы. Критический анализ ослаб и в отечественной африканистике. Если в 1980-е гг. был опубликован ряд коллективных монографий, специально посвященных анализу «идеологии развития» Африки [14; 20], то в 2000-е гг. эта тема нашла отражение лишь в нескольких работах В.С. Мирзеханова [11; 12]. Однако возобновление этой критической работы, видимо, необходимо.

Глобализация начала XXI в. ставит под сомнение полноценность модели развития, которая игнорирует «человеческий» фактор социальных и политических перемен или воспринимает его исключительно как объект социальных и политических преобразований. Правда, в отличие от радикального и в значительной степени идеологизированного направления критики, выдвигающего на первый план ущербность неолиберальных (рыночных) моделей развития и негативное влияние на положение Африки международной финансово-экономической системы, мы сделаем основной акцент на проблеме устойчивости африканского развития, соотношении в нем внутренних (эволюционных) и привносимых (модернизационных) изменений, прогрессивной и антипрогрессивной составляющих, традиций и современности. Охватить и «выстроить» (тематизировать) эту проблематику позволяет пока слабо используемое в африканистике понятие «социокультурная динамика».

Социокультурная динамика как неравновесная система изменений

Понятие «социокультурная динамика» близко, но неравнозначно понятию «социальные и культурные изменения». Под социокультурной динамикой (динамикой культуры) понимаются изменения в социокультурных системах и во взаимодействии культур, которые характеризуются *целостностью* (совмещением изменений), *упорядоченностью* тенденций (связь с социальным устройством) и *направленностью* (наличие векторов изменений) [10, с. 99]. Необходимо также учитывать специфику факторов (движущих сил) социокультурной динамики. Ее определяют, с одной стороны, естественные, спонтанно действующие факторы (демографические процессы, экологические изменения, технологический прогресс, социальные и культурные конфликты и т.д.), с другой – собственно культурные факторы (смыслы, нормы, ценности, культурные коммуникации). Естественные факторы придают динамическим изменениям стихийный, неконтролируемый (или недостаточно контролируемый характер). Культурные факторы делают изменения и их динамические параметры более или менее контролируемыми, управляемыми, предсказуемыми. В поле действия естественных факторов динамика проявляется через случайные колебания, которые лишь постепенно, под действием социологических законов, складываются в определенные тренды. Воздействие культурных факторов выражается в наличии нормы, *меры изменений*. Она вносит элемент стабильности и устойчивости в динамику случайных изменений, ограничивая их колебаниями вокруг «нормального» состояния системы.

В теориях социальных изменений культурные ограничители стихийных изменений часто представляются как субъективные факторы, связанные с желаниями и стремлениями людей и не подчиняющиеся действию объективных социологических законов. В действительности, речь идет об

автономной, объективно действующей системе социальной регуляции, которая устанавливает *образцы (программы) изменений*. Они формируются властными и идеологическими установлениями, базовыми ценностями и нормами, высшими духовными принципами и сакральными законами. Таким образом, обеспечиваются *преемственность* и *определенность* (самотождественность) социальных структур по отношению к происходящим в них изменениям, задаются (программируются) необходимые параметры социокультурной динамики: целостность, устойчивость, направленность.

В свою очередь, сохранение динамических параметров невозможно без появления и развития специальных структур, институтов, механизмов, которые охватывают своим регулирующим влиянием большую или меньшую сферу жизни каждого человека.

Упорядоченность динамики поддерживают особые структуры устойчивости, связанные с наличием социокультурной иерархии или особой срединной культуры (в развитых цивилизациях) [4, с. 273–274].

Целостность динамики обеспечивают развитые общественные идеологии и политические системы, принципы социальной организации, охватывающие всех членов общества [19, с. 130].

Направление изменений задается ценностными и смысловыми сферами культуры, особыми системами религиозного спасения и специализированными культурами [18].

Культурная регуляция изменений имеет собственную динамику, отличную от динамики естественных изменений. Общий принцип и главный тренд культурной динамики состоит в возвышении культуры как системы программирования изменений. Постепенно складываются такие формы устойчивости и определенности социального целого, которые превосходят по своему значению и влиянию все обыденные представления о непрерывности и тождественности социального порядка. Этим свойством обладают так называемые

всеобщие формы культуры. Они развивают универсальный тип связей между людьми, основанный на всеобщих интересах, универсальных ценностях и нормах совместного существования в стратифицированных обществах.

Принцип всеобщности культуры помогает образованию крупномасштабных социальных систем (больших исторических единств), преодолевающих локальные деления, этнические различия, социальные противоречия. Это весьма длительный, неравномерный и сложный исторический процесс; в ходе его возможны снижение уровня всеобщего и даже возвращение к архаическому состоянию культуры. Как форма социального устройства всеобщность возникает с образованием государства и в его рамках. Более или менее устойчивое значение и влияние ей придают *региональные цивилизации*, которые устанавливают принципы всеобщей регуляции для самых разных процессов и структур, включая государство. В рамках цивилизационного устройства культурные образцы (программы) изменений получают перевес над более древними – биокультурными, основанными на природно-социальном синкретизме [16, с. 110–111]. Свойством социокультурной динамики становится структурная надприродность.

Как система социокультурная динамика представляет собой крайне неустойчивое, неравновесное образование. Степень его устойчивости определяется, с одной стороны, уровнем отклонения от «нормального» состояния системы естественных изменений среды, с другой – уровнем привносимых в нее культурных новаций. Если объем новаций или уровень стихийных изменений превышают возможности культурной регуляции динамики, социальная система оказывается в кризисе, на грани распада. Если же в ответ на эту угрозу система меняет свои качественные характеристики – структурные, организационные, но при сохранении их динамических параметров, то происходит ее внутренняя реорганизация, переход в новое устойчивое существование. Это со-

стояние (изменения в условиях устойчивости) лучше всего определяется в понятиях «эволюция», «развитие».

Конечно, и в условиях кризиса социальной системы как целого в ней могут происходить структурные изменения, стремительно падать или возрастать уровень сложности (дифференциации и интеграции) системы. Но нет гарантии, что эти сдвиги вызовут столь же значительные перемены в системе социокультурной регуляции и будут в дальнейшем воспроизводиться в качестве устойчивых образцов социальных процессов. О социальной эволюции или развитии как устойчивых динамических процессах можно говорить только в том случае, если обусловленное ими состояние общества закрепляется в культурной памяти людей, становится традицией, привычной программой социальных действий.

Но нельзя ли уменьшить влияние стихийных изменений, превратив социокультурную динамику в сознательно управляемый процесс? Эта идея не покидает человечество с момента появления развитых форм общественного сознания – религии, идеологии, философии, художественного творчества. В XX в. она превратилась в нечто большее – проекты сознательной переделки мира, «делание будущего», по словам А.А. Зиновьева [5, с. 298].

Если до XX в. развитие общества даже в марксистской теории рассматривалось как процесс исключительно стихийный, подчиненный объективным законам социальной эволюции, то после Первой мировой войны, на волне революционных преобразований, охвативших Европу, этот взгляд был пересмотрен. Трансформация социальных систем перестала выглядеть неконтролируемым, стихийным процессом. В общественном сознании и в социальной практике массового общества на первый план вышли факторы сознательного целеполагания, планирования и координации действий огромных масс людей.

На практике «делание будущего» столкнулось с большими проблемами. Однако устремленность в будущее

прочно укоренилась в практике общественного развития и в современном общественном сознании. Социокультурная динамика теперь не просто регулируется (что кажется естественным при нынешнем уровне сложности общества, взаимосвязанности мировых процессов) – ее движение «выпрямляется», «выравнивается», «организуется», «подталкивается» и т.п.

Особое место в планах «переделки мира» занимала и продолжает занимать модель «догоняющей» модернизации. После краха в середине XX в. колониальной системы она стала крупнейшим мировым проектом будущего. Фактор сознательного целеполагания доминирует во всех траекториях «догоняющей» модернизации. «Модернизация предстает как сознательное и нарастающее обретение качественно новых расширенных возможностей...» [9, с. 468].

В последние десятилетия модель «догоняющей» модернизации уже не встречает того энтузиазма, который она вызывала в либеральных кругах западных и развивающихся стран в середине XX в. Значительно чаще, чем раньше, эта модель подвергается критическому анализу, выявляются пределы ее успешной реализации. Основное ее препятствие усматривается во внешнем ограничителе – завершении эпохи индустриального общества в развитых странах [6, с. 131–140].

Можно высказать предположение, что не меньший (если не больший) ограничитель «догоняющей» модернизации заложен в типе ее динамики. Пределом является максимально возможный (в данной системе культурной регуляции) уровень отклонений от *нормы динамических изменений*. Выход за этот предел, особенно если он связан с разрушением структур и механизмов регуляции, делает социальные сдвиги все менее устойчивыми, граничащими с распадом динамической системы.

Для современного мирового развития проблема стабильности изменений стоит очень остро; она принимает сис-

темный характер. Особенно быстро и драматически неустойчивость развития нарастает на периферии мировой экономической и политической системы. Разрывы в процессах и уровнях модернизации настолько усиливаются, что становится трудно объяснять их слаборазвитостью периферии. В ряде стран достигнут индустриальный рост, заимствованы многие элементы либеральной демократии и неолиберальной политики, однако эволюционного сдвига в направлении западных обществ так и не произошло. Напротив, усилились тенденции нестабильности, кризисного развития. Расширилась группа беднейших, наименее развитых стран. Механизм экономической модернизации сложился далеко не везде, тогда как негативные последствия приобщения к мировому рынку, глобальным финансовым и информационным потокам проявляются в полной мере и превращаются в глобальные проблемы (рост населения и миграции, гибель природных экосистем, обострение борьбы за ресурсы, криминализация мировой экономики и т.д.). И как общий итог – падение контроля над стихийными колебаниями и трендами стихийного развития.

Развал общества как устойчивой динамической системы и просто нормальной среды обитания людей проявляется наиболее драматически в ряде стран субсахарской зоны Африки, оказавшихся самым слабым звеном мирового периферийного развития. Этот развал уже привел к колоссальным человеческим потерям, создал негативный и неприемлемый образ африканского развития как *антиразвития*. Значение произошедшей трагедии выходит далеко за рамки африканских стран. Начавшийся в 80-х гг. XX в. «кризис Африки» дает возможность соотнести идеальные цели «догоняющей» модернизации и ее реальные результаты в среде отличающейся особой хрупкостью социальных и экологических балансов. Это позволяет более отчетливо увидеть связь срывов в «догоняющем» развитии с искусственностью и ограничен-

ностью его динамической модели, сводящей развитие к переносу достижений западных стран в незападные.

Африканский акцент в анализе этой проблемы необходимо сделать и по причинам, имеющим отношение к диалогу культур, развитию постколониального дискурса (подробнее см.: [7, с. 128–153]) как важной части такого диалога. В африканистском знании широкое распространение получила культурно-идеологическая модель «африканизма» – воображаемой карты расположения Африки в мировом культурном и историческом пространстве. Образы динамичного развития, успешной эволюции как достижения в первую очередь Европы в ней противопоставлены образам якобы нединамичного, «природного», «этнографического» существования африканских народов в качестве будто бы основной отличительной черты их культур. Мы попытаемся обнаружить связь этой версии «африканизма» с культуроцентристскими (*цивилизационными*) характеристиками «догоняющего» развития и показать ее несоответствие реальной социокультурной динамике африканского развития.

«Сущее» и «должное» в «догоняющем» развитии

Цивилизационное начало (универсалистский тип социального устройства) нарушает естественный ход социальной эволюции. Возникают устойчивые отклонения (девиации) эволюционных процессов в сторону сближения или разделения высших принципов и ценностей, с одной стороны, и объективной реальности – с другой. В результате цивилизация как программа изменений человека, общества, природы придает социальной эволюции элементы *предустановленности*, сознательной направленности изменений. Этому особенно способствуют возникающие в эпоху цивилизации представления о разрыве между должным и сущим и сознательные усилия по преодолению их несовпадения. Должное превращается в притягательный и мобилизующий идеал су-

щего, всеобщую идею, заключающую в себе мощный интегративный и мотивирующий потенциал человеческих действий, принцип легитимизации социальных центров и политических авторитетов [18, с. 51–61]. Таковы идеи религиозного спасения, гармонии бытия человека и кругооборота жизни, свободы человеческой личности, торжества Закона и т.д.

Именно в рамках цивилизационного сознания оценочные и по большей части этически окрашенные категории «добро», «зло», «дикость», «варварство», «невежество», «деспотизм», «право», «закон», «просвещенность», «Разум» теснее всего соединяются или даже сливаются с объективными критериями и категориями развития. С точки зрения эволюционных (социологических) законов категория развития означает исключительно процессы дифференциации и интеграции сложной системы, удаленной от равновесия. Таким образом, она описывает только единые серии изменений, но не их результаты, динамику этих изменений, но не их этапы.

Однако в контексте высших (цивилизационных) идеалов и принципов, в попытках сблизить должное и сущее, категория «развитие» неизбежно приобретает императивный, этический оттенок, отождествляется с движением к чему-то правильному, совершенному. В рамках современной секулярной цивилизации, ценностей эпохи европейского модернизма эту роль выполняет *идеал прогресса*. Вера в прогресс – движение общества вперед соединяет должное и сущее в концепциях «догоняющего» развития. Чем сильнее эта вера, тем более реальным представляется развитие через заимствование внешних образцов изменений и тем меньше значит стабильность, культурная аутентичность общества как предпосылка социокультурной динамики.

Уже с середины XIX в. предпринимались многочисленные попытки преодолеть оценочность понятий «прогресс» и «регресс». Для этого обычно прибегали к выделению двух противоположных векторов развития: либо пере-

ход от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному (прогресс), либо движение вспять от более высоких и совершенных форм к менее совершенным и низшим – антипрогресс). В научном смысле эти попытки не дали бесспорных результатов. Нельзя найти такие критерии прогресса (регресса), которые полностью исключили бы идеализацию и оценочность. Мировые потрясения XX в. и опыт тоталитарных режимов заставляют усомниться в жесткой однозначности векторов развития, как и в благоприятности для человечества любого движения вперед. В терминах теории эволюции теперь этот вывод формулируется определенно и недвусмысленно: «...все возможные виды социальных изменений невозможно свести лишь... к регрессу, регрессу и одноуровневым сдвигам. В истории нередки и такие движения вперед от старого к новому, которые характеризуются заметным ухудшением ситуации по любым применяемым ныне критериям социального прогресса (экономическим, политологическим, культурологическим, экологическим, гуманистическим и т. п.)» [8, с. 9].

В процессе включения в «гонку за прогрессом» все новых стран обнаружилось, что и «современность» обладает множеством негативных и неприемлемых характеристик, усиливаемых и закрепляемых «догоняющей» модернизацией. О «современности» как факторе социального разделения общества, особенно заметного на мировой периферии, пишет В.Г. Федотова: «“Догоняющая” модернизация создает острова, анклавов современной жизни. Таковы Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии; мегаполисы Мексики, Бомбей и несколько центров “зеленой” революции в Индии; Стамбул и другие крупные города Турции; Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся от российской провинции и образом жизни, и состоянием сознания. Эти анклавов, несомненно, отвечают задачам модернизации, но вместе с тем усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация “догоняющего” типа создает

явное неравенство, обещая при этом равные шансы (чего не делало традиционное общество), и, поскольку на деле эти шансы далеко не для многих, порождает социальное недовольство, неустойчивость, сопротивление. В России это усиливает тенденции возврата к коммунизму, в Турции – к фундаментализму, в Мексике и некоторых других странах – к восстаниям крестьян и традиционализму» [15].

Можно, впрочем, заметить, что при всех этих противоречиях модель «догоняющей» модернизации не выглядит фатально проигрышной, ведущей к антипрогрессу. И это не случайно. Модель «догоняющего» развития включает в себе, во-первых, определенный способ легитимации «современности» (безусловный отказ от собственной, «традиционной» идентичности) и, во-вторых, обязательную репрезентацию заимствованных образцов «современности» в качестве подтверждения быстрого развития.

В условиях глобализации подобные «западноцентричные» представления о современности кажутся уже условными и ограниченными. Ее кажущийся универсализм соответствует условиям индустриальной революции и мирового доминирования Западной Европы в конце XIX – первой половине XX в. Экономические успехи Советского Союза и Китая в 1950–1960-е гг., быстрая индустриализация стран Восточной Европы по модели советской плановой экономики сделали популярными идеи социалистического (некапиталистического) развития как альтернативной модели модернизации. Теория модернизации перестала восприниматься как безальтернативная. Появились незападные образцы ускоренного развития (контрмодернизации): советское плановое хозяйство, советская (мобилизационная) индустриализация и коллективизация, подавление рыночных отношений. Переоценке подверглись также место и роль в модернизации общества его традиций: культурной идентичности (самобытности), народного культурного творчества и традиционной солидаристской морали. Они перестали рассматриваться ис-

ключительно в качестве «тормоза прогресса» и проявления нединамичности развития. Японское экономическое чудо 1960-1970-гг. заставило поверить в возможность быстрого развития на основе собственной традиционной культуры, то есть без модернизации в прежнем (культурном) значении этого слова.

К концу XX в. переоценки роли культуры в модернизационных процессах настоятельно потребовал так называемый вызов Азии – появление в Юго-Восточной Азии группы новых индустриальных стран (Япония, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Сингапур, Индонезия и др.). Они образовали новый (особый в культурно-цивилизационном отношении) центр мирового развития. Для него характерны использование собственных императивов должного, опора на особенности местной культурной среды, максимальная приближенность развития к интересам и потребностям разных социальных сил. По словам В.Г. Федотовой, «не имитация, не призыв смотреть на США или Западную Европу стимулировал развитие этих стран, а создание национальной идеологии, удовлетворяющей притязания противоборствующих сил почвенников и модернизаторов. Их объединил взгляд на модернизацию не как радикальную перемену знаков развития и всех ценностей, а как на технику, технические приемы, которые, с одной стороны, позволяют развиваться стране, а с другой стороны, позволяют ей сохранить свойства нации, ее особенности» [15].

Окончательно понятие «современность» релятивизировали эволюционные сдвиги в развитых странах, связанные с так называемым «кризисом индустриализма» и вступлением этих стран в постиндустриальную («постэкономическую») эпоху. В новом общественном укладе, основанном на производстве знаний, преобладании информационного сектора хозяйства и возвышении неэкономических ценностей, утрачивает прежнее значение доминанта общих материальных интересов. Исчезает разрыв между традицией и нововведениями.

ми, коллективистской и индивидуалистской этиками, локальными и глобальными мирами, экономической эффективностью и ограничениями экономического роста, религиозно-мифологическими и технологическими (инструментальными) взглядами на мир и человека, императивами развития и собственной культурной идентичностью.

Возникающее многообразие модернизационных проектов (не только с точки зрения средств, форм, но и с точки зрения направления развития, понимания современности) отражает современная теория модернизации. Наряду с «догоняющей» в ней выделяются модели *контрмодернизации*, *антимодернизации* (демодернизации), *постмодернизации* (как движения в сторону «постсовременности») [17, с. 464–492]. Реализация социального прогресса перестает мыслиться в образе однолинейного движения, последовательно сменяющих друг друга стадий модернизации. Например, признается сохраняющаяся и в современных условиях актуальность «догоняющей» модернизации (необходимость догнать уходящий вперед Запад), хотя подчеркивается ее высокая социальная цена и невозможность полной реализации этой цели.

Открывающийся новый, по-настоящему глобальный горизонт мировых модернизаций не может не менять их *ценностно-смысловую доминанту* – отношения между должным и сущим. Меняются не только составляющие, но также уровень и культурный стиль отношений между ними. Должное (императив модернизации) начинает восприниматься как формируемая на основе национального консенсуса программа широкомасштабных преобразований. Это одновременно макросоциальный и сетевой проект, сочетающий в себе прошлое, настоящее и будущее данного общества, ценностный и институциональный аспекты изменений. Должное приближается к *проектируемой* (просчитываемой, обсуждаемой, проверяемой) реальности. Такая модель должна не только консолидировать общество (или по крайней мере сохранять необходимый уровень его стабильности), но и управлять

рисками движения вперед, а значит – учитывать свойства социокультурной динамики как неустойчивой системы изменений.

Сущее – модернизирующееся общество – приобретает значение разнонаправленной и многовариантной динамической реальности, заключающей в себе потенциально разные типы изменений. Процесс ее преобразования может одновременно сочетать элементы «догоняющей» модернизации с элементами контрмодернизации, постмодернизации и даже антимодернизации – все зависит от конкретных нужд конкретных секторов и сфер социальной жизни общества. Уровень и стиль отношений между должным и сущим приобретает прежде всего коммуникативный характер (изменения без предварительной смены идентичности, ориентация на социальный и межкультурный диалог, соединение культурных различий).

Вместе с тем нельзя абсолютизировать в модернизационных процессах роль собственно культурных факторов и сознательных действий человека. В конечном счете важны не сами эти факторы, а их суммарное влияние на естественно-исторический процесс. Это особенно важно для наименее развитых стран, в частности многих стран Африки. Насущной задачей для них остается достижение стабильного перевеса его прогрессивной составляющей над антипрогрессивной.

Результаты «догоняющего» развития в Африке

«Догоняющая» модернизация в африканских колониях на всем своем протяжении (с момента появления первых европеизированных групп африканцев) носила отчетливо выраженный характер *культурной колонизации*. Должное – идеальные модели социального устройства, прогрессивные убеждения, универсалистские идеологии – получили распространение здесь уже в силу огромного и очевидного перевеса европейской цивилизации. Открытое, подчеркнутое прояв-

ление должного – господства европейцев над локальным бытием африканцев – стало нормативной моделью культурных изменений в колониальный период. Должное – идеалы национального освобождения и социального прогресса – определило внутренний и международный резонанс антиколониальных революций. Без этих идеалов антиколониальные движения были бы лишены своего мобилизующего потенциала и просто смысла. Духом должного пронизаны идеи, планы, проекты ускоренного развития независимых африканских государств, модель «осовременивания» африканских обществ в целом.

Однако практика африканского развития подрывает веру в непреодолимую силу прогресса. Динамика этого развития по широкому кругу значимых критериев прогресса (качество, включая среднюю продолжительность жизни, качество питания, уровень безопасности основной массы населения) обнаруживает не сокращающийся, а увеличивающийся разрыв между должным и сущим.

В первые два десятилетия независимого развития (1960–1980 гг.) «символом веры» африканских правящих элит стала модернизация общества по типу индустриального развития. Приоритетами развития объявлялись индустриализация, урбанизация, переход к массовой системе образования и здравоохранения. Однако, несмотря на мобилизацию ресурсов, рост валового внутреннего продукта, значительное снижение удельного веса сельского хозяйства, при соответствующем росте промышленности, строительства и сферы услуг, социальная модернизация не приобрела необратимого характера. Нарращивание сырьевого (промышленного и сельскохозяйственного) потенциала было по преимуществу экстенсивным и быстро обернулось деградацией хозяйственных структур в деревне, масштабным *разрушением* традиционных экосоциальных систем, а также усилением зависимости африканских экономик от мировой хозяйственной конъюнк-

туры по важнейшим видам их традиционных сырьевых товаров.

В 1979–1980 гг. страны региона сменили «объективные» критерии прогресса. Ставка была сделана на самообеспечение продовольствием в континентальном масштабе, установление национального суверенитета над природными ресурсами, развитие транспорта и связи в целях повышения уровня региональной интеграции. Новый модернизационный проект получил название концепции «опоры на собственные силы». Она была провозглашена в Монровийской стратегии развития (1978 г.) и представлена в развернутом виде в Лагосском плане действий (1980 г.). Однако и этот проект прогрессивных изменений потерпел провал. Африканские государства не смогли мобилизовать ресурсы для того, чтобы обеспечить хотя бы минимальное социальное благополучие населения. Наименее развитые страны столкнулись с жесточайшим продовольственным кризисом, усугубленным засухой в странах сахельской зоны. Политики и эксперты впервые заговорили о «кризисе Африки» как о крахе попыток осуществить собственными силами догоняющее развитие.

Сменивший в середине 1980-х гг. индустриально-этатистскую модель неолиберальный и глобалистский проект модернизации – распространение на все страны и регионы транснациональной финансово-экономической деятельности, либерализации международных хозяйственных и кредитно-финансовых отношений, радикальное – в духе неолиберальной идеологии – сокращение вмешательства в экономику государства, придал новую жизнь конструированию идеальных вариантов и векторов развития Африки.

Однако и неолиберальный вариант ускорения социального прогресса оказался не более адекватным африканской действительности, чем план «опоры на собственные силы». Выросла включенность стран континента в мировые финансовые потоки в качестве получателей иностранной помощи, но ослабили их внешнеэкономические позиции как

производителей традиционной экспортной продукции. Жесткое сокращение государственных расходов не только ограничило развитие социальной сферы, но привело к дальнейшему росту бедности и снижению качества человеческих ресурсов.

Таким образом, все попытки при помощи «догоняющей» модернизации закрепить прогрессивные изменения в главных сферах развития привели скорее к противоположным результатам – *нарастанию антипрогресса*. Этот вывод в 2006 г. сделал Л.Ф. Блохин: «...Весь колониальный и особенно постколониальный период, отмеченный лозунгом форсированной модернизации, не только не продвинул Африку в этом направлении, но и обозначил попятное движение, ибо преобладающей тенденцией стала дезинтеграция, особенно проявившаяся в развале традиционных экосоциальных систем и превращении Африки в самый неблагоприятный (в известной нам истории) регион мира с точки зрения продовольственного самообеспечения» [1, с. 122].

За полувековой период независимого существования стран Субсахарской Африки в разнообразные экономические проекты были вложены огромные ресурсы в виде кредитов, субвенций, помощи со стороны развитых государств и международных финансовых и неправительственных организаций. Создано множество государственных и межгосударственных структур с разветвленным и дорогостоящим бюрократическим аппаратом, предложены разного рода инновации и особые подходы к наименее развитым странам. Однако все эти усилия не привели к заметному улучшению ситуации. Красноречивые данные о масштабах и динамике социального кризиса в регионе на рубеже XX–XXI вв. приведены в докладе Комиссии по Африке («Комиссии» Т. Блэйра), созданной в 2004 г. для изучения и реализации возможностей ускорения развития стран Африки [3]. По этим данным (на начало 2000-х гг.), около 40 млн африканских детей не посещали школу. Один из шести детей умирал, не достигнув пя-

тилетнего возраста. Средняя сумма, расходуемая на медицинское обслуживание одного человека в год в странах южнее Сахары, находилась на уровне 13–21 долл. США (в развитых странах эта сумма превышала 2000 долл. США). Более 300 млн человек – около 42% африканского населения не имели возможности пользоваться чистой водой.

Если антипрогрессивные составляющие эволюции перевешивают значение прогрессивных изменений, причем перевешивают структурно и в течение длительного времени, то решающее значение приобретают действия самих людей, их способность контролировать негативные изменения, адаптироваться к ним, изменять, по возможности, ситуацию к лучшему. Мы остановимся только на одном, но показательном аспекте социокультурной динамики – *восприятии изменений* в массовой африканской культуре и той роли, которую играют в этом процессе традиции африканской культуры.

Синтез традиций и современности

Отношение «среднего» африканца к изменениям в окружающем его мире несравненно сложнее противопоставления традиции и современности, старого и нового. В полной мере сложность их интерпретаций проявляется в городе, где чаще возникают новые и неожиданные ситуации. Модели поведения более ситуативны, на их выбор влияет более широкий, жизненный контекст существования в африканском городе или в более широкой системе отношений «город – деревня» [23, р. 59–71, 85–89, 114–126]. Жизненный контекст состоит из разнообразных, часто неопределенных положений или даже критических ситуаций.

Несомненно, жизнь в городе подчинена прежде всего задаче социального выживания, а не просто приверженности старому или новому. Тем не менее разделение поведенческих моделей на «традиционные» и «нетрадиционные», подчиненные обычаю или отвергающие его, присутствует и сохра-

няет большое значение. Таким образом кодируется массовое социальное поведение [21, с. 481–487]. «Традиционное» означает сохранение тесных связей с родственниками в деревне, строгое выполнение вытекающих отсюда обязательств, участие в регулярном почитании предков, сотрудничество с образуемыми в городах неродственными ассоциациями традиционного типа – возрастными группами, тайными обществами, часто создание полигамной семьи, иногда воспроизведение модели традиционного жилища.

Как «нетрадиционный» тип поведения воспринимается неприкрытый разрыв отношений с большими группами родственников, отказ им в помощи, пренебрежение традиционными культами, предпочтение «современных» норм брака и семейной жизни, общественных отношений, профессиональной карьеры.

Как «традиционное» или «нетрадиционное» поведение определяется в самых разных жизненных ситуациях. Поэтому сравнительно высокий уровень *контролируемого* (культурообусловленного) поведения сохраняется, несмотря на массовый исход сельских жителей в города. Традиционные группировки в городе (родственные группы и группы взаимопомощи, этнические кварталы и возрастные союзы) доминируют среди тех, кто оседает в городах. Без таких группировок не могли бы стабильно действовать гигантские социальные сети, связывающие город и деревню (система «город – деревня»).

И все же африканский город *не противопоставит* традиции, не ломает и не дискредитирует ее. На уровне совокупностей групп и общностей в основном уже нет обособленных миров города и деревни, полностью урбанизированных и неурбанизированных групп населения, а есть сложившееся поле их взаимодействий, общая система динамических изменений. Жизнь в этом постоянно изменяющемся поле строится на *сравнении* – внимательном и осмысленном – разных моделей поведения, их достоинств и недостатков. По контрасту с

образами вестернизированного поведения в африканском образе жизни выделяются и подчеркиваются родственная и земляческая взаимопомощь, коммуникативность, социальное партнерство, открытость, понятность, теплота и надежность человеческих уз, защита от опасностей. Ценятся культурные символы, кодирующие именно этот тип отношений: обмен подарками с родственниками, оставшимися в деревне; жертвоприношения предкам; устраиваемые земляческими союзами всевозможные праздники и культурные фестивали с музыкой, танцами, пантомимой; интерьер деревенских жилищ.

При этом расширяются возможности *переопределения* традиций, *манипулирования* обычаями. В городе распространены магическая практика, фетишизм, вера в ведовство и культ предков. Традиционные культы и ритуалы распространены не только среди мигрантов и в низших слоях городского населения, но и в среде политической и интеллектуальной элиты.

Таким образом, возникает определенное *смысловое тождество* (но не идентичность) традиций и изменений. Оно допускает перестройку старых культурных смыслов в направлении большей рационализации и универсализации их значений, приближения к новым социальным практикам. Например, распространенный и в городе культ предков адаптируется к современным условиям. Предки дают советы даже в таких делах, как шоу-бизнес. Далеко не всегда в городских условиях этот культ объединяет действительных родственников (например, если это члены одной религиозной общины). Предки нередко включаются в пантеон городских афрохристианских церквей. Изменения претерпевают даже ведовские представления как способ смысловой регуляции поведения. Человек, находящийся на большом удалении от своей родственной группы и пользующийся как будто свободой морального и социального выбора (можно, например, порвать связи с родственниками), воспринимается как наиболее уязвимый для магического нападения.

Следовательно, несмотря на широкомасштабное разрушение традиционных структур, традиционного социума как системы, африканская социокультурная динамика включает в себя *и* традиции, *и* современность, приводя их к определенному ценностно-смысловому тождеству. Это позволяет поддерживать, хотя и на очень низком уровне жизни, динамические параметры изменений. (При том, что сама мера изменений за прошедшие десятилетия значительно или кардинально изменилась.)

Можно и более точно определить рамки и направление изменений, допускаемых этим типом динамики. В ее рамках наиболее вероятны, приемлемы изменения, которые вписываются в *коммуникативные* связи и процессы, *коллективистское* самосознание, *гендерные* и *этнические* различия, *сетевой* тип социальной организации, *ценностное* единство социальных групп, *пограничные* формы социальной организации и поведения. Не стоит, однако, и переоценивать постоянство описанной системы изменений. Ее характеристики относятся больше к системе отношений «город – деревня», остающейся пока основой африканского общества. Но, как отмечают некоторые социологи, в собственно городских сообществах быстро развивается отдельная и очень опасная тенденция социального распада и разложения культуры, в частности потери какой-либо культурной преемственности; нарастание этой тенденции отмечается, например, в ЮАР после ликвидации режима апартеида [2, с. 223].

* * *

Обозначенные рамки социокультурной динамики, конечно, не соответствуют целям и задачам «догоняющей» модернизации. В культурных координатах индустриального общества они скорее исключают возможность такой модернизации. Трудно поверить также в то, что динамика «архаическо-модернизированных» сообществ может обеспечить перевес прогрессивных начал социальной эволюции над ан-

типрогрессивными. В то же время нет ничего похожего на непреодолимый разрыв между старым и новым, изменениями и преемственностью, внешними (европейскими) образцами перемен и африканскими жизненными смыслами. Динамика изменений определяется в целом не противостоянием традиций и «современности», а их устойчивым взаимодействием – *симбиозом* и синтезом.

Л и т е р а т у р а

[1] Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. – М.: Институт мировой экономики международных отношений РАН, 2001.

[2] *Бернстейн Э.* Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим // Многоликая глобализация. Равенство и разнообразие в современном мире. – М., 2004.

[3] Доклад Комиссии по Африке. URL: <http://Africana.ru/www.commissionforafrica.org>

[4] *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. – М., 1996.

[5] *Зиновьев А.* На пути к сверхобществу. – М., 2000.

[6] *Иноземцев В.* Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. – М., 1999.

[7] *Ионов И.Н.* Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. – 2008. – № 3.

[8] *Кортаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. – М., 2003.

[9] *Коулмен Дж.* Модернизация и социальное устройство общества // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М., 2001.

[10] Культурология. XXI век: Словарь. – Санкт-Петербург, 1997.

[11] *Мирзеханов В.С.* Интеллектуалы, власть и общество в Черной Африке. – М., 2001.

[12] *Мирзеханов В.С.* Кризис «идеологии развития»: некоторые размышления о политике структурной перестройки в Африке // Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001.

- [13] *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. – М., 1998.
- [14] «Социология развития» Африки: Критические очерки. – М., 1984.
- [15] *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М., 1997. URL: http://www.philosophy.org/iphras/library/fedot_mod.html
- [16] *Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М., 2009.
- [17] Цивилизационные проблемы модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М., 2001.
- [18] *Эйзенштадт Ш.* «Осевая эпоха»: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий // Ориентация – поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М., 1992.
- [19] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.
- [20] *Энтин Л.М., Энтин М.Л.* Политология развития и освободившиеся страны: Критика немарксистских концепций. – М., 1986.
- [21] L'conomie informelle en Afrique francophone: structure, dynamiques et politiques. – Geneve, 2001.
- [22] Expectations of Modernism: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. – Berkeley, etc., 1999.
- [23] *Peil M., Sada M.O.* African Urban Society. – Willey, 1984.

А.М. Хазанов

ПРОБЛЕМА ДАРФУРА: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА

В статье рассмотрены международные, военно-политические и экономические аспекты развития конфликтной ситуации в Дарфуре. Показаны усилия мирового сообщества, ЕС и ООН по поиску путей мира, дан анализ Абуджийских соглашений и проблемы развития диалога цивилизаций Запада и Востока в этой части африканского континента.

Ключевые слова: диалог цивилизаций, Запад-Восток, Дарфур, Абуджийское соглашение, президент Аль-Башир, резолюции СБ ООН.

Дарфур (по-арабски «земля народа фур») – район на западе Судана, население которого состоит из двух групп: чернокожие африканцы (этнические группы фур, масалиты и загава) и арабские племена. 80% населения принадлежат к первой группе. И те и другие исповедуют ислам, однако отношения между двумя этническими группами на протяжении многих веков отличались напряженностью и приводили к регулярным вооруженным столкновениям.

Экономический аспект

Оценочно в Дарфуре проживает около 6 млн человек (население Судана – 33,56 млн человек). В течение нескольких сотен лет существовал независимый султанат Дарфур. В 1899 г. он был присоединен к Судану англо-египетскими войсками. Вплоть до XX в. Дарфур представлял собой центр работорговли, причем чернокожие и арабские работорговцы соперничали друг с другом при осуществлении набегов на соседний регион Бахр-эль-Газаль для захвата рабов и после-

дующей их перепродажи в прибрежные районы Африки. Этнические группы конфликтовали друг с другом также и из-за ограниченных земельных и водных ресурсов.

Дарфур считается самым засушливым и бедным районом Судана, он относится к кризисной продовольственной зоне. Хотя в 2005 г. началась добыча нефти, основа экономики региона – сельское хозяйство. Дарфур расположен в зоне недостаточного и неустойчивого увлажнения. Периодические засухи наносят региону громадный экономический ущерб, наблюдается нехватка воды – как питьевой, так и необходимой для сельского хозяйства. Многие годы суданское правительство рассматривало Дарфур как пустынную территорию, без природных ресурсов и поэтому потеряло к ней всяческий интерес. Это было серьезной политической ошибкой, результатом которой явилась потеря населением Дарфура доверия и лояльности к Хартуму.

Реализация в 1970-е гг. программы развития водоснабжения несколько облегчила ситуацию, однако в городах воды всё же остро не хватало. Ее растущий дефицит сдерживал развитие региона, в том числе системы здравоохранения и образования. Перманентный водный кризис и неадекватная реакция на него властей вызывали растущее недовольство населения.

Ухудшалось положение кочевников-скотоводов. Раньше существовало равновесие между количеством животных и площадью пастбищных ресурсов, если оно нарушалось, то природа его восстанавливала. За последние десятилетия поголовье скота резко увеличилось, происходил необратимый процесс истощения пастбищ. С другой стороны, в регионе появлялись новые зоны товарного земледелия. В этих условиях часть кочевников переходила к оседлому образу жизни, но другие усиливали борьбу за сохранение имеющихся и приобретение новых пастбищных угодий за счет сокращения сельскохозяйственных площадей. Эта проблема –

одна из причин столкновений в регионе, начавшихся в 1970-х гг.

Свою роль в возникновении конфликта играл и демографический фактор, а именно быстрый рост населения региона при гораздо более медленном росте экономики, развитии транспортной инфраструктуры, социальной сферы, а главное – при очень незначительном росте обрабатываемых площадей и, как уже говорилось, сокращении пастбищ. В Дарфуре увеличивалась безработица и росла социальная напряженность.

Политический аспект

Конфликт в Дарфуре имеет и свои политические корни [2, с. 5–18]. Представители различных местных народностей, в первую очередь интеллигенция и деловые круги, рассчитывали на получение видных постов в местной администрации, беспрепятственное развитие своего бизнеса, больших прав в решении региональных проблем. Однако эти расчеты не оправдались.

В политике, местной администрации и бизнесе продолжали господствовать арабо-суданцы. Более того, подобное положение вело к ухудшению отношений и усилению враждебности между арабами и негроидными народностями. В конце 1960-х гг. впервые открыто появились и постепенно усиливались протестные настроения среди неарабского населения. Начали создаваться региональные политические организации.

В первой половине 1980-х гг. ливийский лидер М. Каддафи, враждовавший с тогдашним суданским диктатором Дж. Нимейри, пытался дестабилизировать обстановку в Дарфуре путем активизации антирежимных настроений среди местного населения, однако без особого успеха. После свержения Нимейри в 1985 г. Каддафи приостановил свою поддержку дарфурским оппозиционерам.

Тем не менее недостаточное внимание официального Хартума к проблемам региона, его очевидное покровительство арабо-суданцам, нежелание правительства вкладывать необходимые средства в развитие экономики и социальной сферы, поощрение политики насильственной арабизации негроидного населения продолжали стимулировать недовольство большей части дарфурцев. Ситуацию усугубила начавшаяся в регионе в 2000 г. сильнейшая засуха, в результате которой пострадали свыше 700 тыс. человек, высохли большие площади и произошел крупный падеж скота. При этом правительство не приняло достаточных мер для ликвидации последствий природного бедствия, что еще больше усилило недовольство населения

Таким образом, нынешний конфликт в Дарфуре явился следствием нерешенности целого ряда крупных проблем и противоречий экономического, этнического, социального и политического характера. Все это обусловило его масштабность и ожесточенность.

Развитие событий с 2003 года

Современный конфликт начался в 2003 г., когда борьба неарабских жителей Дарфура против насильственной арабизации и за свои права стала принимать более организованные формы, в том числе вооруженные. Против правительства выступили две повстанческие группировки: «Движение за справедливость и равенство» и «Армия освобождения Судана». С самого начала правительство Судана, которое пришло к власти в 1989 г., заняло жесткую позицию в отношении дарфурских повстанцев. Президент страны Омар Аль-Башир заявил, что власти исключают возможность ведения какого-либо диалога с этими группировками. Поэтому правительство ответило решительно – авианалетами и полицейскими акциями. Обе стороны в конфликте обвиняли друг друга в серьезных нарушениях прав человека, включая массовые

убийства, грабежи и изнасилования мирных жителей. Правительство использовало против повстанцев сформированное из арабов ополчение «Джанджавид» [7]. Тем не менее чаша весов вскоре уже склонилась в пользу более хорошо вооруженных отрядов «Джанджавид» («дьяволы на конях» – помимо того, что правительство содержит регулярную армию, оно еще поддерживает арабские отряды этой группировки). Доподлинно ее численность неизвестна, однако военные эксперты ООН утверждают, что она не уступает армии в численности и вооружении. Неоднократно ООН требовала от правительства Судана разоружить это формирование. Несмотря на многочисленные обещания, правительство не предприняло ни единой попытки выполнить требования ООН. Впрочем, Хартум никогда не признавал, что имеет к «Джанджавиду» какое-либо отношение. В то же время в Дарфуре, который по территории превышает две трети Франции, постоянно тысячи людей подвергаются пыткам, изнасилованиям, убийствам [1, с. 18, 21].

К весне 2004 г. несколько тысяч человек – в основном чернокожих – были убиты, и примерно миллиону пришлось покинуть свои дома, что привело к серьезному гуманитарному кризису. Кризис принял международные масштабы, когда более ста тысяч беженцев, преследуемых отрядами «Джанджавид», хлынули в соседний Чад, что привело к столкновениям между «Джанджавид» и чадскими пограничниками. 7400 миротворцев из «Армии освобождения Судана» пытались обеспечить прекращение огня, но их неэффективные действия, плохая подготовка и крайне скудное вооружение обрекли эту инициативу на провал.

В 2004 г. тогдашний секретарь ООН Кофи Аннан предупредил мировую общественность о реальной опасности геноцида в Дарфуре. В то же время удаленность зоны конфликта крайне затрудняла возможность доставки гуманитарной помощи сотням тысяч пострадавших. В начале июля он и госсекретарь США Колин Пауэлл посетили регион. Афри-

канский Союз и ЕС направили представителей для наблюдения за прекращением огня, соглашение о котором было подписано в апреле 2004 г.

30 июля 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию номер 1556 по кризису в Дарфуре, обязывающую правительство Судана в течение 30 дней разоружить отряды «Джанджавид». В противном случае по отношению к Хартуму пообещали применить экономические и дипломатические санкции вплоть до военного вмешательства [9]. Лига арабских государств (ЛАГ) потребовала предоставить Судану более длительный срок и предупредила, что Судан не должен превратиться в еще один Ирак. ЛАГ категорически отвергла любое военное вмешательство в зону конфликта.

23 августа 2004 г. в столице Нигерии Абудже начались многосторонние переговоры по урегулированию дарфурского кризиса с участием представителей дарфурских повстанческих группировок («Армия освобождения Судана» и «Движение за справедливость и равенство»), суданского правительства и председателя Африканского Союза президента Нигерии Олусегуна Обасанджо. Встреча проходила под эгидой Африканского Союза при участии Лиги арабских государств, а также Эритреи, Ливии, Уганды, Чада и Мали. Переговоры практических результатов не принесли. Суданское правительство считает обсуждение кризиса в ООН вмешательством в свои внутренние дела и попыткой США развязать агрессию против своей страны.

В мае 2006 г. в результате проведенных под эгидой Африканского Союза и ООН переговоров между властями Судана и лидерами дарфурских повстанческих группировок в Абудже было подписано мирное соглашение между центральными властями и самой крупной группировкой повстанцев – «Армией освобождения Судана». Его основные положения можно свести к следующим пунктам:

- Проправительственное ополчение «Джанджавид» распускается.

- Боевики повстанческих группировок входят в состав правительственной армии.
- Дарфур получает разовый трансферт в 300 млн долл., затем на постоянной основе 200 млн долл., в год.
- Гарантируется компенсация всем, кого силой заставили покинуть свои дома.
- В Дарфуре создается своя переходная региональная администрация на период подготовки референдума, который должен пройти в июле 2010 г. и разрешить вопрос о том, будет ли Дарфур снова единым административным образованием или нет.
- Лидеры дарфурских повстанцев, подписавших соглашение, получают возможность занять посты старшего помощника президента Судана, председателя переходной региональной администрации.

Официальный Хартум также обязался предоставить дарфурским повстанцам в 2007–2010 гг. 12 депутатских мандатов национальной Ассамблеи Судана, 21 место в парламенте каждого дарфурского штата, одну губернаторскую должность, ключевые посты в правительствах местного уровня [6].

Судя по всему, главной причиной провала Абуджийского соглашения стали возросшие аппетиты повстанческих лидеров, а также отдельных полевых командиров. В частности, их не удовлетворили абстрактные формулы дележа углеводородных ресурсов региона (китайские геологоразведчики нашли в Южном Дарфуре нефть), из которых неясно, как будут распределяться между Дарфуром и Хартумом доходы от нефти.

По некоторым сведениям, дарфурские повстанцы претендуют на отчисление им 13% от суммы всех нефтяных доходов страны (дело в том, что по переписи 1993 г. дарфурцы составляют 13% населения Судана) [4].

Однако Соглашения в Абудже не были выполнены в полном объёме, а не охваченные соглашением группировки продолжали военные действия. Правительство также возобновило военные операции.

31 августа 2006 г. Совбез ООН принял резолюцию номер 1706, давшую зелёный свет миротворческому контингенту в Дарфуре. В середине ноября Хартум впервые принял возможность вхождения в провинцию миротворцев ООН.

В июле 2007 г. Совет Безопасности ООН одобрил разработанный Францией, Великобританией и Ганой проект резолюции номер 1769 о создании двадцатитысячного контингента войск ООН для отправки в Дарфур. Командующим этими войсками назначается нигерийский генерал Мартин Лютер Арбау [5, р. 151; 4].

В 2005 г. СБ ООН принял резолюцию номер 1593, в соответствии с которой постановил передать ситуацию в Дарфуре прокурору Международного Уголовного Суда Луису Морено-Окампо «для расследования нарушений норм международного гуманитарного права». По итогам расследования в июле 2008 г. он обратился к судьям с просьбой выдать ордер на арест президента Судана Аль-Башира, обвинив его в военных преступлениях в ходе гражданской войны в Дарфуре.

Впервые в истории меч Немезиды, богини правосудия, был занесен над головой действующего президента страны – члена ООН, члена Африканского Союза. Речь идет о президенте Судана Омаре Аль-Башире.

Омар Аль-Башир родился 1 января 1944 г. в деревне Хоше Баннага в 150 км к северу от Хартума в крестьянской семье. Получил среднее образование в Хартуме, подрабатывал одновременно в автомастерской. В 16 лет поступил в Военную Академию в Хартуме. Служил в десантных войсках. Проходил курс обучения в военном колледже в Каире. Служил в египетских вооруженных силах, Аль-Башир принял активное участие в войне 1973 г. с Израилем. Затем в 1975–

1979 г. он был военным атташе в ОАЭ, затем командиром гарнизона и руководителем парашютной бригады в Хартуме. По возвращении на родину он в начале 1985 г. провел ряд успешных военных операций против Суданской народно-освободительной армии на юге страны.

В 1989 г. в результате выборов к власти в Судане пришло правительство Садыка Аль-Махди.

Аль-Башир пришел к власти так же, как почти любой диктатор, – в результате военного переворота. 30 июня 1989 г. 175 военных во главе с Омаром Аль-Баширом осуществили переворот, свергнув законное правительство Садыка Аль-Махди.

Объясняя причину захвата власти, Аль-Башир заявил: «Демократия, которая не может накормить народ, недостойна того, чтобы продолжать свое существование». Вскоре он провел свою «ночь длинных ножей» и расстрелял 28 из 175 военных, помогавших ему прийти к власти.

Произведенный после переворота в чин генерал-лейтенанта, Аль-Башир стал председателем созданного им Совета Революционного командования национального спасения, министром обороны и главнокомандующим Вооруженными силами Судана. Он распустил правительство, запретил политические партии, ликвидировал свободную прессу. Аль-Башир начал политику исламизации страны, провозгласив: «Судан будет жить по Хомейни» [8].

Он убежденный последователь Хомейни, который, не жалея сил, борется с христианством в Судане.

Аль-Башир – это суданский Саддам Хусейн, как С. Хусейн в Ираке опирался на суннитов, методично уничтожая шиитов, так и аль-Башир, видимо забыв, что само название его страны переводится как «страна чернокожих», методично этих чернокожих истребляет. Он установил, что государственным языком будет арабский, а государственной религией – ислам. Но большая часть населения арабского

языка не знает, не исповедует ислам, и жить по законам шариата не намерена.

Омар Аль-Башир вступил в альянс с лидером Национального исламского фронта Хасаном Аль-Тураби, который стал идеологом нового режима.

16 октября 1993 г. Омар Аль-Башир занял пост президента Судана. Он распустил Совет Революционного командования национального спасения и сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Через три года он был вновь избран на пост президента Судана. Вскоре правительство приняло новую конституцию.

Однако Аль-Башир вступил в конфликт с Хасаном Аль-Тураби, который предпринял попытку наделить парламент полномочиями смещать президента и возродить должность премьер-министра, упразднённую в 1989 г. В борьбе за власть Аль-Башир распустил парламент, и ввёл в стране военное положение, а Хасана Аль-Тураби отправил в тюрьму.

С целью укрепления централизованной власти в стране под единым президентским началом Аль-Башир в начале 2000 г. издал чрезвычайный декрет о назначении губернаторов 25 штатов Судана. Это был ответ президента исламистам, требовавшим прямых выборов губернаторов. Из 25 министров его правительства 5 – генералы.

В период правления Аль-Башира продолжался военный конфликт в Южном Судане, населённом преимущественно чернокожими христианами. Правительственные войска проводили массовые расстрелы и пытки, сжигали деревни и отравляли колодцы, устанавливали мины в полях и садах и т.д. Суданская армия при поддержке танков, артиллерии и авиации наносила удары не по лагерям повстанцев, а по жилым домам, школам и больницам. Карательными рейдами армия насильственно принуждала христианское население перейти в ислам, правительственные войска похищали детей и воспитывали их в исламских традициях либо продавали в арабские страны в качестве рабов. В результате все

эти действия лишь увеличили популярность чернокожих христиан: соперничающие племена Южного Судана стали объединяться в борьбе с Хартумом [8].

Не будучи в состоянии справиться с повстанцами Юга, Аль-Башир в 1999 г. предложил Южному Судану «культурную автономию», которая была отвергнута [8].

Таким образом, Судан разрывается войнами со всех сторон и на всех фронтах. Юг мечтает о независимости. Гражданская война на Юге продолжалась 21 год, но соглашение о её прекращении сегодня не более чем пустая формальность. Дарфур на западе Судана – кровавый котел, где Омар Аль-Башир уже успел уничтожить 300 тысяч человек, а 2 500 000 человек сделал беженцами [3].

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун дважды встречался с Омаром Аль-Баширом 29 января 2007 г. в Аддис-Абебе и 28 марта 2007 г. в Эр-Рияде. Его специальный посланник по Дарфуру Ян Элиассон, назначенный в декабре 2006 г. и его партнер из Африканского Союза Салим Ахмед Салим занимаются интенсивной «челночной» дипломатией, добиваясь политических подвижек. Их усилия направлены на прекращение насилия, укрепление режима, прекращение огня, обеспечиваемого миротворцами, улучшение гуманитарной ситуации посредством заключения всеобъемлющего мирного соглашения, включающего положения, предусматривающие справедливое распределение властных полномочий и богатств. В Дарфуре ООН осуществляет самую крупную в мире операцию по оказанию гуманитарной помощи примерно 4,2 млн человек (2,1 млн – это внутреннеперемещенные в Судане и 236 000 – беженцы в Чаде). В Дарфуре находятся 12 000 сотрудников гуманитарных учреждений, оказывающих помощь пострадавшим от кризиса [3].

События 2009 года. Восток против Запада

В середине февраля 2009 г. суданские власти заключили перемирие с одной из самых радикальных группировок – «Движением за справедливость и равенство», что дало новую надежду на начало новых переговоров о мире.

Через месяц – 4 марта – Международный уголовный суд выдал ордер на арест суданского президента Омара Аль-Башира, обвинив его в преступлениях, связанных с нарушением прав человека, и военных преступлениях в ходе конфликта. Это резко обострило ситуацию в стране. Африканский Союз и Лига Арабских Государств высказались против ареста Аль-Башира. Главы МИД арабских стран подготовили проект резолюции встречи в верхах, в котором рекомендовали игнорировать международный ордер на арест президента Судана. В суданском вопросе лидеры стран Ближнего Востока и Северной Африки проявили редкую для арабов солидарность. И причина вовсе не в симпатиях или антипатиях к Аль-Баширу. В памяти арабов довольно свежа война в Ираке 2003 г., когда они увидели, что США вместе со своими западными союзниками могут свергнуть любой неудобный им арабский, и не только арабский, режим и привести ему на смену более «либеральных людей». Такой сценарий не устраивает никого в арабо-исламском мире. Любопытно, что против ареста Аль-Башира высказался и Китай. Осторожную и взвешенную позицию заняла также и Россия. Страны ЕС, напротив, поддержали решение МУС. Так, например, глава МИД ФРГ Ф.В. Штайнмайер обратился к Судану с призывом «отнестись к решению МУС уважительно и реагировать на него спокойно».

Ситуация демонстрирует всем, сколь велик раскол между Востоком и Западом, это раскол цивилизаций в самом широком смысле, охватывающий буквально все сферы духовной жизни – политику, идеологию, религию и культуру. Правовая культура европейская или американская, требую-

щая равенства всех перед законом, абсолютно не принимается странами Азии и Африки. Их правители, хотя и признают «общечеловеческие ценности цивилизованного мира», но следуют им исходя исключительно из собственной политической целесообразности. Дело в том, что ценности Востока отличаются от ценностей Запада и во многих бедных странах Азии и Африки демократию воспринимают как обман.

Демократия – это форма государственности, порожденная европейской системой политических ценностей. Все демократические принципы прямо противоположны установкам ментальности восточного индивида.

Этот ордер на арест остается неуклюжим вызовом одной цивилизации другой, и не более чем декларацией о намерениях. Любой здравомыслящий европеец, мало-мальски знакомый с арабским и в целом исламским миром, должен понимать, что юриспруденция традиционного восточного общества, особенно если речь идет о действующем главе государства в корне отличается от западной системы права. Каноны такого общества просто не позволяют неуважительно относиться к главе государства.

Есть еще один аспект проблемы. Ни арабский, ни исламский мир в целом не устраивает нынешняя система международной безопасности, сложившаяся в 1945 г. с образованием ООН. Многие арабские страны давно утратили доверие к этой всемирной организации. Арабы не рассматривают Совет Безопасности ООН как всемирного арбитра и весьма скептически относятся к его решениям. Причина – нерешенность палестинской проблемы. И претензии арабов опять же сводятся к США и Западу, благодаря которым было создано и существует в нынешних границах государство Израиль. Можно даже говорить об откровенном неприятии арабами нынешнего мироустройства, в котором «недемократическим странам» Востока, за исключением Китая, Индии и других растущих «азиатских тигров», уготована роль либо ведомых, либо «изгоев». Можно, конечно, сказать, что это «мир по

Джорджу Бушу», то есть мир вчерашний, но и сегодня пока что он не сильно изменился.

Итак, ордер на арест президента Судана отразил лишь одно – высветил крупную международную проблему. Это если не правовой нигилизм арабо-мусульманского общества, то его нежелание находиться в одном правовом пространстве с западным обществом. И изжить этот нигилизм в ближайшее десятилетие вряд ли удастся.

МУС сможет судить Омара Аль-Башира только в том случае, если он окажется в его руках. Но вряд ли это произойдет. Скорее всего, суданский лидер будет по-прежнему демонстративно дразнить Запад, передвигаясь строго в границах своей «зоны безопасности», то есть в пределах границ тех стран, которые гарантируют ему неприкосновенность, а их немало.

Заключение

Современным разногласиям в Судане уже не один год. Со временем ситуация стала более напряженной, и в скорейшем разрешении конфликта заинтересовано не только местное население, но и страны, чьи столицы лежат за тысячи километров от этих территорий.

Но, по всей видимости, преждевременно ожидать быстрого решения конфликта, поскольку в стране постоянно нарушаются права человека, а политическая элита обвиняется в геноциде и других преступлениях подобного характера. Мировое сообщество должно принимать всевозможные меры для пресечения подобных действий, для восстановления справедливости и стабилизации жизни мирных граждан. Однако в политике всегда существует «но».

На политической арене не бывает незаинтересованных лиц – каждый старается извлечь для себя выгоду. Так и страны Востока – посредством противостояния Западу – пытаются отгородить себя от вмешательства западных стран в

их внутренние дела. Возможно, при других обстоятельствах они высказали бы своё несогласие в отношении действий в регионе. Однако события не столь далекого прошлого показали, что восточным государствам есть чего опасаться – Запад пытается навязать им чуждые ценности, от которых они далеки. В этом и есть их основное различие – Запад и Восток никогда не будут едины, между ними всегда останется граница. Прав Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Так и Судан идет по собственному пути развития, который не признается Западом, но, кто знает, возможно, единственно верным для страны. Так ли это – покажет время.

Литература

- [1] Курдов Е.А. Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции. – М., 2005.
- [2] Подробнее предысторию конфликта см.: Курдов Е.А. Ситуация вокруг кризиса в Дарфуре // Востоковедный сборник. – Вып. 8. Институт Ближнего Востока. – М., 2007.
- [3] Радиостанция «ЭХО Москвы». – 17.07.2008.
- [4] Agency France Press, 16.12.2003.
- [5] *Alex de Waal*. War. In Darfur and the Search for Peace. – Harvard Univ. Press., 2007.
- [6] Darfur Peace Agreement; *Серегичев С.Ю.* Исламизм, военная хунта или управляемая демократия? / К вопросу о возможных вариантах развития Республики Судан // Вестник РУДН. – 2009. – № 1.
- [7] www.Genocide.ru. Геноцид африканского населения в Дарфуре. URL: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/darfur.htm>
- [8] Lenta.ru: Комментарии. Хрупкий мир в краю вечной войны. URL: <http://lenta.ru/articles/2005/01/10/sudan/>
- [9] www.un.org/darfur.html

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

И.В. Андропова

КИТАИЗАЦИЯ АФРИКИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТАРОМ ПРОЦЕССЕ¹

В последнее время в научных публикациях все чаще употребляется выражение, практически ставшее термином, «китаизация Африки». В статье рассматривается современное состояние экономических отношений Китая и Африки, а также китайская внешнеэкономическая стратегия по отношению к этим странам. Особое внимание уделяется механизмам экономической экспансии и анализу их эффективности.

Ключевые слова: Китай и африканские страны, внешнеэкономическая политика, экономическая экспансия, национальные экономические интересы.

Дипломатические связи и экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с государствами Африки насчитывают чуть больше пятидесяти лет, современный уровень отношений, достигнутый за последнее десятилетие, можно без преувеличений назвать беспрецедентно высоким. Четко разработанная и продуманная политика Китая в Африке с учетом национальных особенностей континента привела в конечном итоге к тому, что с 2000 по 2008 г. товарооборот между КНР и Африкой вырос на 45% и достиг

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Разработка теоретических основ стратегии внешнеэкономической политики Российской Федерации в условиях возрастающей взаимозависимости стран и формирования новой конфигурации мировой экономической системы», проект 10-05-00085а.

107 млрд долл. А в 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки. По последним данным, за шесть месяцев 2010 г. товарооборот между КНР и африканскими странами вырос на 65% по сравнению с тем же периодом прошлого года и достиг 61,2 млрд долл. А прямые иностранные инвестиции КНР в африканские страны по итогам 2008 г. достигли 5,49 млрд долл., то есть почти 9,8% всех прямых иностранных инвестиций Китая пришлось на Африку. На сегодняшний день развитие отношений с Африкой – одно из важнейших стратегических направлений внешней политики Китая. Это объясняется, прежде всего, геоэкономическим положением континента.

Геоэкономический потенциал Африки

Африка составляет 23% (30 млн кв. км) мировой суши. На ее территории проживает почти 14% мирового населения. По прогнозам ООН, к 2050 г. африканцы будут составлять 20% мирового населения и превысят население Европы в три раза.

Геополитическое положение Африки делает континент чрезвычайно привлекательным. Действительно континент омывается двумя океанами, Средиземным и Красным морями, вдоль его берегов проходят стратегического значения торговые морские пути.

По данным международных экспертов, суммарные нефтяные резервы африканских стран определяются в 16,6 млрд тонн, что составляет 10% общемировых запасов. По этому показателю Африка уступает лишь Ближнему Востоку и Евразии. При этом новые месторождения открываются ежегодно. Лидеры по доказанным запасам нефти – Ливия (5,7 млрд тонн), Нигерия (4,8 млрд тонн), Ангола (1,8 млрд тонн), Алжир (1,5 млрд тонн), Судан (0,9 млрд тонн).

Газовые ресурсы африканского континента значительны. Они насчитывают 14,65 трлн м³, что составляет 7,9% запасов мировых запасов. По доказанным запасам природного газа Нигерия и Алжир (5,22 и 4,5 трлн м³ соответственно) во всем мире уступают лишь России (43,30 трлн м³), Ирану (29,61 трлн м³), Катару (25,46 трлн м³), Туркмении (7,94 трлн м³), Саудовской Аравии (7,57 трлн м³), ОАЭ (6,43 трлн м³), но значительно опережают такого ведущего экспортёра газа, как Норвегия (2,91 трлн м³). Забегая вперед, отметим, что в сфере энергетики КНР является крупнейшим партнёром таких африканских стран, как Судан, Ангола, Нигерия, Экваториальная Гвинея и Демократическая Республика Конго (ДРК).

Кроме углеводородного сырья, Африка сегодня обеспечивает 92% потребностей мировой индустрии в платине, 70% – в алмазах, 35% – в марганце, 34% – в кобальте, 15,5% – в бокситах и т.д. В недрах континента находятся 81% разведанных запасов хромитов, 90% – платиноидов, 76% – фосфатов, 60% – кобальта, 61% – марганца, 39% – алмазов, 37% – золота, 25% – атомно-энергетического сырья и т.д. И при этом геологоразведочные работы охватили лишь ограниченные анклавы Африканского региона. Африканские страны обладают крупнейшим экологическим, биогенетическим потенциалом. Африканские экваториальные леса составляют третьи «легкие планеты» (после российских и латиноамериканских). 70% биогенетических ресурсов, по оценкам экспертов Всемирного банка, находятся в Африке [1].

Государственная стратегия взаимодействия Китая со странами Африки

В условиях резкого дефицита как природных ресурсов, так и земли для проживания китайское правительство 12 января 2006 г. опубликовало документ «Политика КНР в отношении Африки», в котором излагаются цели и содержа-

ние политики КНР по вопросам ее отношений со странами этого континента.

Документ объемом в 5 тыс. иероглифов включает 6 разделов: «Статус и роль Африки», «Отношения между КНР и Африкой», «Политика КНР в отношении Африки», «Расширение всестороннего сотрудничества Китая с Африкой», «Форум китайско-африканского сотрудничества и его последующая работа», «Отношения между КНР и африканскими региональными организациями».

Общие принципы и цели африканской политики Китая, зафиксированные в документе, состоят в следующем:

– *Sincerity, Friendship and Equality* – «Искренность, дружба и равенство». *China adheres to the Five Principles of Peaceful Coexistence, respects African countries' independent choice of the road of development and supports African countries' efforts to grow stronger through unity.* Китай будет придерживаться принципов мирного сосуществования, уважать выбранный африканскими странами независимый путь развития и поддерживать усилия африканских стран, направленные на развитие региональных интеграционных процессов.

– *Mutual Benefit, Reciprocity and Common Prosperity* – «Взаимная выгода, взаимопомощь и совместное процветание». *China supports African countries' endeavor for economic development and nation building, carries out cooperation in various forms in the economic and social development, and promotes common prosperity of China and Africa.* Китай будет поддерживать усилия африканских стран в экономическом развитии и государственном строительстве, осуществлять сотрудничество в различных формах в экономическом и социальном развитии, и способствовать общему процветанию Китая и Африки.

– *Mutual Support and Close Coordination* – «Взаимная поддержка и тесное сотрудничество». *China will strengthen cooperation with Africa in the UN and other multilateral systems*

by supporting each other's just demand and reasonable propositions and continue to appeal to the international community to give more attention to questions concerning peace and development in Africa. Китай будет укреплять сотрудничество с Африкой в рамках ООН и других многосторонних организаций, призывая международное сообщество уделять больше внимания вопросам, касающимся мира и развития в Африке.

– *Learning From Each Other and Seeking Common Development – «Учимся друг у друга».* *China and Africa will learn from and draw upon each other's experience in governance and development, strengthen exchange and cooperation in education, science, culture and health.* Китай и Африка будут учиться и опираться на опыт друг друга в области управления и развития, укреплять обмен и сотрудничество в области образования, науки, культуры и здравоохранения. *Supporting African countries' efforts to enhance capacity building, China will work together with Africa in the exploration of the road of sustainable development.* Китай будет поддерживать усилия африканских стран в разработке модели устойчивого развития [2].

Кроме того, в документе подчеркивается, что Китай намерен сделать упор на оказание помощи Африке в наращивании ее собственного экономического потенциала, облегчении долгового бремени, а также развивать сотрудничество в сфере инвестиций в целях развития инфраструктуры, сельского хозяйства, туризма, освоения природных ресурсов. В сфере торговли предполагается обратить внимание на расширение притока африканской продукции на китайский рынок на основе устранения тарифов. Планируется провести переговоры по вопросу свободной торговли с африканскими странами и региональными организациями.

Некоторые итоги государственной внешнеэкономической политики КНР

Как отмечают эксперты, завоевание африканской экономики Китаем происходит под лозунгами оказания помощи и дружбы между народами. Отсутствие у Китая колониального прошлого позволило ему «отделить» себя от других держав. КНР выстраивает свою политику в Африке исключительно с точки зрения национальных экономических интересов, с одной стороны, и принципа взаимовыгодности – с другой. Благодаря готовности сотрудничать со странами, являющимися объектом санкций западных стран-конкурентов, позиционированию себя в качестве альтернативного партнера таких государств как Китай в последние годы обеспечил себе значительное экономическое преимущество. Так, всесторонняя поддержка лидера Судана, обвиняемого международным сообществом в военных преступлениях, обеспечила Китаю доминирование на суданском рынке углеводородов. На сегодняшний день Китай закупает две трети производимой в Судане нефти. Никакая гуманитарная кампания, даже угрозы бойкота Олимпийских игр, не нарушили преференциальных отношений Пекина с таким ценным поставщиком энергетического сырья. Напротив, для закрепления своих позиций в Судане, Китай использует свой политический и экономический вес, а также положение постоянного члена Совета Безопасности ООН, в обмен на нефть Судан получает также военную помощь в виде поставок вооружения.

Прагматичный подход Китая устраивает африканские страны, для них он является более привлекательным, чем полный условностей и навязываемых ценностей – западный. Не пытаясь поучать африканское руководство, китайское правительство постоянно подчеркивает сходство путей исторического развития Китая и Африки. Большая для Африки тема колониализма, для Китая стала тем важнейшим аргу-

ментом, который он постоянно использует, чтобы привлечь африканские страны на свою сторону. Действительно, разве может Африку не привлекать опыт страны, которая также пострадала от колониального гнета и которая еще несколько десятилетий назад также испытывала огромные экономические трудности, а сегодня является одной из самых передовых стран мира. Активно эксплуатируя эту тему, китайскому руководству удалось добиться огромных политических дивидендов в Африке, которые подкрепляются очень грамотной и продуманной экономической политикой.

По мере ослабления влияния Запада на Черном континенте Пекин старается при первой же возможности заменить его во всех областях: внешняя торговля, инвестиции, финансовая помощь, военные поставки.

Как уже было сказано ранее, в 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки. Количество африканских стран, товарооборот каждой из которых с Китаем превысил 1 млрд долл., увеличилось с 14 в 2007 г. до 20 в 2008 г. [3]. Произошло это, в том числе, и потому, что Пекин отменил импортные пошлины на 256 наименований африканской экспортной продукции, и 97% африканского экспорта в КНР оказались свободными от таможенного обложения. Всего у Китая подписаны соглашения о беспошлинной торговле с более чем 20 странами Африки.

С 1990-х гг. прошлого века Китай открыл в африканских странах более 200 торговых компаний. В странах Африки действуют 11 центров содействия инвестициям и развитию торговли, а в большинстве африканских стран работают постоянные торговые миссии КНР. Export-Import Bank of China учредил под эгидой Госсовета КНР «Группу торгово-экономического и технико-экономического сотрудничества и координации отношений со странами Африки». В Пекине открыта китайско-африканская торговая палата, ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли с государствами юга Африки.

Согласно статистике, в настоящее время китайско-африканская внешняя торговля обеспечивает 20 процентов в экономическом росте Африки.

КНР стала крупнейшим финансистом в Африке: по данным Всемирного банка, на 2007 г. с ее помощью создано объектов инфраструктуры на 7 млрд долл. Льготные займы выдаются государственным Экспортно-импортным банком, что привлекательно из-за его процентов, которые намного ниже, чем у коммерческих банков или у западных многосторонних финансовых институтов.

В целом же за последние свыше 50 лет Китай оказал африканским странам финансовую поддержку в реализации более 800 проектов, включая 137 сельскохозяйственных, 133 в сфере инфраструктуры и проекты в области перерабатывающей, легкой, текстильной и пищевой промышленности. С 2000 г. китайские предприятия в рамках подрядов построили в Африке свыше 6000 км автодорог, более 3000 км железных дорог, 8 крупных и средних электростанций. Наиболее крупными были проекты в Нигерии, Габоне и Мавритании.

Китай также финансирует проекты в сфере информационных технологий и коммуникаций – в основном продажу готовых сетей. Самый крупный из этих проектов начал осуществляться в 2006 г. в Эфиопии (1,5 млрд долл.) и представляет собой создание национальной сети коммуникаций, включающей в себя, в том числе, мобильную сеть связи в сельской местности.

Китай также передает африканским странам дешевые технологии. Поскольку технологический разрыв между Африкой и Китаем не настолько велик, китайские технологии часто более подходят для Африки и намного дешевле американских или европейских. В январе 2008 г. правительства Уганды и Китая и китайский автопроизводитель Geely International создали совместное предприятие для строительства

автосборочного завода. Подобные заводы уже построены в Анголе, Кении, Танзании, Нигерии, Эфиопии и Египте.

В 2007 г. на Африку пришелся 31 процент общего объема доходов Китая от внешних подрядных работ. Всего же за последние 7 лет инвестиции Китая в Африку выросли в 15 раз. Тем не менее это не предел и в долгосрочные планы Пекина входит увеличение объемов инвестиций в Африку к 2020 г. до 100 млрд долл. В ближайшие же три года Китай намерен осуществить 8 новых инициатив, предложить африканским государствам 100 программ по развитию «чистых» видов энергетики, включая солнечную, биологическую и микро-ГЭС, а также предоставить специализированные займы для средних и мелких предпринимателей. Так, компания «Инли грин энерджи», ведущий производитель и экспортер солнечных батарей, совместно с китайско-африканским фондом развития и местным партнером, компанией «Мулило энерджи», планирует построить первую в ЮАР электростанцию на энергии солнца стоимостью 40 млн долл. к северу от Кейптауна.

Кстати, китайско-африканский фонд развития (China-Africa Development Fund) был создан в 2007 г. Китайским банком развития (China Development Bank – CDB) для покрытия инвестиционных рисков китайских предприятий в странах Африки. На сегодняшний день активы фонда составляют порядка 5 млрд долл. Фонд уже выделил около 1 млрд долл. для поддержки предприятий и компаний, инвестирующих в страны Африки, в том числе в 2008 г. вложил около 400 млн. долл. в реализацию 20 проектов. Одним из таких проектов была покупка 51% акций южноафриканской компании по добыче платины «Весизве», что впервые в истории дало Китаю прямой доступ к платине.

К направлениям деятельности фонда относятся страхование кредитов, создание маркетинговых фирм для обслуживания малых и средних предприятий. Действуют также

частные компании, оказывающие консалтинговые услуги инвесторам.

Дальнейшее инвестиционное сотрудничество планируется развивать в направлении создания специальных экономических зон, которые должны быть аналогами китайских свободных экономических зон. Китайские фирмы, которые будут в них инвестировать, получают дешевые кредиты и субсидии для расширения экспорта, а также налоговые и другие льготы от правительства КНР. Первая зона уже создана в «медном поясе» Замбии. Там уже действует 10 предприятий, а объем инвестиций, согласно заключенным соглашениям, превысил 700 млн долл. Зона будет обеспечивать страну медью, кобальтом, оловом, алмазами, ураном.

Очень важно, что для нормального функционирования специальных экономических зон требуется необходимая инфраструктура. По оценкам специалистов, Китай уже инвестировал в развитие инфраструктуры Африки больше, чем бывшие метрополии за всю историю пребывания в Африке. Причем, что интересно, при этом применяются новейшие технологии. Так, крупнейший поставщик телекоммуникационного оборудования в Китае ZTE строит для мавританского оператора связи 1 мобильную сеть WiMax. Эта сеть станет первой масштабной коммерческой реализацией технологии как в Мавритании, так и на всем африканском континенте. В перспективе этот проект распространится и на другие африканские страны. С Эфиопией был заключен контракт, стоимость которого составила 158 млн. долл. В рамках этого контракта будут построены мобильные сети в столичной Аддис-Абебе и еще в 8 городах страны. Первая фаза проекта обеспечит связью до 1,2 млн мобильных абонентов, в дальнейшем емкость сети будет наращиваться до 14 млн. Кроме мобильной связи, ZTE будет обеспечивать также развертывание оптоволоконных сетей, как опорной сети национального масштаба, так и транспортных для мобильной связи.

И таких примеров можно привести достаточно большое количество.

Всемирный банк, который в последнее десятилетие подвергается острой критике за недостаточное внимание к проблемам бедных африканских стран, не смог остаться в стороне от китайских инициатив и решил приступить совместно с Китаем к созданию низкочастотных заводов и фабрик в новых индустриальных зонах Африки для развития промышленной базы континента.

Здесь следует отметить, что с приходом Китая в Африку стали изменяться отношения африканских стран с международными финансовыми институтами. Ранее Международный валютный фонд и Всемирный банк годами изучали возможности предоставления кредитов, выдвигая подчас невыполнимые для стран континента условия. Китайская помощь развитию в большинстве случаев предоставляется быстро, под небольшие проценты и без требований к экономической политике принимающих стран. После ряда характерных случаев, произошедших с МВФ в Анголе, Чаде, Нигерии, Судане, Эфиопии, Уганде, когда, затратив несколько лет на обсуждение договоров с правительствами этих стран, чиновники МВФ накануне их подписания узнавали, что страны уже получили дешевые китайские долгосрочные кредиты, международные финансовые институты были вынуждены пересмотреть свою кредитную политику в отношении африканских стран. Если раньше получателями их кредитов являлись самые платежеспособные страны региона, то теперь они не оставляют без внимания даже самые бедные африканские страны.

Необходимо также отметить, что на конец 2009 г. Пекин списал африканским странам долги на 1,4 млрд долл. и, кроме того, выделил дополнительную помощь в размере 1,3 млрд долл.

«Вовлеченность Китая в Африке увеличивает возможности для африканских стран обойтись без Междуна-

родного Валютного Фонда и Всемирного Банка. Это дает им возможность избежать самой грубой эксплуатации этими учреждениями и многими другими из международной системы “помощи развивающимся странам”, которая является односторонней со времен развала Советского Союза. Другими словами, эти страны не имели ни малейшей возможности на получение помощи, не связанной условиями МВФ. А теперь события развиваются интересным образом», – отметил Сорен Амброзе из кенийской организации «Solidarity Africa Network in Action» [6].

Одним из важнейших направлений экономической экспансии Китая в Африку является гуманитарное сотрудничество. Если Соединенные Штаты подвергаются критике за поставки гуманитарного продовольствия, так как по факту они разоряют африканских фермеров, то Китай использует другие формы и механизмы экспансии – развитие сферы образования и гуманитарного сотрудничества. Одним из примеров такого сотрудничества может служить Институт Конфуция, который открыл свои филиалы в Египте, Зимбабве, Кении, Нигерии, ЮАР, Руанде и Мадагаскаре. Активно продвигается изучение китайского языка. Уже к 2006 г. в Африке было открыто 120 китайских школ в 16 странах. Китайское правительство на сегодняшний день предоставило стипендии свыше 200 тысячам учащихся из 50 африканских стран, послало на работу в Африку 47 тысяч китайских врачей. Гуманитарная программа на 2009 г. предполагает предоставление медицинского оборудования на 73 млн долл. 30 больницам, строительство 50 школ и сооружение 100 проектов по производству «чистой» энергии из возобновляемых источников. Список гуманитарных программ можно продолжать очень долго, главное, что, отвечая национальным экономическим интересам Китая, они не вызывают негативного отношения со стороны африканских стран.

Перспективы развития китайско-африканских отношений

По мнению экспертов, несмотря на впечатляющие результаты, это далеко не пик китайско-африканских отношений. Пока КНР по каким-либо причинам не начнёт снижать темпы индустриального роста и промышленного производства, африканские страны будут оставаться ключевыми поставщиками сырья для китайской экономики. Хотя, конечно, нельзя не отметить, что, несмотря на очевидные успехи китайской внешней политики, у страны накопился достаточно негативный опыт сотрудничества: столкновение с повстанцами в Нигерии и Эфиопии, с природоохранными организациями в Габоне и Танзании, с бастующими рабочими в ЮАР, ДРК и Марокко. Помимо внутренних факторов есть и внешние: столкновение интересов с ведущими европейскими игроками и США. И хотя стороны все время подчеркивают то, что их деятельность на континенте не является конкурирующей, в 2007 г. на встрече «Африка–Китай–США» с участием ведущих специалистов трех стран, был выпущен доклад, в котором подчеркивалось, что:

- между США и Китаем нет стратегического соперничества, которое может привести к конфликту с нулевой суммой;
- важно избежать очередной борьбы за Африку;
- Китай и США имеют разные интересы в Африке. Они могут быть согласованы в пользу Африки, однако это не означает, что США и Китай будут сотрудничать автоматически;
- между США и Китаем будет проходить бизнес-конкуренция в Африке, но она не обязательно будет носить негативный характер;
- США и Китай – важные партнеры для Африки, которые помогут мобилизовать капитал и сократить долги.

Тем не менее уже наблюдается некоторое раздражение США и Европейского Союза, связанное с усилением позиций Китая в Африке. Безусловно, говорить о том, что западные страны могут окончательно утратить свои позиции в регионе, еще преждевременно. Однако очевидно, что влияние Китая на континенте имеет все перспективы для постепенного возрастания и не исключено, что в настоящее время мы можем наблюдать не только появление нового серьезного игрока в традиционно европейской зоне влияния, но и возможно формирующийся новый глобальный центр силы.

Л и т е р а т у р а

- [1] <http://ru.china-embassy.org>
- [2] Коммерсантъ. – 5.02.2007.
- [3] www.fmprc.gov.cn
- [4] <http://chinability.com/reserves.htm>, UPI, Businessnews, 14 juli 2008
- [5] UNCTAD Handbook of statistics. – New York and Geneva: United Nations, 2008.
- [6] *Тони Бюсселен*. Ангола: близится конец западной экономической «опеки». URL: <http://left.ru/2007/8/busselen160.phtml>

Ю.Л. Буздалина

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И АФРИКАНСКИХ СТРАН ЮЖНЕЕ САХАРЫ
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАТЕГИИ
БЕЗОПАСНОСТИ**

В статье показан процесс выработки концептуальных оснований новой политики Европейского Союза в отношении стран Африки южнее Сахары в контексте анализа основных документов ЕС, таких как «Европейская стратегия безопасности» (2003), Стратегия ЕС для Африки (2005), Совместная стратегия Африка – ЕС (2007), «Европейский доклад о развитии» (2007).

Ключевые слова: Глобальные вызовы, стратегическое партнерство, Европейская стратегия безопасности, «ответственные» страны, Африка и ЕС, Европейский доклад о развитии.

Присутствие европейских стран на африканском континенте выглядит исторически обусловленным и органичным. Однако ни исторический опыт, ни важная роль в процессах экономического и социального развития Африки не делают это присутствие однозначным. Пройдя долгий исторический путь взаимодействия и столкнувшись на современном этапе с новым типом вызовов и угроз, Европейский Союз (ЕС) как единый игрок на мировой арене не только изменяет свои подходы к разрешению проблем Африки, но и выработывает иное понимание своего места и роли в регионе.

Формирование нового подхода европейских государств к разрешению проблем африканского континента началось в 1993 г. с принятием Маастрихтского соглашения о Европейском Союзе. Новый этап во взаимодействии европейских и африканских стран был ознаменован проведением в 2000 г. первого саммита ЕС – Африка в Каире, разработке Стратегии ЕС для Африки в 2005 г. (EU Strategy for Africa:

Towards a Euro-African Pact to Accelerate Africa's Development) и принятием в 2007 г. Совместной стратегии Африка – ЕС (The Africa-EU Strategic Partnership: A Joint Africa-EU Strategy). Наибольшее влияние на процесс выработки новой политики ЕС в регионе оказала принятая 12 декабря 2003 г. в Брюсселе «Европейская стратегия безопасности» (European Security Strategy). Именно анализ этого основополагающего документа даёт возможность получить комплексное представление о концептуальных основах политики ЕС в регионе, её приоритетах и основных подходах к возникающим вызовам и угрозам.

В первой части «Европейской стратегии безопасности» говорится о глобальных вызовах, с которыми сталкивается человечество, и практически все перечисленные в ней аспекты имеют непосредственное отношение к Африке южнее Сахары. В документе отмечается, в частности, огромное число жертв военных конфликтов, большинство из которых гражданское население; возрастающее число беженцев; заболевания СПИДом, многочисленные смерти от голода и недоедания, низкий уровень жизни. В контексте Африки южнее Сахары упоминаются политические проблемы и кровопролитные конфликты как основная причина экономических неудач в ряде государств. В разделе Стратегии «Ключевые угрозы» в подпункте «Региональные конфликты» указаны проблемы в районе Великих Африканских озёр, а в подпункте «Несостоятельные государства» в качестве примера стран с разрушенной системой государственных институтов в первую очередь приводятся Сомали и Либерия [3, р. 4]. При этом было отмечено, что многие страны региона попали в ловушку – замкнутый круг, где за любым конфликтом следует отсутствие гарантированной безопасности и постоянно функционирующих институтов государственной власти, итогом чего становится бедность, которая в свою очередь провоцирует очередной виток конфликтов и нестабильности.

Основным выводом Стратегии стало заключение о том, что безопасность следует рассматривать как одно из обязательных условий, обеспечивающих возможность устойчивого развития. В документе также было обращено внимание на то, что после окончания «холодной войны» «первая линия защиты» от новых угроз «зачастую будет проходить за пределами ЕС» [3, р. 6].

Участие ЕС в урегулировании внешних конфликтных ситуаций жизненно важно и для самого Союза. Как отмечается в Стратегии, «обязательным условием развития является безопасность» [3, р. 2], поэтому «необходимо развивать такую стратегическую культуру мышления, которая будет обеспечивать раннее, быстрое и, при необходимости, решительное вмешательство» [3, р. 11]. Только на этой основе видится возможность достижения одной из важнейших целей ЕС – становления сильного (без опасных противоречий и угроз всеобщей безопасности) международного сообщества как системы эффективно функционирующих международных институтов, основанной на праве мирового порядка.

Достигнуть этого можно только при более активном использовании всего спектра инструментов по антикризисному управлению и предупреждению конфликтов, включая политические, дипломатические, военные и гражданские, торговые и стимулирующие развитие мероприятия. Поэтому ЕС считает возможным для себя действовать до того, как случится кризис: «...ни предупреждение конфликта, ни предотвращение угрозы не могут быть начаты слишком рано» [3, р. 6].

Согласно Стратегии, Европа не видит стабильного и успешного развития для себя, если таковое не будет достигнуто в Африке. Ведь в целом, отмечено в документе, специфика ситуации в регионе такова, что без внешнего вмешательства урегулирование становится практически невозможным, а усугубление кризисов на африканском континенте негативно скажется на процессах социально-экономического

развития европейских государств и социальной стабильности в самой Европе. При этом в Стратегии сделан акцент на то, что ни одна кризисная ситуация не может быть преодолена исключительно военными методами, и предложены следующие антикризисные инструменты:

- возможность военного вмешательства для наведения порядка;
- гуманитарные средства для разрешения социально-экономического кризиса;
- политические решения при урегулировании региональных конфликтов;
- комбинация военных и полицейских миссий в посткризисный период [3, р. 12].

Важно отметить, что в Стратегии получили «второе дыхание» так называемые Петербургские функции, прописанные в одноименной Декларации 1992 г. и обеспечивающие для ЕС возможность применять вооруженные силы в области миротворчества, в превентивных акциях с целью предотвращения конфликтов, в гуманитарных операциях [5]. Это означало, что Европа получила возможность действовать самостоятельно, без мандата ООН или НАТО, приступая к урегулированию военных кризисов. Следует признать, что на деле, следуя правилам политкорректности, ЕС, как правило, координирует свои действия с этими организациями [2, с. 25].

Заложенные в период 1990–2010-х гг. концептуальные принципы находят реализацию в политике ЕС в отношении африканских стран южнее Сахары, прежде всего, по двум основным направлениям. Во-первых, по линии ООН через программу Новое партнёрство в интересах развития Африки (НЕПАД), представляющую собой стратегические рамки по преодолению основных проблем континента, и через широкое международное взаимодействие по достижению восьми

важнейших целей и задач глобального развития, обозначенных в Декларации тысячелетия ООН (2000 г.).

Во-вторых, принципы политики ЕС получают воплощение в проведении собственной политики Союза в Африке при реализации своих целей и задач, которые во многом совпадают и пересекаются с заявленными в рамках НЕПАД и Целей тысячелетия и, по сути, также являются способами фактической их реализации.

Основной действующей силой воплощения программ в рамках НЕПАД выступают сами африканские страны, Африканский Союз (АС), но при активной поддержке всего мирового сообщества, и прежде всего европейских стран.

В целом разработка и принятие в начале 2000-х гг. глобальных стратегий и программ по обеспечению устойчивого развития стран Африки ознаменовали не только переход к программному принципу реализации поставленных в них задач, но и подчеркнули особую роль, отводимую ЕС в их реализации.

На период с 2007 по 2013 г. ЕС обязался предоставить помощь развивающимся странам, включая африканский континент, в размере 2,06 млрд долл. При этом примерно 80% своей общей помощи ЕС предоставляет Африке, являясь в то же время её весомым коммерческим партнёром [1]. Этот аспект важен в контексте превентивной дипломатии, поскольку именно экономическое взаимодействие и помощь представляются наиболее эффективными в установлении порядка и безопасности в регионе. Так, помощь оказывается в рамках Европейского фонда по развитию и через каналы европейской структуры «Иностранная политика и общая безопасность» (PESC).

Весьма важным механизмом предупреждения конфликтов в ЕС считают региональную экономическую интеграцию, способную сократить бедность как одну из причин возникающих конфликтов [1, с. 35]. Как отмечают европейские исследователи, опасность представляют также: 1) рас-

пространение организованной преступности как следствие слабости государственной власти; 2) процветание торговли наркотиками, оружием и людьми, которые через практически неконтролируемые области Западной Африки распространяются по всему миру и, в частности, попадают в Европу; 3) увеличение миграционных потоков вследствие того, что многие африканцы пытаются покинуть проблемные районы и найти убежище в той же Европе, тем самым дестабилизируя социальную обстановку в Союзе.

Взаимодействие ЕС со странами Африки на официальном уровне реализуется в трех основных форматах – а) встречи глав государств и правительств, б) совещания министров иностранных дел, а также в) контакты на региональном уровне. Первый в рамках нового подхода ЕС саммит глав государств и правительств европейских и африканских стран состоялся в Каире 3–4 апреля 2000 г. Среди ключевых проблем фигурировали вопросы консолидации мира, предупреждения и управления конфликтами в Африке.

Можно сделать вывод о том, что деятельность ЕС по отношению к наиболее проблемным странам Африки определяется принципами, заложенными ещё на этапе существования ЕС до 2005 г. Одним из главных для ЕС в контексте африканских стран южнее Сахары является тезис о том, что современные угрозы динамичны, то есть развитие ситуации происходит довольно быстро и упустить из виду ряд обстоятельств становится более чем реальным. Поэтому серьёзные действия по предупреждению должны стать ключевым инструментом в антикризисной политике ЕС. При этом ставка делается на задействование максимального количества своих возможностей и потенциала (в частности собственные военные операции), большую координацию усилий в рамках самого Европейского Союза (принятие во внимание уроков Балканских кризисов и войны в Ираке) и сотрудничество с партнёрами, поскольку ЕС ни в коем случае не берёт на себя функции выразителя интересов всего мира.

Однако на стадии практического воплощения новых положений ЕС встретился с трудностями. Прежде всего, проблема обозначилась уже при реализации центрального принципа по обеспечению безопасности в Африканском регионе. Первой военной операцией ЕС за пределами Европы стала операция «Артемида», осуществлённая в соответствии с Резолюцией № 1484 СБ ООН. Главная цель операции состояла в обеспечении безопасности округа Итури Восточной провинции Демократической Республики Конго (ДРК), в первую очередь его административного центра г. Буньи. Операция проводилась преимущественно силами Франции совместно с частями конголезской армии [1, с. 38]. Франция исполняла значительную роль в осуществлении миссии с согласия и заручившись поддержкой всего ЕС и, что принципиально важно, делала это исходя из законодательных и институциональных возможностей Европейского Союза в целом, признанных мировым сообществом. Следует отметить, что хотя Стратегия и возникла после военной операции в ДРК, но в ней был учтён уже непосредственный опыт, который был приобретён ЕС именно в Африке.

Однако в целом операция «Артемида» была оценена в самом ЕС скорее как исключение, применённое в «специфических условиях», хотя она полностью вписывалась в международные правовые рамки по обеспечению безопасности в регионе. Такая оценка, возможно, была вызвана нежеланием нести чрезмерную ответственность за последствия подобного рода операций, поскольку чёткого механизма международного правового регулирования для таких военных акций пока не существует. Политики ЕС исходили также из того, что иностранное присутствие, тем более военное, вряд ли может устраивать регион, где уже давно звучат призывы предпринимать попытки самостоятельного урегулирования конфликтных ситуаций, прибегая к экономической помощи и рекомендациям высококвалифицированных специалистов лишь по отдельным вопросам.

Вторая проблема, также возникшая в ходе практической реализации Стратегии, – нарушение принципа слаженности действий различных европейских государств, согласованности их политики. Наметилась тенденция, когда разработку политики ЕС по тому или иному вопросу берёт на себя один из членов Союза, который либо имеет опыт взаимодействия с африканскими странами по конкретной проблеме, либо делает это в силу исполнения обязанностей в рамках Союза (что особенно важно было до принятия Лиссабонского договора). Вместе с тем именно такой подход к выстраиванию отношений Африка – ЕС можно считать на современном этапе наиболее приемлемым механизмом реализации европейских проектов на африканском континенте.

Например, в июне 2001 г. именно правительством Бельгии был разработан план действий по восстановлению мира в районе Великих Африканских озёр, поскольку эта страна являлась председателем ЕС на тот момент. Однако не последнюю роль сыграл и тот факт, что с 2000 г. официальные лица страны (в частности министр иностранных дел Бельгии Луи Мишель в ходе визита в Киншасу) заявили о намерении «вернуться» в Африку с тем, чтобы «способствовать поиску решения проблем, с которыми сталкиваются государства района Великих Африканских озёр» [1, с. 37]. А за разработку Совместной стратегии Африка – ЕС особенно серьёзно взялась Португалия, используя своё председательство в ЕС на момент 2007 г. как возможность для активизации своей внешней политики в регионе.

Фактически в Европейском Союзе определился узкий круг стран, которые можно назвать «ответственными» за выстраивание политики ЕС по отношению к африканским странам. Это, прежде всего, бывшие метрополии: Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, в меньшей степени Германия, Португалия. Выбор «ответственного» зависит от страны или региона, в отношении которых проводится политика, и проблемного вопроса, который необходимо урегулировать.

При этом следует отметить, что Великобритания предпочитает проводить свою внешнюю политику самостоятельно и независимо от Союза, что обусловлено членством многих африканских стран в Британском содружестве наций и поэтому сношения между государствами осуществляются на особой институционально-правовой основе.

Франция, Италия, Бельгия не просто в большей степени координируют свои действия с Европейской комиссией, они выступают и в качестве прямых агентов, которых уполномочили, действуя на институционально-правовой основе, присущей ЕС.

Те же страны, которые, по сути, не имели шансов продолжительно осуществлять свою политику в регионе и не имеют значительного исторического опыта, выступают в качестве спонсоров и осуществляют контроль за соответствием действий принятым решениям. Не стоит упускать из внимания и тот факт, что каждая страна ЕС на современном этапе всё же больше заинтересована в осуществлении самостоятельной внешней политики. Поэтому, даже выступая «от лица» Союза, та или иная страна получает дополнительные бонусы и даже согласие на реализацию собственных интересов в регионе, а также закрепляет за собой определённую позицию, зачастую усиливая и совершенствуя прежнюю, и в рамках самого ЕС.

Возможным сценарием преодоления инерции «страновой ответственности» можно считать создание Европейской службы внешнеполитической деятельности. Как отмечали, например, исследователи Немецкого института политики развития (Deutsches Institut für Entwicklungspolitik), ЕС как единый игрок в Африке может увеличить своё присутствие и расширить свою деятельность на месте, в тех же самых странах с неустойчивой государственной властью, благодаря механизму, предусмотренному Лиссабонским договором [6].

Как же именно можно осуществить переход от политики отдельных государств в регионе к централизованно-

му её осуществлению? Уже сейчас Европейская комиссия обладает целой сетью своих представительств за рубежом, которая должна способствовать в обозримом будущем преобразованию в Представительства всего ЕС, в которых члены Комиссии, Совета и государств-членов будут тесно взаимодействовать [6]. На данный же момент страны-члены могут даже вести между собой борьбу за решение проблемы под своей эгидой.

Однако и этот механизм имеет существенный недостаток и здесь возникает третий проблемный момент.

Ведь если правительства именно стран с неустойчивой государственной властью не признаются членами ЕС, может ли идти речь о представительстве Союза в этих странах? Нужно отметить, что после начала реализации попытки создать общую для ЕС и Африки стратегию (с 2007 г. в Лиссабоне) был предпринят ряд шагов, чтобы признать эти режимы [6]. А значит, со временем представительство ЕС, возможно, появится и в странах с неустойчивыми режимами, тем более что контроль ситуации именно там, судя по концепции безопасности прописанной в Стратегии, и должен быть интересен для ЕС. Однако пока ЕС, учитывая опасности, связанные с нахождением в проблемных регионах, фактически идет вразрез с целями Стратегии, мотивируя это непризнанием диктаторских режимов.

Вопрос с признанием и выстраиванием взаимодействия с проблемными, с точки зрения ЕС, режимами в ряде африканских стран стоит довольно остро. Поскольку каждая страна-член имеет своё видение этой проблемы, выработать единую политику непросто. Так, например, на саммит в Лиссабоне в 2007 г. по обсуждению Совместной стратегии Африка – ЕС не прибыл премьер-министр Великобритании Гордон Браун, поскольку на встрече присутствовал президент Зимбабве Роберт Мугабе, чей режим Соединённое Королевство не собирается ни в коем случае признавать.

Такие повороты событий могут в перспективе негативно сказаться и на сотрудничестве ЕС и Африки в целом, поскольку постоянные претензии и замечания со стороны ЕС будут создавать напряжённость во взаимоотношениях между единой Европой и африканскими государствами. Речь канцлера ФРГ Ангелы Меркель в самом начале саммита в Лиссабоне о важности прав человека, хорошем государственном управлении и о проблемах Зимбабве также вряд ли способствовала потеплению отношений и развитию необходимого для успешного сотрудничества взаимного доверия.

Четвёртым спорным моментом оказывается и сам тезис о наведении порядка и укреплении пока несостоятельных режимов. В первую очередь под этим подразумевается создание демократических институтов по образцу западных, поскольку в мировой практике по умолчанию своего рода «нормой» является то, что уже зарекомендовало себя как наиболее успешная и не имеющая более эффективных аналогов модель.

Если Африка действительно претендует на переход от роли исключительно объекта международных отношений к субъектности, странам континента необходимо научиться играть по установленным правилам. Как вариант достижения этой цели – приобщение к соответствующим образцам, а именно создание правового государства и гражданского общества. Насколько это будет эффективно и не вызовет ли новых волн протеста и обострения ситуации в конечном итоге – пока не совсем ясно. Однако уже есть опыт использования модели догоняющего развития на африканском континенте – несмотря на серьёзные вложения и попытки, программы не приносили ожидаемых результатов. Но и другой действенной и эффективной альтернативы пути равноправного выхода на мировую арену нет. Она не вызрела пока ни на основе ислама, ни на базе региональных интеграционных групп, ни в рамках Африканского Союза.

Таким образом, проблемы реализации заложенных ранее концептуальных основ политики ЕС в африканских странах южнее Сахары выявили не только несовершенство существующих механизмов, но и самой закладываемой стратегической базы, в частности, продолжение тенденции прошлых десятилетий и превалирование европоцентристского подхода. Понимание ошибочности некоторых закладываемых основ привело к пересмотру ряда положений, их усовершенствованию и началу постепенного отхода от фактического европейского доминирования при решении африканских проблем, аннулирующего выстраивание партнерских отношений как таковых. Европейская стратегия безопасности стала одной из важных вех пошагового формирования новых подходов ЕС к проблемным ситуациям в Африке. Затем начался этап формирования нового стратегического партнёрства, которое одновременно соответствовало концептуальным основам политики ЕС на континенте, исходящим из собственно интересов ЕС, а также на базе обновлённого мышления, требующего слаженных и взаимообусловленных действий стран Африки и ЕС.

Новым этапом в пошаговом процессе выработки нового формата африкано-европейского сотрудничества стали переговоры по «Совместной стратегии Африка – ЕС» 8–9 декабря 2007 г. в Лиссабоне, во время второго саммита ЕС–Африка. Так началось становление широкомасштабного партнёрства между Европой и Африкой.

В «Совместной стратегии Африка – ЕС» выделено четыре стратегических поля для сотрудничества. Но самым значительным является первое поле, обуславливающее сотрудничество в области мира и безопасности. Совместная стратегия нацелена на строительство африканской структуры безопасности под управлением Африканского Союза и финансирование проводимых именно африканскими силами миротворческих миссий. В качестве основных угроз безопасности были подтверждены положения Стратегии безо-

пасности ЕС (проблемные страны и регионы: организованная преступность, международный терроризм, деятельность наёмных военных сил, торговля наркотиками и людьми, распространение ОМУ).

Работа над выявленными ранее и встающими на современном этапе проблемами реализации принципов взаимодействия с африканскими странами южнее Сахары находится в активной фазе и постоянно продолжается. Так, очередной виток в формировании подходов к разрешению африканских проблем и пониманию своего места и роли в регионе получил наиболее яркое отражение в Европейском докладе о развитии (European Report on Development). Он был подготовлен специалистами Центра Роберта Шумана института Университета Европы в 2009 г. и представляет общее видение европейским научным сообществом основных проблем стран Африки южнее Сахары и их представление об основных принципах реагирования на новые вызовы, которыми следует руководствоваться политикам ЕС. Вполне вероятно, что в ближайшее время изложенные в докладе рекомендации войдут в новые документы и программы ЕС по партнёрству с Африкой.

Основная тема доклада – преодоление неустойчивости в Африке, что, по мнению авторов, является основополагающим элементом в выработке нового подхода европейских государств к ситуации в регионе. Как подчёркивается в докладе, ЕС должен «формировать приоритетные направления своего вмешательства в дела региона, основываясь, прежде всего, на опыте прошлого, проанализировав допущенные ошибки, приспособившись к изменяющемуся контексту международных отношений и уважая суверенитет африканских государств» [4, р. 23]. Европейский доклад о развитии предлагает 5 основных направлений деятельности ЕС по преодолению кризисов в неустойчивых государствах Африки южнее Сахары, нацеленных на долгосрочную перспективу.

1. Поддержание строительства устойчивых государственных режимов и создание условий для сплочения общества.

В Докладе подчеркнуто, что вовлечённость ЕС в урегулирование ситуации в неустойчивых странах должна быть обусловлена преследованием долгосрочных целей и чётким представлением о конкретной проблеме, поскольку «на происходящие в этих государствах процессы не может быть стороннего, внешнего (европейского) взгляда» [4, р. 23]. Процессы государственного строительства в Африке не те, что происходили в Европе в XIX веке. Сплочённость общества не будет одинаковой среди различных этнических и социальных групп, различия между которыми уходят в глубь веков. Это принципиально новое положение, ставящее во главу угла европейского понимания африканских проблем именно особенности континента.

2. Преодоление разрыва между текущими потребностями и долгосрочным целеполаганием.

В Докладе отмечено, что для ЕС становится важным дать понять африканским странам долгосрочность своих целей на континенте, тем самым подтолкнув сами страны Африки не к конъюнктурным действиям, а к пониманию важности стабильности и приверженности достигнутым договорённостям.

3. Увеличение человеческого и социально-культурного капитала.

В докладе обращается внимание на важность вложений в образование граждан стран с неустойчивыми режимами, усилий по сокращению гендерного разрыва и обеспечению развития социально-культурного капитала. По мнению европейских экспертов, именно это является лучшим способом достижения устойчивого роста и развития на континенте, так необходимых для аналогичных процессов в Европе.

4. Поддержка инициатив по обеспечению улучшения регионального управления, включая региональные интеграционные процессы.

В докладе указано, что принцип опоры на региональные группировки был заложен ранее и некоторые успехи уже достигнуты – поэтому ему отводится четвёртое место, но требуются дальнейшие шаги по улучшению ситуации.

5. Обеспечение безопасности и развития в регионе.

Этот пункт Доклада наиболее важен и интересен, поскольку впервые упор сделан на многогранный подход к обеспечению безопасности. Особенно важным представляется указание на то, что необходимо выявление самих основ формирования европейской политики в регионе. Разработчики доклада исходили из тезиса о важности постоянных долгосрочных усилий на пути перехода от нейтральной и направленной на достижение исключительно собственных целей политики к причастности к глобальному управлению. Только на этой основе будут сведены воедино глобальные обязанности ЕС и внутреннее благосостояние граждан Европы. Подобный гибкий стратегический подход позволит признать конкурентный и политический характер многих целей ЕС как донора африканских стран. Придание большего значения инструментам гражданского и военного управления кризисами не только откроет возможность поощрять совместное планирование (вооруженные силы, гражданские лица, помощь в развитии), но позволит «перейти к стратегическому мышлению» [4, р. 24] как в странах – членах ЕС, так и в самих африканских государствах.

Анализируя приоритетные цели ЕС, обозначенные в Европейском докладе о развитии, можно сделать вывод о том, что современной единой Европе важно перейти от присущего ей линейного подхода по созданию удобного для нее африканского общества, с которым выгодно взаимодействовать Союзу, к сосредоточению своего внимания на доступных инструментах преодоления возникающих проблем как

таковых. Как один из способов достижения этой цели рассматривается возможность создания демократических функционирующих государственных режимов и приведение Африки к стабильному и устойчивому развитию, что впоследствии может преобразовать её из объекта международных отношений в полноценного и полноправного его участника.

Принципиальным условием здесь – в этом заключается новизна Доклада – становится вовлеченность стран Африки в долгосрочные проекты, которые имеют стратегический характер, нацеленность на приобщение африканских государств к стратегическому мышлению.

В целом на современном этапе ЕС видит своей целью создание за счёт различных механизмов такой Африки, которая не угрожала бы развитию самой Единой Европы и мировому сообществу в целом. Разработав как собственные, так и совместные (Африка–ЕС) стратегии, Европа получила необходимые инструменты для оказания системной экономической помощи африканским странам, подготовки миротворческих контингентов и проведения собственных военных акций, поддержки и стимулирования активной деятельности ООН в отношении Африки. Однако неудачи при реализации намеченных планов подчёркивают переходное состояние нынешних концептуальных основ политики ЕС в регионе и необходимость выработки нового подхода к решению проблем взаимоотношений Европейского Союза и африканских стран южнее Сахары.

Л и т е р а т у р а

[1] Международные аспекты конфликтных ситуаций в Африке // Материалы круглого стола. – Вып. 15. Из выступления Г.М. Сидоровой. – М., 2009.

[2] Из устного доклада Г.М. Сидоровой, как это отмечено в сборнике устных и письменных докладов «Особенности политики США, Китая и Европейского Союза в Африке в начале XXI ве-

ка. Реакция Африканских стран // Устные и письменные доклады. Выступления на круглом столе. Вып. 16. – М., 2009.

[3] A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy / Brussels, 12 December 2003. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>

[4] ERD Report v. 3 (15 October 2009). – P. 22. URL: http://erd.eui.eu/media/2009-10-21-Brochure_A4citizens-spread.pdf

[5] Petersberg Declaration, Western European Union Council of Ministers, Bonn, 19 June 1992. URL: <http://www.weu.int/documents/920619peten.pdf>

[6] Stefan Gänzle, Jörn Grävingholt. Die EU-Reform als Sicherheitsfaktor // ZEIT ONLINE, Deutsches Institut für Entwicklungspolitik – 26. Oktober 2009. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2009-10/lissabon-europa-afrika>

М.Л. Вишневский

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В АФРИКЕ ПОСЛЕ 1945 года

В статье показано становление политики США в Африке, особое внимание уделено выявлению позиций американских президентов от Эйзенхауэра до Б. Обамы. Привлечен значительный круг источников и архивных материалов, выявлены особенности и мотивация принятия стратегических решений, включая миротворческие усилия США на африканском континенте.

Ключевые слова: Политика США в Африке, миротворчество, АФРИКОМ, национальные интересы, ответственность, разделение усилий, стратегия.

Превращение США в ведущее государство западного мира после завершения Второй мировой войны позволило американским администраторам реально ставить вопрос о преобладающем влиянии своей страны на планете, и в частности на африканском континенте. Однако вплоть до распада СССР и социалистического содружества этот план не мог реализоваться в полном объеме. Мешало также соперничество с ведущими державами Запада, бывшими колониальными метрополиями. Свою роль сыграло и национально-освободительное движение, превратившее африканские страны из объектов в субъектов мировой политики.

Вплоть до конца 1950-х гг., когда процесс завоевания независимости африканскими странами стал необратимым и бывшие колонизаторы начали терять свое преобладающее влияние на континенте, Африка считалась зоной ответственности союзников США по НАТО – Англии, Франции, Бельгии и Португалии. По данным помощника государственного секретаря США по африканским делам в администрации Буша-старшего Г. Коэна, во время второго срока пребывания у власти президента Д. Эйзенхауэра Совет национальной безопасности предложил «разделить усилия» в развиваю-

щемся мире: европейцы будут отвечать за Африку, а США займутся в первую очередь Латинской Америкой [8, 29 апреля 2003. Лист 3-АФ]. Американский политолог М. Клафф приводит высказывание 1953 г. по этому поводу высокопоставленного сотрудника государственного департамента США Г. Байроуда: «Давайте честно признаем нашу обязанность способствовать укреплению силы и стабильности некоторых европейских стран, которые влияют на положение в зависимых от них территориях. Мы не можем безосновательно игнорировать их точку зрения по колониальному вопросу без нанесения ущерба нашей собственной безопасности» [21, р. 5]. В докладе созданной по инициативе президента Д. Кеннеди в декабре 1961 г. рабочей группы по изучению политики США в Африке также отмечалась необходимость отказаться от прежней политики, в рамках которой Африка рассматривалась как «полуколония Европы» (по образному выражению посла США в Кении и Гвинее в начале 1960-х гг. У. Эттвуда) [15, с. 24].

В этот период американские глобальные доктрины «сдерживания» и «отбрасывания коммунизма» касались Африки опосредованно – через американских союзников по НАТО. С двумя странами Тропической Африки, которые сохранили независимость после колониального раздела континента в конце XIX в. (Либерией и Эфиопией), США поддерживали официальные отношения.

Тем не менее развернувшаяся в эти годы «холодная война» и идеологическая борьба с СССР оказала воздействие на политику администраций Трумэна и Эйзенхауэра в смысле стимулирования союзников по НАТО – колониальных хозяев Африки к новому осмыслению реальностей и к пересмотру устоявшихся подходов к проблемам континента. В частности, по инициативе США на Лондонской конференции министров иностранных дел в 1950 г. было согласовано Заявление правительств США, Англии и Франции, в котором содержалась программа из трех пунктов для Африки: «поли-

тическое развитие африканских народов», «быстрое улучшение экономических условий, «тесное сотрудничество между европейскими колониальными державами и США в достижении этих целей» [20, р. 250].

Более того, через месяц после окончания данной конференции Государственный департамент опубликовал официальное заявление «большой политической важности». В нем подтверждалась «традиционная приверженность Америки принципу самоопределения, но также подчеркивалось, что переход к самоопределению должен быть «регулируемым», чтобы стать успешным [20, р. 251]. А в 1953 г. было опубликовано новое заявление, в котором, в частности, говорилось: «Мы верим в неизбежность самоопределения для всех народов, и мы считаем, что без промедления должен начаться процесс эволюционного развития для достижения этой цели» [20, р. 251].

Однако, несмотря на настойчивые рекомендации из Вашингтона правительствам колониальных держав – союзницам США по НАТО, последние не предпринимали действенных мер по претворению их в жизнь. В частности, в 1956 г. Англия и Франция совместно с Израилем совершили нападение на Египет после того, как правительство Г. Насера приняло решение национализировать компанию Суэцкого канала.

Тогда администрация Д. Эйзенхауэра не поддержала эту акцию своих союзников. Вместе с тем в середине 1950-х гг. как результат нарастающих протестов в Африке по поводу колониализма продолжалось прогрессирующее ослабление позиций западных держав – колониальных метрополий. Для оценки создавшегося положения в 1957 г. в Африку был направлен вице-президент США Р. Никсон. В течение трех недель он посетил Марокко, Эфиопию, Судан, Ливию, Тунис, Либерию и Уганду, откуда вынес твердое впечатление о том, что Африка представляет собой «самый быстро меняющийся район современного мира», что может

оказаться «решающим фактором в конфликте между силами «свободы» и «международного коммунизма» [20, р. 252].

По результатам этой поездки официальный Вашингтон, как представляется, решил действовать самостоятельно, не оглядываясь на своих союзников в Европе. В 1958 г. по рекомендации Р. Никсона для координации политики в отношении стран Африки в Государственном департаменте создается Бюро по Африке во главе с помощником государственного секретаря США [18, р. 3]. По свидетельству упомянутого выше Г. Коэна, администрация Эйзенхауэра принимает решение открыть американское посольство в каждом независимом государстве Африки [8, 29 апреля 2003. Лист 3-АФ]. Ассигнования на экономическую помощь африканским странам возросли со 110 млн долл. в 1958 финансовом году до 519 млн. долл. в 1962 финансовом году [21, р. 7]. Одновременно началась разработка новой политики, которая впоследствии воплотилась в форме доктрины «новых рубежей» Д. Кеннеди. Ее первоначальные наброски появились еще в 1957 г. в форме так называемой «доктрины Эйзенхауэра». Она не только была разработана для определения отношений США со странами Ближнего Востока, но и касалась Африки, особенно тех стран, где компактно проживало мусульманское население [12, с. 265].

При этом кампания за поворот к «третьему миру» приняла внутривнутриполитический окрас. На выборах 1960 г. демократы во главе с Д. Кеннеди спекулировали на тезисе связей «традиций Джефферсона» с «революцией колониальных народов», заявляли о намерении отождествлять американскую политику с идеалами и задачами этой революции [32, р. 81–82]. Выступая на одном из предвыборных собраний в 1960 г., Д. Кеннеди говорил: «Мы потеряли почву в Африке, потому что игнорировали нужды и чаяния африканцев» [21, р. 7].

Поднимающаяся Африка очень часто упоминалась в этой предвыборной кампании. Призыв к разработке «новой,

смелой программы для Африки» был одним из важных внешнеполитических лозунгов предвыборной кампании Кеннеди. Как говорил в этой связи известный американский африканист У. Эттвуд, «старый колониальный порядок, а с ним и господство белого христианского меньшинства населения земного шара сходит со сцены. Образовавшийся вакуум стремительно заполняют новые нации и новый империализм. Это – политическая революция. Наша политика может помочь направить ход истории, но она не может изменить или задержать его» [15, с. 179–180].

Общим итогом «мучительных переоценок» прежнего политического курса были разработка и внедрение во внешнеполитическую практику администрации Кеннеди нового курса, называвшегося то «политикой новых рубежей», то «поддержкой революции поднимающихся надежд». Его суть заключалась в попытке выйти за рамки «холодной войны» в отношениях со странами Африки, за рамки негибкого курса Д. Ачесона и Д.Ф. Даллеса. В Вашингтоне была намечена новая линия на регулируемую Западом капиталистическую эволюцию в экономически слаборазвитых странах ради предотвращения в них народно-демократических революций.

Стратегия Кеннеди в особенности требовала, чтобы действия США в развивающихся странах создавали условия и предпосылки для консолидации капитализма на рельсах глобальной интеграции (или глобализации, выражаясь современным языком) под американским руководством. В такого рода реорганизации капиталистического мира администрация Кеннеди видела залог упрочения «мирового лидерства» США. В этом контексте популярный в начале 60-х гг. в США лозунг «Африка для африканцев» означал, по нашему мнению, не столько стремление официального Вашингтона отойти от «евроцентристской» политики в Африке (по выражению американского политолога М. Клаффа [21, р. 9]), сколько намерение поддержать движение африканских народов к независимости при поддержке США. Известный аме-

риканский африканист Ч. Боулс отмечал в связи с этим, что хотя США и не могут контролировать Африку, разумная политика позволит им влиять на развитие событий таким образом, чтобы удовлетворялись чаяния африканцев и защищались интересы США и их союзников по НАТО [14, с. 57].

Вместе с тем концепция «новых рубежей» не оправдала ожиданий ее авторов и деформировалась под действием стремившихся к самостоятельности новых африканских лидеров типа президента Ганы – К. Нкрумы, Гвинеи – А. Секу Туре, Мали – М. Кейты и усиления соперничества с европейскими державами в Африке. При этом следует подчеркнуть, что по соображениям единства в борьбе с общим врагом Запада – СССР американские планы прикрывались риторикой о «дружественной», «посреднической» миссии Вашингтона в странах Африки, хотя уже с конца 1950-х гг. стали заметны процессы, которые привели позднее к соперничеству западных держав в ДРК (в те времена Конго со столицей Леопольдвилль) и других частях Африки [16; 40, 21 July 2002].

Стремясь придать большую респектабельность политике США в Африке, показать приверженность коалиционной стратегии, все внешнеполитические разработки в отношении Африки, начиная с «новых рубежей» Д. Кеннеди и вплоть до распада СССР, подавались Вашингтоном как общий вклад в единую стратегию Запада, хотя по своей сути и практическому звучанию отвечали исключительно интересам США.

Первая после «новых рубежей» политика «дифференцированного подхода» отражала попытку администрации Л. Джонсона приспособиться к стремлению африканских стран организовать независимое внешнеполитическое взаимодействие в рамках Движения неприсоединения и Организации африканского единства (ОАЕ), построить на новой основе отношения с бывшими метрополиями, к намерениям ряда африканских руководителей развивать связи с социалистическими странами.

Практически новый американский подход выразился в выделении группы стран, имевших для США ключевое значение во всех отношениях, и прежде всего с точки зрения демонстрации преимуществ западного пути развития при американском содействии. В своем обращении к ОАЕ по случаю третьей годовщины ее создания президент Л. Джонсон формально обнародовал новый курс США в Африке [20, р. 253].

Среди стран, которые в середине 60-х гг. прошлого века США стремились превратить, образно выражаясь, в «витрину капитализма» в Африке, оказались Нигерия, Либерия, Кения, Заир, Марокко и Тунис. В этой связи упомянутый ранее У. Этвуд писал: «Помощь США африканским странам весьма важна, если вообще рассчитывать, что мы будем оказывать конструктивное воздействие на политическое руководство стран континента, который еще долгое время будет переживать революционный процесс» [15, с. 65].

Пребывание у власти администрации Л. Джонсона ознаменовалось еще одним важным событием с точки зрения политики США в Африке: высокопоставленный американский представитель публично поставил вопрос о положении черного большинства в Южной Родезии (ныне Зимбабве), Юго-Западной Африке (ныне Намибия), в ЮАР и Португальской Африке. Выступая в январе 1967 г. на конференции Американского негритянского руководства по Африке, представитель США при ООН А. Голдберг в очень осторожной форме заявил о неприемлемости расовой сегрегации, царившей в те годы на этих территориях, но подчеркнул, что только «мирные политические решения» принесут успех, а не насилие и экстремизм [20, р. 253].

По разным причинам американские власти не достигли в полном объеме своих целей, хотя развитие по пути капитализма, прежде всего Кении, Марокко и Туниса, несомненно, продвинулось вперед. Наибольший урон американским планам был нанесен в Нигерии, где в 1967 г. одна из

провинций под названием Республика Биафра отделилась от федерации и начала войну за независимость с центральным правительством. Во главе сепаратистов стоял выходец из этноса ибо О. Оджукву. Вашингтон оказался причастным к нигерийским событиям конца 1960-х гг. в форме предоставления гуманитарной помощи повстанцам [13, с. 193]. И когда в начале 1970 г. они потерпели сокрушительное поражение от федеральных сил, а О. Оджукву бежал за границу, США оказались в весьма неловком положении. Закономерно наступил длительный период напряженности в нигерийско-американских отношениях, в отдельные годы она достигала значительной остроты, особенно когда у власти стояли военные руководители.

Следующая фаза в политике США в Африке наступила в начале 70-х гг. XX в. Потерпев поражение во Вьетнаме и испытывая значительные экономические трудности, которые не позволяли как прежде широким фронтом осуществлять задуманные программы помощи развивающимся странам, США стали акцентировать политическое сотрудничество со странами Африки. Выступая в Аддис-Абебе в 1971 г., тогдашний государственный секретарь У. Роджерс призвал положить конец «холодной войне» в Африке [8, 29 апреля 2003. Лист 3-АФ].

Администрация Ричарда Никсона предложила африканским государствам «партнерство» в плане политического решения спорных проблем, особенно на юге Африки. Никсон призвал африканских руководителей совместно строить политические мосты в Южную Африку, что прямо перекликалось с упомянутыми ранее идеями А. Голдберга [11, с. 9]. Эта политика была изложена в декабре 1969 г. в Меморандуме № 39 СНБ США. Выдержки из него были опубликованы в “*New York Times*” в апреле 1972 г. Президенту США Р. Никсону были предложены следующие варианты развития политики в отношении расистов в Претории: 1) относиться к ЮАР как к любой другой суверенной стране мира без учета

внутренней политики ее правительства (т.н. «вариант Дина Ачесона» – государственного секретаря США в администрации Л. Джонсона), 2) развивать политику связей и «выборочных контактов», исходя из идеи о том, что дружеское убеждение скорее, чем постоянное осуждение, заставит южноафриканское правительство изменить свою расовую политику (т.н. «вариант смоленного чучела» или “Tar Baby Option” по-английски), для этой цели открыть каналы для диалога между США и ЮАР, равно как поощрять контакты между независимой Африкой и этой республикой на юге континента, 3) активизировать нападки на систему апартеида, полностью запретить продажу оружия и ограничить до минимума официальные контакты, 4) продолжить политику администраций Кеннеди и Джонсона, которая предусматривала некоторые ограничения на контакты с расистскими режимами на юге Африки (так называемый «вариант еще больше того же самого») [34, 2 April 1972].

Учитывая важность ЮАР для внешней политики США как в целом, так и в отношении стран Южного полушария Земли, американский президент согласился развивать отношения с ЮАР на основе второго варианта действий. Это решение было зафиксировано в новом Меморандуме СНБ США в январе 1970 г., но его текст был сразу же засекречен по распоряжению Р. Никсона [34, 2 April 1972].

Вместе с тем в выступлениях помощника государственного секретаря США по африканским делам Д. Ньюсома в Чикаго (1970 г.) и в Атланте (1971 г.) содержались некоторые ссылки на принятые ранее решения касательно политики в отношении ЮАР. В частности, Д. Ньюсом говорил о том, что белые останутся у власти на юге Африки еще длительное время и нужно побуждать их стремиться к переменам, которые в их же собственных интересах – «экономический нажим мирового сообщества» и «демографическое давление на власти» делают неизбежными такие перемены [34, 2 April 1972].

Анализ выступлений высокопоставленных представителей американской администрации по проблемам отношений с южноафриканскими расистами в начале 1970-х гг. позволяет предположить, что дискуссия о том, следует или нет продолжать контакты с ними носила не просто академический характер, а отражала подспудные явления в американской глобальной стратегии. В этот период становилось все более очевидным, что США терпят поражение в Индокитае, хотя начиная агрессию во Вьетнаме в 1964 г. администрация Л. Джонсона, видимо, рассчитывала на то, что разгром народно-патриотических сил в этой «ключевой» для американской глобальной стратегии азиатской стране сделает США подлинно господствующей силой в этом регионе мира и будет способствовать изоляции КНР.

Тем самым будет сделан важный шаг к созданию «Мировой империи» США. Географическое положение ЮАР на стыке Атлантического и Индийского океанов, где у власти находилось прозападное, дружески настроенное к США правительство, предоставляло Вашингтону важные стратегические преимущества как с точки зрения обеспечения американских глобальных интересов, так и с позиции противодействия «коммунистическим силам» во главе с СССР.

Неслучайно именно в этот период союзник США по НАТО Великобритания поставила вопрос о создании Организации Южно-Атлантического договора (САТО) в составе Англии, Португалии, ЮАР, Бразилии и Аргентины. По мнению американского исследователя У. Помроя, создание такого альянса не могло произойти без одобрения и активного участия США – Америке было очень выгодно при помощи такого союза обеспечить в Южном полушарии свои интересы точно так же, как в Северном Вашингтон достигает аналогичного эффекта при содействии НАТО [25, р. 63].

Возможно, именно в этом контексте следует рассматривать высказывания президента США Р. Никсона на о. Гуам в 1969 г. Он сказал: «Смысл доктрины, которую я провозгла-

сил на Гуаме, так называемой “доктрины Никсона”, состоит в том, что Соединенные Штаты будут участвовать в обороне и развитии наших друзей и союзников. Но Америка не может и не будет разрабатывать все планы, все программы, осуществлять все решения и брать на себя во всем объеме защиту свободных стран мира. Мы будем оказывать эту помощь в тех случаях, когда она действительно эффективна и когда это будет отвечать нашим интересам» [29, р. 6].

В ходе годовых переговоров в штаб-квартире НАТО по поводу создания регионального морского союза (имелось в виду САТО), что означало бы расширение Североатлантического альянса на юг, не только расширился возможный круг его участников: к упомянутым выше странам добавились США и Новая Зеландия, но и была согласована стратегическая роль ЮАР в САТО – обеспечивать морскую блокаду ключевых портов на обоих побережьях юга Африканского материка [24, р. 33].

Однако этот проект так и не был реализован. Как представляется, основную роль в его срыве сыграло то обстоятельство, что развитие национально-освободительной борьбы на юге Африки создавало американской дипломатии все меньше возможностей для маневра – участие южноафриканских расистов в военном блоке могло существенно ослабить позиции США и Запада в целом на африканском континенте и поэтому политически становилось неприемлемым с точки зрения долгосрочных интересов США в третьем мире.

Наряду с проблемами взаимоотношений с расистскими режимами и африканскими освободительными движениями администрация Никсона внесла свой вклад в общую копилку политики США в Африке: в своем докладе главе администрации государственный секретарь У. Роджерс в 1970 г. впервые сформулировал принципы отношений со странами Африки по итогам своей мартовской поездки по странам континента. Их всего четыре. Первый принцип – «сотрудничество и равноправные отношения со всеми, кто

этого пожелает». Второй принцип – «готовность иметь отношения на основе взаимного уважения со всеми странами континента». Третий принцип – «мы не хотим никаких военных союзов, никаких сфер влияния, никакого соперничества великих держав в Африке». И наконец, четвертый – «политика США в Африке касается лишь стран африканского континента, а не отношений с неафриканскими странами» [11, с. 10].

Выдвижение указанных принципов на столь высоком уровне стало своеобразной сенсацией в американо-африканских отношениях, поскольку ни до, ни после в таком концентрированном виде не высказывалось стремление официального Вашингтона дистанцироваться от действий великих держав (в контексте высказываний У. Роджерса и других сотрудников Государственного департамента на эту тему можно предположить, что речь шла об СССР, Великобритании и Франции) в Африке. Можно также высказать мнение, что это было сделано потому, что в будущем соперничество с ними за минеральные ресурсы континента и за политическую поддержку американских действий на международной арене могло ограничить свободу действий американской дипломатии.

Риторика же в отношении отказа от соперничества с великими державами в Африке звучала крайне малоубедительно, поскольку противоречила реальному положению дел на континенте, где в последующие годы, особенно после мирового энергетического кризиса 1973 г., это соперничество развертывается в полную силу, что дало основание профессору Е.А. Тарабрину охарактеризовать его как «новую схватку за Африку» [13].

Принцип «сотрудничества и равноправных отношений со всеми, кто этого пожелает», можно было трактовать также и как сотрудничество со странами Африки, где у власти стоит черное большинство населения, и как сотрудничество с режимом белого меньшинства на юге Африки. В част-

ности, в 1972 г. Конгресс США разрешил ввозить произведенную в Южной Родезии (ныне Зимбабве) хромовую руду на территорию США несмотря на ограничения, наложенные ранее ООН [11, с. 10].

На практике идея «сотрудничества» с режимами белого меньшинства вылилась в поддержку развития отношений ЮАР с африканскими странами, с внешним миром и, наконец, с самими Соединенными Штатами.

Так, осенью 1970 г. президент Берега Слоновой Кости (ныне Кот-д'Ивуар) Ф. Уфуэ-Буаньи предложил начать «диалог» с южноафриканскими правителями. В связи с этим помощник государственного секретаря США по африканским делам Д. Ньюсом совершил ознакомительную поездку по югу Африки. В Претории он подчеркнул, что любое урегулирование раскола между ЮАР и Черной Африкой должно быть достигнуто самими африканскими странами. Его заместитель Б. Картер говорил по этому поводу: «Мы за диалог, ибо считаем, что Африка должна близко общаться со всеми слоями населения ЮАР» [11, с. 18].

В целом обращение Вашингтона к принципам разделения «ответственности» за Африку с другими «великими державами» и «партнерство» с молодыми государствами, особенно в том, что касалось отношений с режимами ЮАР и Родезии в начале 1970-х гг., по нашему мнению, было встречено в странах Африки с интересом и вместе с тем со значительной долей скептицизма, потому что их тогдашние расистские руководители демонстрировали полную неспособность проявить гибкость во внутренней политике.

Впоследствии на политику официального Вашингтона в этом вопросе большое влияние оказали события в Анголе 1975 г., когда после провозглашения независимости и прихода к власти правительства партии Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето, имевшей давние традиции дружественных отношений с СССР и другими социалистическими странами, поддержанный США и

другими государствами Союз за полное освобождение Анголы (УНИТА) во главе с Ж. Савимби (вместе с ним фактически выступали Фронт национального освобождения Анголы (ФНЛА) и Фронт освобождения анклава Кабинда (ФЛЕК) [31, р. 164] развязал в стране гражданскую войну, продолжавшуюся не один десяток лет.

Вмешательство США в события в Анголе приобрело затяжной характер. Государственный секретарь США в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда – Г. Киссинджер рассматривал ангольскую проблему исключительно с точки зрения геополитики и делал все от него зависящее, чтобы «противостоять» политике СССР в этом регионе [31, р. 43]. Он, в частности, говорил по этому поводу: «Наша неспособность противодействовать шагам Москвы на юге Африки может открыть дорогу советской экспансии повсюду и заставить наших союзников поставить под сомнение нашу способность защищать их. Если же за рубежом начнут ставить под сомнение американскую решимость к действию, мы рискуем столкнуться с фундаментальными изменениями во внешней политике многих стран, что приведет к возрастанию угрозы для безопасности США» (Цит. по: 21, р. 10). Профессор международных отношений в Университете Южной Каролины Джералд Бендер даже назвал Г. Киссинджера «истинным воином холодной войны в Африке» (41, 3 January 2007).

Африканский отдел ЦРУ разработал конкретный план действий в Анголе, в частности, он предусматривал прямые поставки американского оружия и военного снаряжения ФНЛА и УНИТА на сумму до 40 млн долл. [Подр. см.: 31, р. 54]. В середине июля 1975 г. президент Форд утвердил этот план [31, р. 55]. Однако американская поддержка не привела к торжеству указанных движений над МПЛА, которой помогали СССР и Куба. 11 ноября 1975 г. была провозглашена независимость Анголы и к власти пришло правительство во главе с А. Нето, лидером партии МПЛА.

Еще один союзник США в Анголе – правящий в ЮАР в середине 1970-х гг. режим не сумел одержать военную победу над силами ангольского правительства, которых поддерживали кубинские военнослужащие [31, р. 164–165]. По свидетельству бывшего сотрудника ЦРУ Д. Стокуэлла, «с точки зрения ЦРУ, использование южноафриканцев было идеальным решением для Центральной Анголы. Агентам ЦРУ, особенно на местах, нравились южноафриканцы, действовавшие особенно резко, агрессивно и без всяких хитростей». Д. Стокуэлл далее отмечает, что в ходе американо-южноафриканского вмешательства в Анголе представители ЦРУ и Бюро государственной безопасности ЮАР (БОСС) регулярно встречались в ДРК (в те времена Республика Заир), а «два раза директор БОСС ездил в Вашингтон, где имел тайные встречи с Д. Поттсом» (начальником африканского отдела ЦРУ) [31, р. 169, 187–188].

Как представляется, события в Анголе 1975–1976 гг. послужили отправной точкой для назревавшей смены приоритетов в подходе американской администрации к проблемам Юга Африки. Дело в том, что независимые Ангола и Мозамбик, где к власти пришли силы национального освобождения, создавали новую ситуацию во всем южноафриканском регионе. Началось разрушение всей схемы защиты стоявших в то время у власти в Родезии и ЮАР расистских режимов. Становилась неизбежной перспектива прихода к власти и в упомянутых странах африканских освободительных движений. В этих условиях официальный Вашингтон стремился найти точки соприкосновения с указанными силами.

Именно поэтому политика «партнерства» Р. Никсона к середине 1970-х гг. получила как бы второе дыхание. Преемник Никсона Дж. Форд и его государственный секретарь Г. Киссинджер пытались наладить отношения с будущими партнерами – африканскими освободительными силами на юге Африки, которые стремились расширить круг своих сто-

ронников на международной арене. Как отмечал в этой связи американский политолог М. Клафф, в последний год своего пребывания на посту государственного секретаря США Г. Киссинджер начал переговоры о ликвидации правления белого меньшинства в Родезии и ЮАР, о предоставлении независимости Намибии, чтобы минимизировать «успехи» СССР на юге Африки, стратегически важном для США регионе [21, p. 10]. Профессор по международным исследованиям в Университете Южной Каролины и одновременно историк деятельности администрации Форда на юге Африки Джеральд Бендер говорил в этой связи: «Президент Форд и его государственный секретарь рассматривали американское участие в разрешении вызывающих тревогу конфликтов в Африке как возможность сдержать советское и коммунистическое продвижение на этом континенте. В Анголе Киссинджер поддерживал ФНЛА и УНИТА, и я не думаю, что Форд знал детали этой политики. Тем не менее он ее поддерживал. Дело в том, что они (Дж. Форд и Г. Киссинджер. – *В.М.*) не считали южноафриканскую интервенцию в ангольские дела проблемой, поскольку они (южноафриканцы) были “африканцами” в отличие от “пришельцев” кубинцев. Проблема состояла в другом – международное сообщество считало, что кубинцы пришли в Анголу, чтобы остановить “агрессию белых расистов”, и именно это обстоятельство помогло Кубе “одержать победу”, несмотря на противодействие США и ЮАР» [41, January 3, 2007].

В частности, во время поездки по странам Африки в апреле-мае 1976 г. Г. Киссинджер заявлял о намерении Вашингтона наладить отношения с силами национального освобождения. Более того, выступая на массовых митингах в Лусаке и столицах других африканских стран в ходе своей поездки, государственный секретарь США заявлял, что Америка выступает за «передачу власти африканскому большинству в Родезии» и «мирное, ненасильственное решение проблемы апартеида в ЮАР» [4, с. 45].

Тогда многие внешнеполитические обозреватели восприняли высказывания Г. Киссинджера в ходе его поездки по странам Африки как прямое указание к действиям. Однако администрация Дж. Форда доживала последние дни и не успела реализовать свои планы. Кроме того, упомянутые идеи Г. Киссинджера, вначале вызвавшие заинтересованность в странах Юга Африки, в октябре 1976 г. на открывшейся в Женеве конференции по Родезии были отвергнуты Патриотическим фронтом Зимбабве как сводившие передачу власти черному большинству к формальности и сохранявшие господство белых [12, с. 322].

Придя к власти в начале 1977 г., администрация Джимми Картера придала этой политике более стройное звучание, стремясь распространить свою концепцию «прав человека» и на угнетённые народы с черным цветом кожи. Она стремилась отождествить американскую политику с африканским национализмом в расчете на его эволюцию в сторону «умеренности» [12, с. 322].

США и Великобритания оказали дипломатическое содействие переговорам африканских освободительных сил Родезии и представителей белого меньшинства, которые завершились конференцией в лондонском дворце Ланкастерхауз в 1979 г. Провозглашение независимости Зимбабве состоялось в апреле 1980 г. после всеобщих парламентских выборов. На них победила партия ЗАНУ-ПФ во главе с Р. Мугабе [6, с. 164–165].

В конце 1970-х гг. США оказались вовлеченными в целый ряд конфликтных ситуаций в Африке: в восстания в заирской провинции Шаба в 1977 и 1978 гг., направленные против проамериканского режима Мобуту; конфликт вокруг Западной Сахары, связанный с аннексионистскими претензиями Марокко [12, с. 322]; конфликт на Африканском Роге в 1977–1978 гг., где США поддерживали претензии Сомали к Эфиопии, которой помогал СССР [31, р. 250].

По данным упомянутого ранее Г. Коэна, в 1979 г. американские службы прослушивания якобы выявили существование советских планов возможного распространения операций за пределы Афганистана – на Иран и Кувейт. В результате дипломатия США попыталась получить и получила права на создание военных баз и объектов и транзитный провоз грузов от стран Восточной Африки, соседствующих с Персидским заливом, в том числе Сомали, Судана, Джибути и Кении [8, 29 апреля 2003. Лист 4-АФ]. Ассигнования на экономическую и техническую помощь Кении, Сомали и Судану возросли с 48 млн долл. в 1974 финансовом году до 587 млн долл. в 1986 финансовом году [21, р. 11].

Пребывание у власти администрации Джимми Картера ознаменовалось важным для политики США в Африке событием – первым официальным визитом президента США в независимую страну Тропической Африки. В апреле 1978 г. Джимми Картер совершил поездку в Нигерию и Гану. Во время визита в эти страны он сделал ряд основополагающих заявлений, позволявших понять намерения Вашингтона в отношении африканских государств.

В частности, выступая на многолюдном митинге в Лагосе (Нигерия) наряду с подтверждением уже упоминавшегося ранее политического курса его администрации в отношении режимов белого меньшинства в Южной Родезии и ЮАР, Джимми Картер впервые открыто высказался в пользу сотрудничества или партнерства с Нигерией – «великой и влиятельной нацией, региональным и международным лидером» [19].

Как представляется, это заявление президента США означало не только и не столько признание того факта, что Нигерия – самая населенная страна Африки, обладающая значительными минеральными ресурсами, сколько выражение намерения превратить ее в регионального партнера Америки. Провозглашённая еще во времена Л. Джонсона идея налаживания отношений с «ключевыми» африканскими

странами получила в ходе этого визита мощный импульс и сохраняет свою популярность и в начале XXI в. при администрации Д. Буша-младшего.

С приходом к власти в США неоконсервативных кругов во главе с Рональдом Рейганом, настроенных на «решительные шаги» во всех сферах, в том числе и во внешнеполитической, начался новый этап американо-африканских отношений.

Внешнеполитический курс администрации Рейгана был разработан группой его советников. Видную роль при этом играла профессор политических наук Джорджтаунского университета Д. Киркпатрик, ставшая впоследствии постоянным представителем США при ООН. В отечественной литературе этот курс получил название «неоглобализм» [12, с. 324]. В нем отводилась роль и странам Африки, которые рассматривались как плацдарм, поле конфронтации с социалистическими странами, а также с теми политическими силами в Африке, которые им симпатизировали. Еще будучи кандидатом на пост президента, Р. Рейган говорил: «Африканские проблемы – это нацеленное на нас русское оружие» [1, с. 581].

В результате такого курса США оказались фактически вовлеченными во все конфликты и значительные события в Африке, но с разными последствиями и интенсивностью. Наиболее ярким эпизодом в политике США в Африке в 1980-е гг. явилась конфронтация с Ливией. Ее кульминацией стала американская бомбардировка Триполи и других ливийских городов в 1986 г. При этом, с исторической точки зрения, представляет интерес тот факт, что бомбардировка ливийских городов явилась первым после Второй мировой войны случаем массированного применения военной авиации США в странах Африки [31, р. 582].

Введенное ООН по настоянию Вашингтона эмбарго на торгово-экономические отношения с Ливией в связи с «делом Локерби» (селение в Шотландии, над которым про-

изошла катастрофа самолета авиакомпании «Пан-Ам», в которой, как в США многие были уверены, оказавшись замешана эта африканская страна), было смягчено только в 1999 г.: санкции были приостановлены после согласия ливийских руководителей выдать предполагаемых исполнителей этой акции шотландскому суду [33, 29 May 2002].

Во время пребывания у власти администрации Рейгана США усилили свое вмешательство в ангольские дела. В частности, в 1987 г. Р. Рейган сумел убедить конгресс отменить ранее принятый запрет помогать боевикам УНИТА в Анголе (так называемая «поправка Кларка» была принята в 1976 г. [41, January 3, 2007]) и начал проводить скрытые акции по оказанию разнообразной помощи этому движению [8, 29 апреля 2003. Лист 4-АФ].

В 1980-е гг. администрация Рейгана распространила на африканские страны свою «Программу демократии и публичной дипломатии». В принципе она была ориентирована прежде всего на борьбу с социалистическими идеями в странах Африки под флагом защиты американских идеалов и ценностей. Но в известной мере она затрагивала и интересы западноевропейских соперников США, культивировавших теории, которые способствовали укреплению их влияния на континенте. Тогдашний государственный секретарь Д. Шульц призывал африканские страны усвоить мысль о том, что у них «общая судьба и общие ценности» с США [1, с. 595].

Политика США в Африке в 1980-е гг. отмечена еще одним крупным и в своем роде уникальным событием: в 1986 г. американский конгресс наложил на ЮАР ограниченные экономические санкции (имеется в виду Всеобъемлющий закон 1986 г. о борьбе с апартеидом – Comprehensive Anti-Apartheid Act of 1986 [18, p. 4]). Конечно, санкции и раньше применялись в отношении африканских стран по разным причинам, но впервые – в отношении такой крупной страны, как ЮАР, белые правители которой десятилетиями

были фактическими союзниками США в борьбе с африканскими освободительными движениями и с социалистическими странами.

Решение это принималось с большим трудом, поскольку президент Рейган наложил вето на утвержденный вариант законопроекта, который в расширительном смысле толковал содержание этих санкций, и потребовалось голосование конституционным большинством в обеих палатах Конгресса США, чтобы его преодолеть [3, с. 67].

Данное решение Конгресса США ознаменовало собой изменение в политике США в отношении конфликтной ситуации на юге Африки: администрации сначала Рейгана, а затем и Буша-старшего продолжили, казалось бы, забытую в начале 80-х гг. политику администраций Форда и Картера, направленную на поиск возможностей для налаживания отношений с африканскими освободительными движениями. Следствием этой линии явилась активизация международного сотрудничества в целях провозглашения независимости Намибии (1990 г.) и прекращения огня в Анголе (1991 г.). Соглашение по Намибии было заключено 22 декабря 1988 г. в Нью-Йорке между Анголой, Кубой и ЮАР. При этом США выступили в качестве посредника, а СССР – наблюдателя. Это соглашение состояло из двух частей: соглашения между Анголой и ЮАР о выводе южноафриканских войск из Намибии к ноябрю 1989 г. и соглашения между Анголой и Кубой о выводе кубинских военнослужащих из Анголы к июлю 1991 г. [22, р. 57].

В 1991 г. администрация Буша-старшего добилась свержения правительства М.Х. Мариамы в Эфиопии, которое длительное время поддерживал Советский Союз по Договору 1977 г. Непосредственное руководство этой акции осуществлял помощник государственного секретаря США по африканским делам Г. Коэн. Именно он поддерживал контакт с руководителями Народно-революционного демократического фронта Эфиопии (НРДФЭ), подразделения которого на-

ступали на Аддис-Абебу. Впоследствии он сумел убедить новых эфиопских руководителей «не препятствовать» проведению референдума о статусе эфиопской провинции Эритрея, которая по его результатам получила независимость [18, р. 5].

На волне эйфории от победы в войне с Ираком в 1991 г., поражения социалистических стран в «холодной войне» и последовавшего затем распада СССР возникла доктрина «нового мирового порядка», открыто утверждавшая «мир по-американски» для всех стран и народов [27; 26; 36].

Для государств Африки основные положения этого порядка были разработаны еще в 1986 г. в докладе «Комиссии по изучению стратегий развития для стран Африки». Ее работа проходила под патронажем Совета по международным отношениям в Вашингтоне. В докладе под названием «Предложения по африканскому развитию» отмечалось, что, «будучи политически, экономически и технологически мировой сверхдержавой, США располагают уникальными возможностями для сотрудничества с народами и правительствами африканских стран», которые должны быть интегрированы в создаваемую систему «нового мирового порядка» [21, р. 60].

Вместе с тем нельзя не признать, что эта доктрина была трудно реализуемой. Ликвидация основного противника в виде социалистических стран не избавляла США от соперничества с ЕС и Японией, а также с КНР, которые, несомненно, намеревались более целеустремленно, чем прежде, отстаивать свои интересы и создавать новое мировое равновесие сил.

Ослабленная Россия не могла, как во времена СССР, на равных противостоять США, в том числе в африканских странах. Тем не менее она располагала накопленным во времена Советского Союза потенциалом сотрудничества со странами Африки, что не могло не сказаться на общей кар-

тине взаимоотношений великих держав в Африке в последующий период.

И в самой Африке американскую доктрину восприняли весьма неоднозначно, особенно после провала «миротворческой миссии» США в Сомали. В этой стране началась партизанская война против американских «миротворцев».

Таким образом, планы президента Буша-старшего установить «новый мировой порядок» натолкнулись на сопротивление. Неудача их реализации была обусловлена не только поражением Д. Буша на президентских выборах 1992 г., но и тем обстоятельством, что, как представляется, у США попросту не хватило внутренних ресурсов для их воплощения в жизнь. Не случаен в этой связи тот факт, что администрация Буша-старшего предпочитала действовать коалиционно, используя ООН (война с Ираком в 1990–1991 гг., операция в Сомали в 1992 г.) при проведении в жизнь своих внешнеполитических идей, отстаивая американские интересы в мире.

С новыми реалиями Билл Клинтон столкнулся практически сразу же, как стал президентом США в январе 1993 г. и формулировал свою политику и подходы к мировым делам, в том числе африканским, в духе доктрины «американского мирового лидерства». Унаследовав от Буша-старшего концепцию «нового мирового порядка» и в принципе не отказываясь от самой этой идеи, он должен был адаптировать ее к взглядам и идеалам победившей на выборах Демократической партии, сильной своими традициями «борьбы за права человека». Становилось очевидным, что администрация Клинтона стремилась к «новому партнерству» со странами Африки по сравнению с тем, что предлагалось при администрации Буша-старшего [18, р. 5].

Миротворчество и было тем идеальным выходом, который позволял совместить эти идеалы с активной внешней политикой, сгладить нарождавшиеся противоречия с бывшими союзниками по антисоветской коалиции, которые бы-

ли недовольны явным стремлением США к мировой гегемонии. По нашему мнению, именно миротворчество позволяло ослабить негативную реакцию в развивающихся странах на слишком открытые проявления американского курса на навязывание другим своего мировоззрения.

Сама по себе концепция «миротворчества» возникла во внешней политике США практически сразу же после победы американской революции в конце XVIII в. Это произошло не потому, что администрации молодых США испытывали какие-то особые миролюбивые чувства к остальным народам мира. «Умиротворение» других было в интересах сохранения, укрепления и развития страны, «избранной самим Провидением» для грядущего руководства другими народами в борьбе за идеалы демократии, провозглашенные в годы борьбы с британской короной.

С течением времени и особенно после того, как США вошли в число победителей во Второй мировой войне, идея миротворчества в руках творцов их внешней политики становится важным инструментом воздействия. Ей придается концептуальная форма, которая, в свою очередь, наполняется практическим содержанием.

В годы «холодной войны» сопротивление отдельных стран и народов американской политике «экспорта демократии» подавалось внутреннему и международному общественному мнению как выступление тоталитарных, диктаторских режимов против свобод и идеалов, провозглашенных и поддерживаемых США. Своеобразной кульминацией и высшим проявлением этой политики накануне прихода к власти администрации Клинтона была война в Персидском заливе против Ирака после захвата им в 1990 г. Кувейта, что угрожало американским нефтяным интересам: США сумели тогда объединить под своим руководством многие страны мира для реализации американской стратегии, поданной как всеобщее благо.

После распада СССР в американской администрации происходит переоценка характера миротворчества. Речь шла о поиске региональных и «внутренних» союзников в других странах, которые способны помочь «победе демократических ценностей», как констатировал помощник президента Клинтона по вопросам национальной безопасности А. Лейк [23, р. 143].

Само содержание миротворчества также существенно трансформировалось со времен американской революции – от обеспечения мирных условий для внешнеполитического развития США до реализации политики умиротворения во время этнических и гражданских беспорядков, при ликвидации последствий стихийных и экономических катастроф. Сюда же некоторые исследователи (например, Герберт Диттген из Геттингбергского университета) относят и борьбу с торговлей наркотиками, когда миротворческая операция может способствовать устранению «кокаиновых баронов» из государственного аппарата. Пример – Колумбия, где американские части специального назначения добиваются «впечатляющих» результатов [23, р. 143].

Таким образом, миротворчество, несомненно, выступало одним из важных и эффективных инструментов американской внешней политики. Однако в Вашингтоне имеются высокопоставленные политики, которые сомневаются в возможностях США единолично вести борьбу и стараются, как во времена Билла Клинтона, так и в наши дни, реализовать американские миротворческие операции через ООН, а также с помощью местных друзей и региональных союзников. Так, комментируя выступление У. Кристофера, государственного секретаря США в администрации Клинтона, в Колумбийском университете, где он уделит большое внимание проблеме миротворчества во внешней политике США, газета «Вашингтон пост» писала, что Америка будет поддерживать миротворческие операции ООН в тех случаях, когда речь идет о международной агрессии, гуманитарной катастрофе

или внезапной угрозе демократии. Но США хотят, чтобы участие в этих операциях было обусловлено американскими национальными интересами и имело политическую поддержку в стране, где проводится операция [40, 22 September 1993].

У. Кристофер также говорил и о том, что симпатии американцев к такого рода политике отнюдь не гарантированы автоматически. Как свидетельствовала одна из публикаций в газете «Лос-Анжелес таймс», «во время войны в Корее американцы отправились на край света, чтобы помогать. Во время вьетнамской войны они снова пришли на помощь. Сейчас они оказались в Сомали – и снова для оказания помощи. А на протяжении всего этого периода сотни тысяч американских детей остались без отцов, без всякой семейной поддержки и помощи из-за этого. Когда же наконец американцы осознают необходимость оказания помощи собственным детям и им самим» [9, 1993, № 18].

Эти слова отражали настроения многих американцев, что было замечено в Конгрессе США и послужило толчком к серьезному рассмотрению проблемы участия США в миротворческих операциях ООН в Сомали, начавшихся в декабре 1992 г. В ноябре 1993 г. палата представителей приняла специальную резолюцию с рекомендациями президенту Клинтону вывести американские части из состава сил ООН в Сомали [40, 6 October 1993].

События в этой стране, действительно, развивались по неблагоприятному для США сценарию. Парадного марша миротворцев по Сомали не получилось. Попытка использовать местных коллаборационистов в борьбе с сомалийскими ополченцами также не увенчалась успехом. Аргументируя свое нежелание сотрудничать с ООН и США, один из бывших бойцов подразделений Мохаммеда Айдида (сомалийский полевой командир, который возглавил сопротивление подразделениям армии США) Н.А. Осман говорил: «Я не хо-

чу больше воевать, потому что я не хочу убивать своих братьев» [40, 6 October 1993].

В разгар событий в Сомали в 1992–1993 гг. в этой стране действовали более 10 тысяч американских военнослужащих, оснащенных самым современным оружием и боевой техникой. Однако это не помогло США одержать победу, и уже в начале октября 1993 г. (сразу после почти полного истребления в ночь с 3 на 4 октября элитного подразделения американского спецназа, атаковавшего штаб-квартиру М. Айдиды в Могадишо с целью ее захвата) президент Клинтон направил в Аддис-Абебу (Эфиопия) своего специального представителя Р. Оукли с заданием через посредников начать переговоры с М. Айдидом о прекращении военных действий [40, 9 October 1993].

Такие переговоры состоялись, и по распоряжению Билла Клинтона начался отвод американских подразделений из Сомали, который был завершен к концу марта 1994 г. [40, 24 March 1994]

Так бесславно закончилась сомалийская «эпопея» – самое большое развертывание американских вооруженных сил в Африке со времен Второй мировой войны и самая постыдная их неудача в развивающейся стране после фиаско во Вьетнаме [40, 24 March 1994].

С политической точки зрения, неудача в Сомали вызвала рост мусульманского фундаментализма в целом ряде стран, в том числе в Египте и Судане [40, 24 March 1994].

Урок Сомали наглядно продемонстрировал президенту Клинтону (как и до него президентам Джонсону и Никсону, если говорить о войне во Вьетнаме) всю ограниченность претензий на мировое лидерство, основанное исключительно на силе. Колоссальная военная машина США под флагом ООН не смогла справиться с иррегулярными повстанческими отрядами, ведущими партизанскую войну.

На новом этапе миротворчеству был придан характер открытой борьбы за демократические ценности, как это ре-

комендовал помощник президента США по вопросам национальной безопасности А. Лейк [23, р. 143]. На практике новые веяния вылились в участие администрации Клинтона в международных усилиях по урегулированию напряжённой ситуации в Руанде, а затем во время конфликта в районе Великих озер.

Обе конфликтные ситуации выросли из межэтнических столкновений, которые не были вовремя остановлены международным сообществом. По данным газеты «Нью-Йорк таймс», во время событий в Руанде число погибших составило 1/7 часть всего населения страны [10, с. 58].

Вместе с тем, как отмечал в своей работе член-корреспондент РАН А.М. Васильев, Совет Безопасности ООН, правительства США, Франции, Бельгии в 1994 г. могли предотвратить геноцид в Руанде, но не сделали этого и должны нести ответственность за свое бездействие. Таков основной вывод, содержащийся в представленном в ООН в июле 2002 г. докладе независимой международной комиссии, которая под эгидой ОАЕ провела расследование массовых убийств в этой стране [2, с. 94].

Располагая подробной информацией о расправе над невинными людьми, Совет Безопасности ООН фактически бросил жителей Руанды на произвол судьбы. СБ мог бы своевременно укрепить миротворческий контингент в Руанде, наделить его полномочиями применять силу и обеспечить надлежащим вооружением. Столь необходимое решение было тогда заблокировано делегацией США [2, с. 94].

События в Руанде вызвали аналогичные столкновения в Бурунди, которые в свою очередь спровоцировали государственный переворот в этой стране [10, с. 58].

Конфликт в ДРК, вызванный внутренними причинами, продолжается уже много лет. Эта страна стала жертвой собственного богатства (медь, кобальт, цинк, ванадий, уран, алмазы, золото, ценные породы древесины, слоновая кость), огромной территории, равной Западной Европе, разнообра-

зия этносов и племен в составе 45-миллионного населения, политических игр западных держав [2, с. 99].

Более 30 лет страной как захваченной, оккупированной территорией правил президент Мобуту Сесе Секо. За это время в богатейшей стране приходила в упадок экономика, умирали от голода люди, разрушалась инфраструктура, распадался государственный аппарат. Солдаты и полицейские, не получавшие жалования, грабили население. Восстания против его по сути дела диктаторских методов управления (в 1977–1978, 1989, 1992 гг.) были потоплены в крови [2, с. 99].

В годы «холодной войны» за спиной Мобуту стоял Вашингтон, а также американские союзники и клиенты в Европе, Африке и Азии. Мобутовский режим предоставил в распоряжение США не только национальные богатства, но и свою территорию, в частности базу Камина в Западном Конго, с которой шло снабжение антиправительственной группировки УНИТА, воевавшей против дружественного Советскому Союзу ангольского правительства. Международные корпорации вывозили из страны медь, редкие металлы, алмазы примерно на 1,5 млрд. долл. в год [2, с. 99].

Положение в этой стране значительно ухудшилось в 1994 г., после того как в восточные районы ДРК бежали от наступающей милиции (тутси) составленные из хуту регулярные части бывшей руандийской армии. Войска президента Заира Мобуту оказались неспособными оказать сопротивление военным из соседней Руанды и местным повстанцам, под натиском которых в 1995–1996 гг. постепенно отходили к столице – Киншасе [10, с. 135–136].

Такой вкратце была канва событий, к разрешению которой подключилась администрация Клинтона. В ДРК администрация Клинтона оказала политическую поддержку местным повстанцам во главе с Лораном Кабилой. Представитель Государственного департамента Н. Бёрнс в этой связи отмечал, что «США знают лидера повстанцев более 10 лет, а чле-

ны американского посольства в Руанде встречались с ним за последние два года очень часто, тридцать или сорок раз». Бюро по Африке Государственного департамента США поддерживало регулярную связь с Л. Кабиллой по спутниковому телефону [10, с. 137].

Смена режима Мобуту должна была произойти в процессе общей демократизации ДРК, и именно на это наделись в Вашингтоне. Администрация Клинтона предложила Мобуту уйти в отставку или уехать из страны [10, с. 138]. 17 апреля 1997 г. комитет по международным делам палаты представителей Конгресса США единогласно принял резолюцию с требованием к президенту Мобуту оставить свой пост, покинуть страну и в дальнейшем не участвовать в политической жизни ДРК. Мобуту обвинялся в нарушении прав человека и превращении потенциально способного к процветанию Заира в одну из самых бедных стран мира [10, с. 138].

Внешнее и внутреннее давление (при этом основную роль играли повстанческие отряды во главе с Л. Кабиллой) на президента Мобуту увенчалось успехом: в декабре 1997 г. он действительно уехал во Францию «на лечение», а через полгода к власти пришёл Л. Кабила, лидер повстанцев. Однако внутривосточной стабилизации так и не наступило.

Описанный образ действий американской администрации в сфере миротворчества опирался на теоретические разработки видных политологов, в частности, на доклад Р. Такера, профессора международных отношений в Университете Джона Гопкинса, под названием «Имперское искушение: новый мировой порядок и цели Америки». По мнению Такера, миротворческие операции не должны выглядеть как вмешательство во внутренние дела других стран, а, скорее, как реакция США на просьбу ООН или ведущих членов мирового сообщества [8, 25 апреля 1992. Лист 6-АМ].

Миротворческие усилия в африканской политике США при администрации Клинтона сочетались с другими

мерами, призванными укрепить американские позиции в этом районе мира. Они прошли апробацию на проведенной в июне 1994 г. под эгидой Белого дома в Вашингтоне конференции по проблемам африканского континента и политики там США. Само по себе это мероприятие было уникальным, не имевшим аналогов. В нем приняли участие более 200 представителей правительственных, деловых и академических групп, религиозных деятелей, специалистов и т.д.

К участникам форума обратился с посланием президент Клинтон. Смысл его выступления можно свести к одной фразе: «Африка имеет значение для США» [18, р. 6]. Вице-президент А. Гор поочередно побывал во всех секциях, участвовал в подготовке итогового документа [34, 27 June 1994; 7, с. 143].

Анализ этого документа позволяет высказать следующие соображения:

1. События в Африке затрагивают национальные интересы США; главное при этом – предотвратить распад ключевых африканских стран, поскольку возникнут проблемы с распространением наркотиков, снизятся возможности для охраны окружающей среды, возникнут трудности с гуманитарной помощью.

2. В интересах США вовлечь Африку в орбиту мировой экономики.

3. Американские позиции в ООН только окрепнут, если США будут поддерживать более прочные связи с африканскими государствами.

4. Администрации США следует оказать помощь африкано-американцам в их попытках активизировать свои связи со странами Африки.

Генеральный вывод этого документа для американской внешней политики – Африка слишком важна, чтобы ее игнорировать, слишком богата, чтобы служить лишь предметом для выражения жалости. Африка необходима Соединенным Штатам [7, с. 143].

Именно эта идея была заложена в раздел об Африке программного внешнеполитического документа первой администрации Клинтона, принятого в 1994 г. – «Стратегия вовлеченности в международные дела и распространение демократии в мире»: «Африка представляет собой один из самых серьезных вызовов политике США. На этом континенте мы стремимся оказывать помощь в поддержке демократии, последовательном экономическом развитии и разрешении конфликтов путем переговоров, дипломатии и миротворчества. Мы будем концентрировать свои усилия на укреплении здесь гражданских обществ и механизмов урегулирования конфликтов, особенно в тех странах, где имеются острые этнические, религиозные и политические противоречия. Мы намерены делать особый упор на выявлении глубинных причин возникновения конфликтов и других бедствий и заблаговременном принятии превентивных мер» [5, с. 52].

Приведенная цитата показывает, что весь пафос этого документа состоял в пропаганде идеи американского руководства в решении наиболее актуальных африканских проблем, в том числе в форме установления демократии при содействии США.

Таким образом, миротворчество США в Африке в последний период пребывания у власти администрации Клинтона представлялось скорее как «принуждение к миру» (имеется в виду система политических, экономических и военных мероприятий, которые проводятся государством в целях навязывания другому субъекту международного права своего видения умиротворения) с последующим проведением демократических реформ. Новое толкование этой политики появилось вскоре после официального визита государственного секретаря США У. Кристофера по странам Тропической Африки осенью 1996 г. Среди прочих проблем с африканскими лидерами обсуждался вопрос о создании «Африканских сил кризисного реагирования» численностью до 10 тыс. человек. По замыслу Вашингтонских политиков, эти силы не должны

сами участвовать в военных действиях, но призваны обеспечивать безопасность гуманитарных миссий помощи беженцам из «горячих точек». США намеревались взять на себя часть финансирования этого плана, а также его транспортное обслуживание [5, с. 53].

В следующем году началось претворение этой идеи в жизнь в виде директивы Пентагона под названием «Инициатива по урегулированию кризисов в Африке» [9, 2001, № 7, с. 39]. Директива Пентагона предполагала осуществлять подготовку и обучение воинских контингентов из африканских стран. К 2001 г. затраты на реализацию этой программы (с 1997 г.) достигли 77 млн долл., а в 2001 финансовом году – ещё 20 млн. долл. Из них почти четвертую часть получила Кения [9, 2001, № 7, с. 39].

Своеобразным апофеозом политики миротворчества и завещанием уходящего президента новому относительно политики в Африке явилось выступление Билла Клинтона 17 февраля 2000 г. на Национальном форуме, посвящённом американско-африканским отношениям и проходившем в рамках месячника африкано-американской культуры [30]. Обрисовав современное состояние этих отношений и заявив, что «Африка имеет значение для США», американский президент поставил пять задач, которые следует решить в предстоящие годы в плане укрепления влияния Америки в этом регионе мира. Среди этих задач – продолжение действий, направленных:

- на открытие континентальных рынков для американских товаров согласно Закону 2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки;
- списание долгов африканских стран США;
- развитие системы образования на континенте;
- борьбу с распространением СПИДа и других тяжёлых инфекционных заболеваний;
- политическое решение африканских конфликтных ситуаций.

Слова президента о том, что «США останутся другом африканцев на всю жизнь» (“the United States will be a friend for life”), были встречены долгими аплодисментами аудитории, в составе которой были многие видные представители африкано-американской общины США, деятели американской администрации, политики, ученые, аккредитованные в Вашингтоне африканские дипломаты.

В целях развития отношений США со странами Африки южнее Сахары президент Билл Клинтон совершил туда две поездки: в 1998 г. и в 2000 г. Последний раз до него из президентов США там побывал Джимми Картер в 1978 г. Основная цель этих визитов – добиваться открытия африканских рынков для американских товаров. В принципе это не новая тактика, она характерна для внешней политики США на протяжении длительного времени. И это вполне закономерно. Именно в США находятся штаб-квартиры большинства наиболее мощных корпораций, в том числе транснациональных, а также самый крупный рынок капиталов. Именно США наиболее продвинулись в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), информатики, компьютеризации. Страна как бы глобализировалась и либерализировалась изнутри. Можно сколько угодно говорить о падении роли государства, но на деле одно лишь решение американской администрации об изменении в ту или иную сторону ставки учетного процента или выделении/невыведении кредита той или иной стране мгновенно меняет направление мировых финансовых потоков и воздействует на судьбы стран, даже очень крупных.

Опираясь на свою мощь, уже с начала XX в. администрация США и американские корпорации выступают за политику «открытых дверей» (иногда при поддержке линкоров и военных десантов), а сегодня американские предприниматели, финансисты, политики, ученые – самые яростные сторонники неолиберализма.

Неолиберальные идеологи, представляющие МВФ и Всемирный банк, сконструировали в своих головах идеальную страну, где государство минимально вмешивается в хозяйственную и социальную жизнь, предоставляя лишь самые необходимые услуги частному сектору и защищая слабейших членов общества.

В Африке международные организации получили невиданную ранее возможность формировать как макроэкономическую, так и социальную политику. Они стали навязывать свои рекомендации государствам, которые, по своему недомыслию и недоразвитости, не могли понять собственной выгоды и оказали сопротивление требованиям отказаться от защиты национальных интересов или традиций.

В данной работе только отметим, что формирование экономической и социальной стратегии африканских стран шло и идет под воздействием или при прямом участии США, которые, по сути, контролируют Международный валютный фонд и Всемирный банк. Именно там разрабатывались программы реформ, в идеале нацеленные на преодоление отсталости континента. В частности, в 80–90-х гг. XX в. понятия «структурная перестройка» и «программы структурной перестройки» в различных словосочетаниях стали частью языка международных экспертов, дающих советы африканцам [2, с. 52].

Результаты упомянутых выше поездок президента США Билла Клинтона по странам Африки нельзя определить однозначно: как хорошие или плохие. По нашему мнению, хорошие превалировали над плохими, поскольку, как представляется, американский президент получил согласие целого ряда руководителей стран Африки способствовать продвижению товаров из США на африканские рынки. Именно в это время зародилась идея создать специальное законодательство для регулирования американо-африканской торговли, которое впоследствии было оформлено в виде Закона

2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки [18, р. 6].

Закон 2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (Закон АГОА или African Growth and Opportunity Act of 2000) был принят Конгрессом США и подписан президентом Клинтоном в мае месяце. Фактически этот закон представляет собой законодательное оформление претензий США на исключительное положение в Африке, мощный экономический рычаг, позволяющий США обойти многие преграды, поставленные Европейским союзом на путях к рынкам этого континента.

В самом деле, данный акт впервые в истории американо-африканских отношений подвел юридическую основу под экономические и политические интересы США в Африке. Конгресс констатировал:

- 1) страны Африки южнее Сахары представляют собой богатый людскими и природными ресурсами регион;
- 2) Африка южнее Сахары обладает колоссальным экономическим потенциалом и представляет поэтому долгосрочное политическое значение для США;
- 3) расширяющаяся торговля и приток капиталов создают благоприятный деловой климат, позволяющий устранить любые барьеры на пути торгово-экономического обмена между США и африканскими странами [17].

Конгресс поддержал намерение администрации увеличить объем торговли и частных инвестиций США в странах Африки южнее Сахары, добиваться устранения тарифных барьеров, создавать «зоны свободной торговли» американскими товарами в этих странах.

Кроме того, Закон АГОА предоставлял странам Африки «режим наибольшего благоприятствования» при экспорте целого ряда изделий в США [17].

Для координации торговой политики в отношении африканских стран Конгресс США образовал Форум по торговому и экономическому сотрудничеству между США и

странами Африки южнее Сахары и обязал главу администрации ежегодно проводить его заседания на министерском уровне, а также периодически встречаться с главами африканских государств для обсуждения конкретных вопросов сотрудничества [17].

Практическое применение этого закона оказалось настолько важным для укрепления и развития американских позиций в Африке, что впоследствии Конгресс США неоднократно возвращался к этому вопросу, каждый раз развивая его отдельные положения с точки зрения торгово-экономических интересов. Так, например, Закон 2002 г. о торговле (т.н. АГОА-II) предусматривал удвоение квоты ежегодных поставок на американский рынок текстильных изделий из стран Африки, произведенных из местного сырья [28, р. 1]. В 2003 г. Конгресс принял Закон об американо-африканском партнерстве (т.н. АГОА-III), а в следующем году Закон 2004 г. о продлении действия АГОА (т.н. АГОА-IV). В США эти два закона фактически рассматриваются как единое целое; они предусматривали:

а) продление срока действия Закона 2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки по крайней мере до 2015 г.;

б) продление еще на четыре года после 2015 г. права наиболее отсталых в экономическом отношении африканских стран, присоединившихся к механизмам реализации Закона АГОА, беспошлинно ввозить на территорию США своих текстильных изделий, произведенных из привозного сырья;

в) предоставление африканским фермерам американской технической помощи в больших объемах для приведения их продукции в соответствие с требованиями законодательства США в области санитарного и фитосанитарного контроля;

г) устранение барьеров, с которыми сталкиваются африканские фермеры при экспорте своих товаров в США;

д) содействие частнопредпринимательским инициативам, направленным на развитие африканской инфраструктуры (транспорт, энергетика, телекоммуникации, водоснабжение), что должно способствовать увеличению торгового оборота между США и странами Африки – участницами механизмов реализации Закона АГОА [39, р. 2].

В апреле 2006 г. Конгресс США вновь вернулся к Закону АГОА и принял к нему поправки, которые были призваны существенно облегчить инвестирование американского частного капитала в странах Африки. Решение законодательного органа США под названием «Закон 2006 года о поощрении капиталовложений в странах Африки» (Africa Investment Incentive Act of 2006) предусматривает, что товары, произведенные на построенных на американские деньги предприятиях в странах Африки, будут пользоваться преференциями на внутренних рынках США до 2015 г. [38].

Активное претворение Закона АГОА в жизнь пришлось на годы пребывания у власти в США администрации Джорджа Буша-младшего, который прославился тем, что после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне развернул борьбу с международным терроризмом. В Африке эта борьба приобрела форму осуществления целого ряда военно-политических программ по линии Пентагона, которые в основном предусматривали обучение местных вооруженных формирований и взаимодействие с ними американских частей специального назначения.

Впоследствии военные планы официального Вашингтона в отношении Африки приобрели новый оттенок, когда в середине первого десятилетия XXI в. появилась перспектива нарастания соперничества с ведущими мировыми державами за африканские природные ресурсы. В начале 2007 г. в связи с нарастанием соперничества за эти ресурсы, особенно энергетические, администрация Буша приняла решение превратить африканский континент в один из стратегических районов развертывания американских вооруженных сил в случае

большой войны или крупного регионального конфликта и создало Объединенное боевое командование для Африки (Unified Combatant Command for Africa) или АФРИКОМ (Africa Command) [37].

В настоящее время АФРИКОМ взял под свое крыло все ранее разработанные и внедренные на практике программы Пентагона относительно военного сотрудничества со странами Африки, прежде всего в сфере подготовки Африканских сил по поддержанию мира. Так, к началу 2009 г. их численность достигла 100 тысяч человек. Центры по подготовке этих подразделений американскими инструкторами из АФРИКОМ расположены в Сенегале, Гане, ЮАР, Мали и Кении. Более того, при штаб-квартире ЭКОВАС во Фритауне (Сьерра-Леоне) работает военный советник из США, в задачу которого входит содействие тыловому обеспечению операций ЭКОВАС в области обеспечения мира и безопасности [35, р. 2].

Вместе с тем существуют определенные сомнения в эффективности АФРИКОМа, которые особенно проявились в годы пребывания в Белом доме президента Барака Обамы.

Администрация Буша, создав такую структуру, как Африканское командование (АФРИКОМ), явно не рассчитывала на то, что она окажется бесполезной для ведения военных действий против противника, который использует асимметричные формы ведения боев как на суше (партизанские действия), так и на море (пиратство с использованием быстроходных катеров в Сомали).

В целом создание Африканского командования (АФРИКОМ) в 2007 г. явилось своеобразной военно-политической ловушкой для американской администрации, которая, с одной стороны, не может пойти на ввод в страны Африки регулярных подразделений США, опасаясь обвинений в проведении империалистической экспансии в этом богатом природными ресурсами регионе мира, что может поставить под угрозу отношения США с развивающимися

странами в целом, а с другой – явная неспособность подготовленных американскими инструкторами Африканских сил по поддержанию мира как самостоятельно, так и в рамках Африканского Союза добиться урегулирования в проблемных для США странах Африки на американских условиях ставит под сомнение саму идею обеспечения африканской безопасности под иностранным контролем.

Африканская безопасность должна быть заботой самих африканцев, а не присланных из-за океана советников и специалистов. Страна, которая неоднократно вмешивалась в прошлом во внутренние дела других государств и народов мира, по определению не может быть честным исполнителем воли африканских народов, которые искренне стремятся к обеспечению нормальной жизни на своем континенте в условиях полной свободы и безопасности. Об этом, в частности, говорил президент Эритреи Исаяс Афверки в своем интервью радиостанции «Голос Америки». По его мнению, попытка навязать сомалийскому народу неугодных ему руководителей, на чем настаивает администрация Обамы, вызывает постоянное обострение внутривнутриполитических проблем страны и провоцирует бесконечные конфликты, а также развитие пиратства, с чем власти не в состоянии справиться даже при поддержке Африканского Союза [42, May 22, 2009].

Таким образом, крупномасштабное применение вооруженных сил США на африканском континенте исключается по политическим мотивам. Именно поэтому администрация Обамы приняла решение о более широком, чем раньше, применении Сил специального назначения для проведения «Специальных операций» по всему миру, включая Африку. В частности, американский спецназ призван нанести удар по «базам Аль-Каиды» в Восточной Африке, прежде всего в Сомали [40, June 4, 2010]. В проведении такой политики в отношении этой африканской страны проявила заинтересованность Кения. Во время визита вице-президента США Джозефа Байдена в Найроби в июне 2010 г. кенийский пре-

зидент Мваи Кобаки заявил ему, что Сомали является «высшим приоритетом» как для США, так и для Кении, поскольку в этой стране вот уже 19 лет отсутствует эффективное центральное правительство, процветают пиратство и вооруженные столкновения кланов. На пресс-конференции в Найроби М. Кобаки заявил: «Мы уже обратились к правительству США с просьбой взять на себя инициативу и возглавить международные усилия по стабилизации Сомали». Особенно это касается противодействия сомалийской группировке «Аль-Шабаб», объявленной в 2008 г. «террористической организацией» Государственным департаментом США [40, June 8, 2010]. В ответ американский вице-президент заверил кенийское руководство в том, что США поддержат все его усилия по стабилизации обстановки в Восточной Африке, прежде всего в Сомали [40, June 8, 2010].

В целом, подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что администрации США так и не сумели перехватить «революцию поднимающихся надежд» (по выражению президента Джона Кеннеди [32, р. 81–82]) и добиться прогрессирующего развития Африки по американским рецептам. Как представляется, именно этим можно объяснить периодическое появление идеи о «реколонизации» континента. В частности, об этом говорил политолог кенийского происхождения Али Мазруи в 1990-х гг., а в настоящее время эту идею поддерживает профессор африканской политики Помонского колледжа (Клэрмон, Калифорния) Пьер Энгельберт. Единственная разница между ними состоит в том, что если первый ученый настаивал на немедленном возвращении бывших колониальных хозяев в Африку, то второй – на отзыве признания независимости тех стран Африки, которые отказываются применять американские каноны «плюралистической демократии». Такие страны, как Чад, НРК, ДРК, Сомали, Экваториальная Гвинея, Судан, должны быть исключены из ООН и других международных организаций [34, June 11, 2010].

Вредность и провокационность такого рода идей не подлежит сомнению. Их возможная реализация вызовет крупный международный конфликт, чреватый всеобщей войной.

Л и т е р а т у р а

- [1] Американский экспансионизм. Новейшее время. – М.: Наука, 1986.
- [2] *Васильев А.М.* Африка – падчерица глобализации. – М.: Восточная литература, 2003.
- [3] *Вишневский М.Л.* Африка: взгляд с Капитолийского холма. – М.: Наука, 1991.
- [4] *Вишневский М.Л.* США и национально-освободительное движение в Африке // США. Экономика, политика, идеология. – М., 1978. – № 8.
- [5] *Вишневский М.Л., Тарабрин Е.А.* Новый раунд африканской политики Вашингтона // США. Экономика, политика, идеология. – М., 1997. – № 3.
- [6] Внешняя политика стран Африки. – М.: Международные отношения, 1981.
- [7] Глобальные и стратегические исследования. – Вып. 1. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
- [8] ИТАР-ТАСС.
- [9] Компас ИТАР-ТАСС.
- [10] *Кукушкин П.В., Поликанов Д.В.* Кризис в районе Великих озер: Руанда, Бурунди, Заир. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
- [11] Политика империалистических держав в Африке на рубеже 70-х годов. – М.: Наука, 1973.
- [12] Современные Соединенные Штаты Америки: Энциклопедический справочник. – М.: Политиздат, 1988.
- [13] *Тарабрин Е.А.* Новая схватка за Африку. – М.: Наука, 1972.
- [14] Цит по: *Фетов В.* Долларом, мечом, дурманом: Африка и американский неоколониализм. – М.: ИМО, 1969.
- [15] *Этвуд У.* Красные и чёрные: личные впечатления / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968. – Вып. 1.

[16] В частности, в Конго (Леопольдвиль) это соперничество выразилось в стремлении отстранить от власти законно избранного премьер-министра страны Патриса Лумумбы, который симпатизировал Бельгии. Судя по рассекреченным в 2002 г. архивным материалам, США приняли непосредственное участие в этом деле. В августе 1960 г. ЦРУ начало осуществление проекта «Чародей». В его рамках были выделены средства для подкупа президента Конго Касавубу, начальника генерального штаба Мобуту, министра иностранных дел Бомбоко, главного финансового советника Нделе, президента сената Илео и руководителя профсоюзов Адулы. В соответствии с этим проектом, президент Касавубу снял Лумумбу с поста премьер-министра. Начальнику генерального штаба Мобуту были выплачены 250 тыс. долл. наличными для подготовки к бою частей национальной армии в случае сопротивления сторонников Лумумбы, а также группы, которая доставит бывшего премьера в провинцию Катанга, где, как известно, он был в январе 1961 г. убит боевиками, верными тогдашнему провинциальному руководителю Моизу Чомбе. Впоследствии администрация Кеннеди предприняла усилия, чтобы поставить под американский контроль развитие событий в этой африканской стране (40, 21 July 2002).

[17] African Growth and Opportunity Act, Public Law 106-2000. Congressional Publication Wash. 21 June 2001.

[18] Africa-US Relations. Strategic Encounters / Ed. by Donald Rothchild and Edmond J. Keller, Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2006.

[19] *Carter Jimmy*. US and Africa: Sharing a Common Future. Official Text. American Embassy. – Moscow, USSR, 3 April 1978.

[20] *Chester E.W.* Clash of Titans: Africa and U.S. Foreign Policy. – N.Y.: Orbis Books, 1974.

[21] *Clough M.* U.S. Policy Toward Africa and the End of the Cold War. – N.Y.: Council on Foreign Relations Press, 1992.

[22] Cooperation for Development: Africa, the Soviet Union and the United States.

[23] Internationale Politik und Gesellschaft. – 1994. – № 2.

[24] NATO's Fifteen Nations, Bruxelles, February-March 1971.

[25] *Pomroy W.J.* Apartheid Axis: the United States and South Africa. – N.Y.: International Publishers, 1971.

[26] President George Herbert Bush. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. 29 January 1991. URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/papersd/1990/90/00100.html>

[27] Подробно см.: President George Herbert Bush. Address Before the 45th Session of the United Nations General Assembly in New York. – N.Y. 1 October 1990. URL: <http://bushlibrary.tamu.edu/papersd/1990/90/00100.html>

[28] President George W. Bush. 2003 Comprehensive Report on U.S. Trade and Investment Policy Toward Sub-Saharan Africa and Implementation of the African Growth and Opportunity Act. The Third of Eight Annual Reports, May 2003, Wash.

[29] President Richard Nixon. The U.S. Foreign Policy for the 70's. A New Strategy for Peace. Message by the President of the United States, U.S. Government Printing Office, February 18, 1970, Wash.

[30] President William J. Clinton. Opening Remarks at the National Summit on Africa. Wash. Released by the White House Office of the Press Secretary. 17 February 2000.

[31] *Stockwell J.* In search of Enemies: A CIA Story. – L.: Deutsch, 1978.

[32] The Book of Great American Documents / Ed. by W. Wilson, jr. Brookville (MD): An American History Research Associates Publications, 1987.

[33] The Los Angeles Times.

[34] The New York Times.

[35] The U.S. Department of State. Phillip Carter, III. U.S. Policy in Africa in 21st Century, Wash., February 8, 2009.

[36] The U.S. Department of State. Secretary James Baker. Prepared Statement before the Senate Foreign Relations Committee. 1 February 1990 (Dispatch. – V. 1. – № 1. 3 September 1990).

[37] The U.S. Department of State. The White House Press Release, Wash. February 6, 2007.

[38] The U.S. House of Representatives. Africa Investment Incentive Act of 2006 (H.R.6111), Wash. 2006.

[39] The U.S. Senate Committee on Foreign Relations. AGOA III: the United States-Africa Partnership Act of 2003 and AGOA Extension Act of 2004 (AGOA-IV). Hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 108th Congress, 2d Session, March 25, 2004.

[40] The Washington Post.

[41] VOA News.

[42] www.allafrica.com

Л.В. Шкваря, В.И. Русакович

**РОССИЙСКО-ЛИВИЙСКОЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ [1]**

В статье рассматриваются предпосылки, исторический аспект и современное состояние российско-ливийского торгово-экономического сотрудничества. Анализируются динамика товарооборота и другие формы двустороннего сотрудничества России и Ливии за период с 1992 г. по настоящее время, основные направления развития инвестиционного и других направлений хозяйственного взаимодействия. Россия и Ливия стремятся активизировать развитие взаимных экономических связей. Для этого имеются определенные предпосылки. Рассматриваются также сохраняющиеся проблемы, тормозящие развитие двусторонних экономических связей и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: Россия и Ливия, российско-ливийские отношения, российско-ливийская торговля, экспорт России в Ливию, российско-ливийские проекты.

**Ливийский вектор
внешнеэкономической политики России**

Российско-ливийские торгово-экономические отношения – одно из важных направлений внешнеэкономической политики России в Африке, имеющее значимую для обеих стран историю развития. Дипотношения между нашими странами были установлены 4 сентября 1955 г. В 1956 г. были установлены российско-ливийские торговые отношения. Объем торгово-экономического сотрудничества с Ливией в 1970–1980-х гг. составлял около одного миллиарда долларов. В его рамках в Ливии были сооружены такие объекты, как Центр атомных исследований «Таджура», две ЛЭП (190 и 467 км), газопровод протяженностью 570 км. Пробурено

около 130 нефтяных эксплуатационных скважин, проведены почвенные, геоботанические и экологические исследования на площади 3,5 млн га, разработаны схемы развития газовой промышленности, электросетей высокого напряжения и машиностроения, подготовлено ТЭО для второй очереди металлургического комплекса в г. Мисурата (1,67 млн тонн в год с возможностью расширения до 5 млн тонн). В конце 1999 г. Ливия официально заявила о признании России. Это направление фактически было вновь открыто нашей страной на рубеже веков и значительно усилилось в 2000-е гг.

В апреле 2007 г. в Триполи прошло первое заседание Российско-Ливийского Делового Совета и бизнес-форум «экспортные возможности России». Российские предприниматели, как будет показано ниже, постепенно «открывают» для себя рынок Ливии. Страна богата людскими и природными ресурсами (прежде всего нефтью; Ливия – член ОПЕК), но нуждается в импорте продуктов питания, техники, технологий и пр.

В 2008 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин нанес визит в Ливию – впервые за всю историю двусторонних отношений, в ходе которого были подписаны важные межправительственные документы.

В то же время следует отметить недостаточное внимание к этому направлению со стороны исследователей в России, тогда как в СССР оно пользовалось заслуженным уважением. Изменение сложившегося положения представляется важным направлением развития теории и практики современных международных экономических отношений. Это связано с тем, что Российская Федерация в 2000-е гг. уделяла большое внимание «восточному направлению».

Российский внешнеэкономический и внешнеполитический курс в отношении арабского Магриба четко мотивирован. Он предопределен следующими факторами:

1) необходимостью развития хозяйственного взаимодействия, основы которого были заложены в регионе в со-

ветское время. Причем речь идет не только о производственной кооперации (СССР осуществлял серьезное строительство в странах, прежде всего в Ливии, содействовал развитию промышленности, в том числе – добывающей, содействовал совершенствованию инфраструктуры страны). Можно говорить также и о необходимости решения сохраняющихся финансовых вопросов, прежде всего задолженности перед Россией как правопреемницей СССР;

2) задачами поддержания общей безопасности региона, так как стратегическое присутствие России в странах Магриба и прежде всего Ливии как одной из крупнейших стран региона, могло бы обеспечить стабильность в этой сфере и на этой основе – его социально-экономическое развитие;

3) возможностью стимулирования технологического, технического и даже инновационного (в определенной степени) развития Ливии, так как благодаря сотрудничеству с Россией страна могла бы серьезно улучшить свое положение в этих сферах, что, безусловно, положительно сказалось бы на ее экономическом и социальном уровне. В настоящее время, однако, техническое сотрудничество с Ливией во многом ограничено военно-технической сферой, что не соответствует ни уровню возможностей, ни уровню потребностей двух стран. Хотелось бы отметить в этой связи, что одним из наиболее перспективных направлений взаимодействия можно рассматривать энергетическую сферу, в развитии которой обе страны заинтересованы в значительной степени в силу специфики их национальной экономики, а также налаживания сотрудничества в сфере транспорта и грузоперевозок;

4) более высокой степенью вероятности усиления интеграционных процессов в регионе, так как совершенствование структуры национальных хозяйств стран Магриба и, прежде всего Ливии, могло бы содействовать диверсификации торговых потоков между странами и укреплению хозяйственного взаимодействия в рамках Союза Арабского Магриба (САМ). В настоящее время интеграционные процессы

находятся в фазе рецессии, что не отвечает интересам этих государств, чьи торговые потоки в настоящее время в основном ориентированы на Западную Европу. Усиливая торгово-экономическое сотрудничество с Ливией, содействуя оживлению и усилению интеграционных процессов в блоке, Российская Федерация могла бы активизировать свое присутствие и на рынках других государств – участников САМ. Это в полной мере отвечало бы как экономическим, так и стратегическим интересам нашей страны.

Договорно-правовая база между Российской Федерацией и Ливией включает различные соглашения в экономической сфере.

Важным элементом механизма практического взаимодействия России и Ливии и реализации заключенных международных договоров выступает Российско-Ливийская межправительственная Комиссия по торговле и экономическому сотрудничеству и Межправительственная Российско-Ливийская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [2], призванные развивать приоритетные области сотрудничества, а также Российско-ливийский деловой совет. В рамках МПК обсуждается и происходит урегулирование важных двусторонних (торговые аспекты, производственно-инвестиционные проекты, новые формы экономического сотрудничества и т.д.) и международных вопросов (вступление России и Ливии (с 2004 г.) в ВТО, энергетическая безопасность, многосторонние экономические проекты и т.п.).

Следует отметить, что межстрановые отношения охватывают, как правило, государственный сектор и крупный бизнес. Деятельность малых и средних предприятий регулируется в РФ на региональном уровне, который можно назвать еще одним направлением двустороннего сотрудничества России и Ливии.

Объективная необходимость расширения и переосмысления взаимного сотрудничества тесно связана с проис-

ходившими в последнее десятилетие изменениями в России и в арабских странах. Эти изменения, в частности формирование основ рыночной экономики в России в 1990-х гг., открыли новые возможности для инвестиций и бизнеса и расширили перспективы взаимного российско-арабского сотрудничества.

Следует исходить также из того, что двусторонние торгово-экономические связи имеют значительный потенциал как в торговле, так и в инвестиционном, технико-инновационном, гуманитарном направлениях, которые охватывают, по нашему мнению, промышленность, строительство, энергетику, услуги, сельское хозяйство, транспорт, финансы и многие другие отрасли и российской, и ливийской экономики, а также социальную сферу двух стран.

Россия заинтересована в укреплении внешнеэкономических связей с Ливией в различных областях экономики, в первую очередь в нефтегазовой отрасли, энергетике, торговле, освоении космического пространства в мирных целях.

Российско-ливийская торговля и другие формы сотрудничества в сфере экономики

Российско-ливийская торговля стала постепенно развиваться (табл. 1). Как видно из анализа представленных данных, в 1990-е гг. объем взаимной торговли был незначителен, особенно в 1994–1998 гг. [3], что во многом объяснялось сохранением международных экономических санкций против Ливии.

Таблица 1
Российско-ливийская торговля в 2000–2008 гг. (млн долл.)

Показатель	1994	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Товарооборот	0,6	1,7	2,6	14,5	22,6	18,4	24,6	53,2	126,5	166,9	130,2	231,8	151,2
Экспорт	0,5	1,7	2,6	13,0	22,6	18,4	24,6	53,2	126,2	166,4	129,7	231,5	151,0
Импорт	0,1	–	–	1,5	–	–	0,01	0,005	0,3	–	0,5	0,3	0,2

Источник: Внешняя торговля Российской Федерации: Сборники Государственного таможенного комитета РФ за соответствующие годы.

Приостановка с 5 апреля 1999 г. действия международных санкций в отношении Ливии открыла благоприятные перспективы для их полной отмены и окончательной нормализации ситуации вокруг этой страны. Такой прорыв стал возможным благодаря настойчивым многосторонним усилиям, в том числе российской дипломатии. Он создает дополнительные предпосылки для возобновления широкомасштабного сотрудничества между нашими странами в различных областях.

С началом 2000-х гг. наблюдается существенный – за 10 лет в 10 раз – рост взаимного товарооборота, что можно рассматривать как безусловно положительную тенденцию. Мы уверены, что достигнутый результат – это показатель эффективной работы на ливийском направлении как частных компаний, так и государственных органов. Если учесть, что это в основном рост российского экспорта, то такое положение свидетельствует о том, что российские товары находят спрос в стране. Ливийский экспорт в Россию практически отсутствует.

Основными статьями российского экспорта в Ливию являются машины, оборудование, транспортные средства, топливо, спецтехника. Это традиционный экспорт в Ливию из нашей страны. Растущее значение в российском экспорте в Ливию приобретают зерновые. Следовательно, можно говорить о том, что структура российского экспорта в Ливию далека от традиционной сырьевой товарной номенклатуры, экспортируемой Россией в промышленно развитые страны Западной Европы и США. Следовательно, России важно наращивать свой экспорт в Ливию и другие страны региона. Это может способствовать, с одной стороны, решению народнохозяйственных задач стран-партнеров и, с другой стороны, повышению эффективности отечественной экономики.

Пока Россия не является значимым внешнеторговым партнером для Ливии, а Ливия – для России. Например, если в 2008 г. взаимный товарооборот составил 151 млн долл., то

внешнеторговый оборот Ливии в целом в 2008 г. составил 89,9 млрд долл. (экспорт – 69,3 млрд долл.). Соответственно, доля России составляла менее 1%, что нельзя признать адекватным российской экономике и экспортным возможностям страны. Доля Ливии в свою очередь также весьма незначительна, учитывая что весь внешний товарооборот России в 2008 г. составил 468,1 млрд долл.

Российско-ливийская взаимная торговля характеризуется резким дисбалансом, так как представлена почти исключительно российским экспортом. Номенклатура торговли на сегодняшний день невелика.

Во многом такое состояние предопределяется структурой внешней торговли Ливии. Основу экспорта страны составляет нефть, продукты нефтепереработки и нефтехимии. Основные статьи импорта – легковые машины, станки, нефтеоборудование, трубы, электрооборудование, пиломатериалы и другие стройматериалы, промышленные и продовольственные товары, различные готовые изделия, а также химические и сырьевые товары.

Национальные статистические данные по внешней торговле России и Ливии различаются, как по номенклатуре, так и по абсолютной величине. Это связано с тем, что, во-первых, Национальная организация по информации и документации Ливии (НОИД) в своих сведениях не учитывает экспорт российских товаров, поступающих на ливийский рынок через третьи страны. Во-вторых, часть товаров, отгруженная из России в конце года, проходит по статистике Государственного таможенного комитета России одним годом, а по статистике НОИД Ливии уже следующим. В результате, например, согласно ливийским данным, в 2003 г. товарооборот двух стран составил 112,7 млн долл., что более чем в 2 раза выше российских и говорит о значительности российского экспорта в Ливию через третьи страны.

Взаимные инвестиции также имеют ярко выраженную тенденцию к росту, особенно в рамках углубления и активизи-

зации на ливийском рынке деятельности крупных российских компаний, таких как Газпром [4], ЛУКОЙЛ, РУСАЛ, РЖД. В Ливии открыты представительства ЗАО «Монолит-спецстрой», ОАО «Татнефть» [5], ОАО «Татнефтегеофизика», ОАО «Лукойл Оверсиз Холдинг Лтд.», ОАО «ВО «Технопромэкспорт», ОАО «Татнефтегеофизика» (ТНГФ), ОАО «Стройтрансгаз» и др.

Российские крупные компании уже в 1990-е гг. стали делать более или менее успешные попытки выйти на ливийский рынок в условиях высокой конкуренции с ТНК западных стран. Это проникновение осуществлялось различными путями (табл. 2).

Деятельность российских компаний в Ливии может иметь для нее значительные положительные последствия с учетом необходимости в модернизации практически всей инфраструктуры и развития новых для этой страны отраслей промышленности.

В ходе визита в Ливию В.В. Путина в 2008 г. были подписаны контракты на строительство газопровода, проектирование и строительство атомной электростанции, сотрудничество в области гражданской авиации, ЛЭП, геологоразведочных работ на нефть и поставок Ливии нефтяного и энергооборудования, создание объектов в области нетрадиционных источников электроэнергии и других областей.

Важным направлением взаимного сотрудничества, помимо нефтегазового, является строительный сектор. В Ливии сейчас идет активное строительство гостиничных комплексов, больниц, дорожных развязок, мостов, аэропортов и т.д. Но собственный строительный сектор не развит, а потому в основном крупные строительные проекты здесь реализуют иностранные компании. Только турецких компаний в сфере строительства и смежных с ней отраслях в Ливии зарегистрировано уже более 100. Кроме того, здесь уже начали работу итальянские, немецкие, французские, а также больше десятка российских компаний.

Таблица 2

**Основные пути выхода
на ливийский рынок российских предприятий**

Направления	Примеры
Участие в тендерах	В международном тендере в декабре 2007 г. ОАО «Газпром» получил один блок в г. Гадамес по добыче нефти, площадь – порядка 4 кв. км.
Межправительственные контракты	17 апреля 2008 г. ОАО «РЖД» подписало контракт на 2,2 млрд евро на строительство железнодорожной ветки Сирт-Бенгази протяженностью 550 км. Официальная церемония инаугурации проекта состоялась 30 августа 2008 г. с участием заместителя Председателя Правительства С.Б. Иванова. Срок исполнения его четыре года; определенная часть работ будет выполняться на условиях субподряда ливийскими фирмами.
Соглашения с третьими сторонами	В 2007 г. «Газпром» заключил с немецкой BASF рамочное соглашение по обмену активами, согласно которому российская сторона получила 49% в компании Wintershall, добывающей на территории Ливии около 5 млн т нефти ежегодно. В марте 2007 г. российская компания закрепила свой успех, подписав с НОС контракт на разведку и освоение Блока 19 на средиземноморском шельфе Ливии.
Создание СП	<p>Подписан меморандум о сотрудничестве между ОАО «Газпром» и Национальной нефтяной корпорацией Ливии [6]. Глава «Газпрома» А. Миллер договорился с Национальной нефтяной корпорацией Ливии (ННКЛ) о создании крупного совместного предприятия, которое будет работать «абсолютно по всем направлениям сотрудничества в газовой и нефтяной отрасли: от геологоразведки, добычи, транспорта до сбыта, как в области газа, так и в области нефти».</p> <p>В 2008 г. ОК РУСАЛ подписал меморандум о взаимопонимании по созданию совместного предприятия (СП) с Государственным фондом экономического и социального развития Ливии (ESDF) для реализации проекта по строительству в Ливии энергометаллургического комплекса. Предполагается, что комплекс будет включать в себя алюминиевый завод мощностью 600 тыс. тонн в год и электростанцию мощностью 1 500 МВт, работающую на природном газе.</p> <p>10 июня 2009 г. был заключен договор о создании совместного Российско-Ливийского предприятия Libyan-Russian Urban Development Joint Venture Stock Company.</p>

Источник: составлено авторами.

В настоящее время прорабатываются предложения представителей ливийского руководства о создании совместных российско-ливийских предприятий по лизингу авиатехники российского производства, реализации проектов в сфере сельского хозяйства силами российских подрядных организаций с ливийским финансированием.

Для работы в Ливии есть несколько ограничений, стандартных в целом для работы в арабских странах и с арабским инвестором. Кроме того, любая компания, которая хочет работать на ливийском рынке, включая экспортеров, должна зарегистрироваться при Министерстве экономики Ливии. Для этого ей нужно собрать список из 10–12 документов, которые подтвердят надежность этой компании, и легализовать их в посольстве Ливии в Киеве. Но эта процедура не представляет особой сложности для бизнеса.

Если говорить о перспективах развития международного бизнеса между Ливией и Россией, то важно также помнить обо все возрастающей активности Ливии в panaфриканских делах, что создает объективные предпосылки для того, чтобы через развитие двусторонних отношений с Ливией Россия могла бы расширить свое торгово-экономическое присутствие и в других странах региона. Встречи президента России и руководителей государств Северной Африки свидетельствуют о том, что Россия возвращается в этот регион. Торгово-экономическое сотрудничество с Ливией только усилит позиции России в Африке.

Некоторые проблемы российско-ливийского хозяйственного взаимодействия

Несмотря на наличие определенных моментов, благоприятствующих укреплению экономических связей РФ и Ливии и росту их экономизации, нынешний уровень их развития весьма невысок, а структура отличается дисбалансом.

Однако адекватный подход к развитию взаимовыгодного двустороннего сотрудничества позволяет найти возможность решения этих проблем. Например, до недавнего времени одну из серьезных проблем двустороннего сотрудничества представляла ливийская задолженность перед Россией. Она оценивалась российской стороной примерно в 4,3–4,6 млрд долл. Однако в 2008 г. в ходе визита в Ливию Президента России была достигнута договоренность о списании Россией этой задолженности в обмен на контракты для российских компаний примерно на эту же сумму. Успешное решение этой проблемы позволяет надеяться на то, что и другие проблемы – уже имеющиеся и те, которые могут возникнуть впоследствии в ходе двустороннего сотрудничества – могут быть успешно решены, несмотря на их сложность.

Основными проблемами российско-ливийского торгово-экономического сотрудничества мы считаем следующие:

1. Совершенствование договорно-правовых основ российско-ливийского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

В этой связи, по нашему мнению, есть необходимость в модернизации договорно-правовой базы сотрудничества России с Ливией: ратификация соглашения о защите капиталовложений и об исключении двойного налогообложения; нужны соглашения об упрощении визового режима и таможенного законодательства; о подписании реальных коммерческих контрактов и других совместных проектах как на федеральном, так и на региональном уровне.

2. Дисбаланс во взаимной торговле товарами и ограниченность товарной структуры российского экспорта. Эта проблема предполагает, во-первых, необходимость взаимного расширения доступа потенциальных партнеров к коммерческой и экономической информации каждой страны, ее возможностей и условий ведения бизнеса, в том числе торговли. Во-вторых, требуется создание и/или совершенствование соответствующей транспортной, банковской и страхо-

вой инфраструктуры, что также будет содействовать развитию товарооборота. Речь может идти, например, о строительстве железной дороги в Ливии, автодорог с твердым покрытием и др. Создание подобной инфраструктуры поможет также сократить использование услуг иностранных посредников во взаимной торговле.

3. Незначительный объем взаимного инвестиционно-сотрудничества, в то время как у обеих сторон сложились определенные инвестиционные потенциалы, а для стран важно диверсифицировать свои зарубежные вложения. В этой связи для России важным направлением представляется инвестиционно-инновационное сотрудничество с Ливией. Внедрению российских передовых технологий могло бы способствовать более глубокое изучение потребностей ливийской экономики.

4. Незначительность гуманитарных связей, которые мы рассматриваем как важный фактор усиления взаимовыгодного и всестороннего экономического взаимодействия.

5. Региональная несбалансированность российско-ливийских торгово-экономических отношений.

Следует отметить, что субъекты Федерации также стали проявлять возросший интерес к налаживанию торгово-экономического сотрудничества с Джамахирией. В 1999 г. в Ливии побывала делегация Республики Адыгея во главе с премьер-министром М. Тхаркаховым, в 2001 г. – делегации Республики Татарстан во главе с премьер-министром Р. Миннихановым и Новгородской области во главе с губернатором М. Прусаком.

25 ноября 2002 г. делегация Ливии во главе с Главнокомандующим ПВО страны генералом Аль Рифи Шарифом прибыла в Татарстан с двухдневным визитом. В этот же день в Казанском Кремле ее принял Президент Татарстана Минтимер Шаймиев.

13–15 октября 2002 г. в Триполи прошла выставка-презентация российских регионов и производителей.

Ведется проработка инициированной ливийской стороной идеи развития связей по линии Триполи–Москва (с упором на обмен опытом в сфере городского управления и сотрудничество в области создания и модернизации транспортных систем, водоснабжения, канализации, современных технологий переработки отходов и т.п.).

В июне 1999 г. Генеральный секретарь ассоциации «Всемирный исламский призыв» М. Шериф принял участие в исламской конференции народов Кавказа в Майкопе. По линии этой ассоциации в Ливии обучается около 10 студентов из России.

В феврале 2010 г. по приглашению руководителя ливийской революции Муамара Каддафи в Ливию прибыл Президент Чеченской Республики Р. Кадыров.

6. Более активное включение в систему двустороннего экономического взаимодействия не только представителей крупного бизнеса и государственных структур, но и малых и средних предприятий, что может в значительной степени содействовать развитию взаимовыгодного сотрудничества. Для этого необходимо, в частности, активизировать участие представителей российского малого и среднего бизнеса в ливийских промышленных выставках, а также развивать механизм государственной поддержки экспорта малых и средних предприятий.

Для сохранения экономических позиций на африканском континенте, а тем более для их укрепления и расширения России следует создавать необходимые политические и экономические, а также гуманитарные предпосылки, которые бы способствовали активизации деятельности российского бизнеса в этом регионе.

В комплексе мер, необходимых для решения данной задачи, первостепенное место занимает важность разработки нового государственного концептуального подхода к торгово-экономическим отношениям России со странами Северной Африки, в том числе с Ливией, с учетом как кардиналь-

ных изменений, произошедших в России и в Ливии за прошедшие годы, так и тех перспектив и задач, которые стоят перед нашими странами.

Вместе с тем российскому бизнесу, как представляется, следует более активно и последовательно выходить на африканский рынок, включая Ливию. Мы согласны с тем, что существующие условия бизнес-сотрудничества, возможно, далеки от идеальных. Но, как говорится в мудрой восточной поговорке, «дорогу осилит идущий», а дожидаясь наиболее привлекательных условий, которые могут так и не появиться сами по себе, можно упустить те неплохие шансы взаимного сотрудничества, которые открываются в данный момент.

Решение этих и других непростых вопросов позволит на взаимовыгодных началах привлечь в каждое из договаривающихся государств инвестиции другой стороны, обеспечить условия для устранения двойного налогообложения юридических и физических лиц, содействовать развитию и углублению торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и Ливии в различных сферах национальных экономик.

Примечания

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Разработка теоретических основ стратегии внешнеэкономической политики Российской Федерации в условиях возрастающей взаимозависимости стран и формирования новой конфигурации мировой экономической системы», проект 10-05-00085а.

[2] 6-е заседание Межправительственной Российско-Ливийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству планировалось на апрель 2010 г.

[3] В 1990-х гг. сотрудничество между Ливией и Россией было приостановлено из-за действия санкций (ежегодный товарооборот в 1994–1997 гг. составлял менее 1 млн долл., а доля России

в общем объеме внешней торговли Ливии не превышала сотых долей процента).

[4] В 2010 г. Газпром нефть совместно с итальянской Eni станет участником разработки ливийского месторождения Elephant. В проекте Газпрому и итальянской Eni принадлежит 33%. После оформления документов доля российского монополиста перейдет ОАО «Газпром нефти». Месторождение Elephant может стать началом экспансии «Газпром нефти» в Ливии, так как компания рассматривает еще несколько проектов в стране (URL: <http://www.stockdatatrade.com/2010/05>)

[5] В 2009 г. компания «Татнефть» начала промышленную добычу нефти в Ливии. Всего «Татнефть» заключила в Ливии 4 контракта на добычу нефти на условиях раздела продукции на участках общей площадью 18 тыс. кв. км. В 2010 г. компания намерена инвестировать в стране 110 млн долл. (URL: <http://www.neftegaz.ru/news/view/91888>)

[6] *Куренков Ю., Попов Ю.* Конкуренентоспособность России в мировой экономике // Вопросы экономики. – 2008. – № 6.

И.А.З. Айдрус, Д.В. Долгополов

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЛИВИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

На протяжении последних шести лет ливийская экономика демонстрирует солидные темпы экономического роста: растет ВВП, объемы экспорта, бюджетные доходы. В статье анализируются основные факторы роста макроэкономических показателей, а также проблемы, сопутствующие данной тенденции. Также исследуется влияние зарубежных капиталовложений на экономику страны. Выделены основные проблемы и ближайшие перспективы развития ливийской экономики и даны экспертные оценки избранного руководством страны курса развития.

Ключевые слова экономическое развитие Ливии, реформирование и диверсификация ливийской экономики, ливийские инвестиции за рубежом, иностранный капитал в Ливии, факторы экономического роста ливийской экономики, перспективы экономического развития Ливии.

Проблемы экономического развития Ливии

С момента отмены международных санкций против Ливии [1] начался стремительный подъем экономики этого государства. Уже в 2004 г. валовый внутренний продукт (ВВП) страны вырос более чем на 8 млрд долл., а в 2008 г. превысил в 3 раза средний показатель за 1990-е гг., достигнув отметки в 90 млрд долл. Солидные темпы роста ливийской экономики обусловлены не только снятием международных санкций. Страна обладает огромными запасами природных ископаемых: запасы газа в Ливии на 2009 г. составляли 1,55 трлн м³, запасы нефти – 46,4 млрд баррелей [2]. Основные запасы нефти в Африке расположены на территории Ливии, она находится на четвертом месте по газовым месторождениям на континенте. В стране также имеются за-

пасы железной руды, калиевого полевого шпата, серы, магния и селенита.

Несмотря на благоприятную экономическую обстановку и обилие ресурсов, структура экономики Ливии не претерпела серьезных изменений с момента получения ею независимости – сырьевые отрасли (прежде всего нефтедобывающая) преобладают в ее ВВП, а структура экономики полностью зависит от роста цен на нефть. Резкий рост ВВП, увеличение объемов экспорта, золотовалютных резервов и прямых инвестиций в страну произошло под влиянием улучшения ценовой конъюнктуры нефтяного рынка. Но необходимо отметить, что данный рост макроэкономических показателей не является позитивным фактором – вместе с ростом ВВП и золотовалютных резервов, в стране также увеличились инфляция и безработица.

Добывающая промышленность страны составляет почти 70% ВВП, и лишь 4,5% приходится на обрабатывающее производство. Добывающая промышленность приносит ливийской казне до 85–90% доходов. Именно экспорт природных ресурсов дает львиную долю доходов Ливии. Нефть и газ составляют 95% экспорта. С 2002 г. наблюдается стабильное увеличение экспорта энергоносителей и руд (рис. 1).

Гипотезу зависимости развития страны от нефтяных цен исследовали также ученые Ливии и Словакии в совместной работе «Взаимосвязь между экспортом и экономическим ростом в Ливийской Арабской Джамахирии» (*The Relationship between Export and Economic Growth in Libya Arab Jamahiriya*) [3]. На основе статистических данных, характеризующих экономику Ливии, исследователи приходят к выводу о сильной зависимости между экспортом и экономическим ростом страны. Несмотря на то, что в работе отмечается, что «...любой рост объемов экспорта позитивно повлияет на экономический рост страны как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде» [4], нельзя согласиться с авторами, что сильная зависимость экономического роста страны от

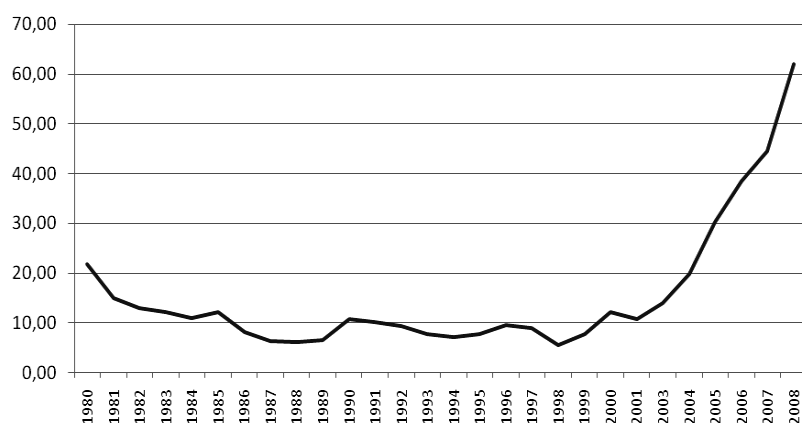

Рис. 1. Динамика экспорта топлива и руд из Ливии, 1980-2008 гг., млрд долл. в текущих ценах

Источник: построено по: Libya. WTO. Statistics database.

URL: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WsdbExport.aspx?Language=E>

нефтяного экспорта является безусловным благом. Помимо раскручивания инфляционной спирали в период роста цен на нефть, можно отметить, что подобная сырьевая структура экономики не позволяет Ливии осуществлять интенсивный или, тем более, инновационный рост. К тому же экспорт ливийской нефти противопоставлен импорту готовой продукции (в первую очередь, импорту товаров потребления и продукции машиностроительного комплекса), что означает усиление технологического отставания страны, так как импортозамещающие производства в стране не развиты. Импорт готовой продукции осуществляется, в том числе, и для нужд нефтедобывающей промышленности (оборудование для геодезических работ и т.д.), что является неблагоприятным фактором для ее развития, так как ставит ее в зависимость от иностранных партнеров. В частности, нефтеперерабатывающей отрасли Ливии был нанесен серьезный урон после вступления в силу санкций ООН на запрет импорта перерабатывающего оборудования в 1993 г. [5].

Кроме того, либерализация внешней торговли, произошедшая сразу после отмены санкций ООН, позволила Ливии резко нарастить объемы внешней торговли, прежде всего нефтяного экспорта. Но зависимость внешней торговли страны от крупнейшего торгового партнера, бывшей метрополии Ливии – Италии, является более чем очевидной (рис. 2).

Высокая зависимость Ливии от основного торгового партнера является негативным фактором для развития экономики – особенно учитывая тот факт, что Италия сейчас сама испытывает серьезные финансовые затруднения и относится к так называемой группе PIGS (нестабильные страны зоны евро). Таким образом, резкое сокращение объемов внешней торговли с этой страны могут самым негативным образом повлиять на экономический рост Ливии.

Привлечение иностранных инвестиций также является одним из приоритетов экономического развития страны. Закон об иностранных инвестициях был принят в 1998 г. После снятия с Ливии санкций зарубежные нефтяные компании получили право участвовать в тендерах на разведку и разработку ливийских месторождений, в результате чего они стали обладателями лицензии на освоение более 40 блоков. Только в январе 2005 г. Ливия продала 15 лицензий на разведку новых месторождений. Японские компании (*Inpex Corporation*, *Japan Petroleum Exploration Company*, *Mitsubishi Corporation*, *Nippon Oil Corporation* и *Teikoku Oil*) получили доступ в ливийский нефтегазовый сектор. В 2007 г. после 30-летнего перерыва в Ливию вернулась британская компания *BP*, заключив с ливийской *National Oil Company* 900-миллионный контракт на проведение разведывательных работ и разработку месторождений нефти и газа [6].

Разработкой месторождений на территории Ливии также занимаются компании *Indian Oil Corp.*, австралийские *Oil Search Ltd.* и *Woodside*, бразильская *Petrobras*, алжирская *Sonatrach*, канадская *Verenex*.

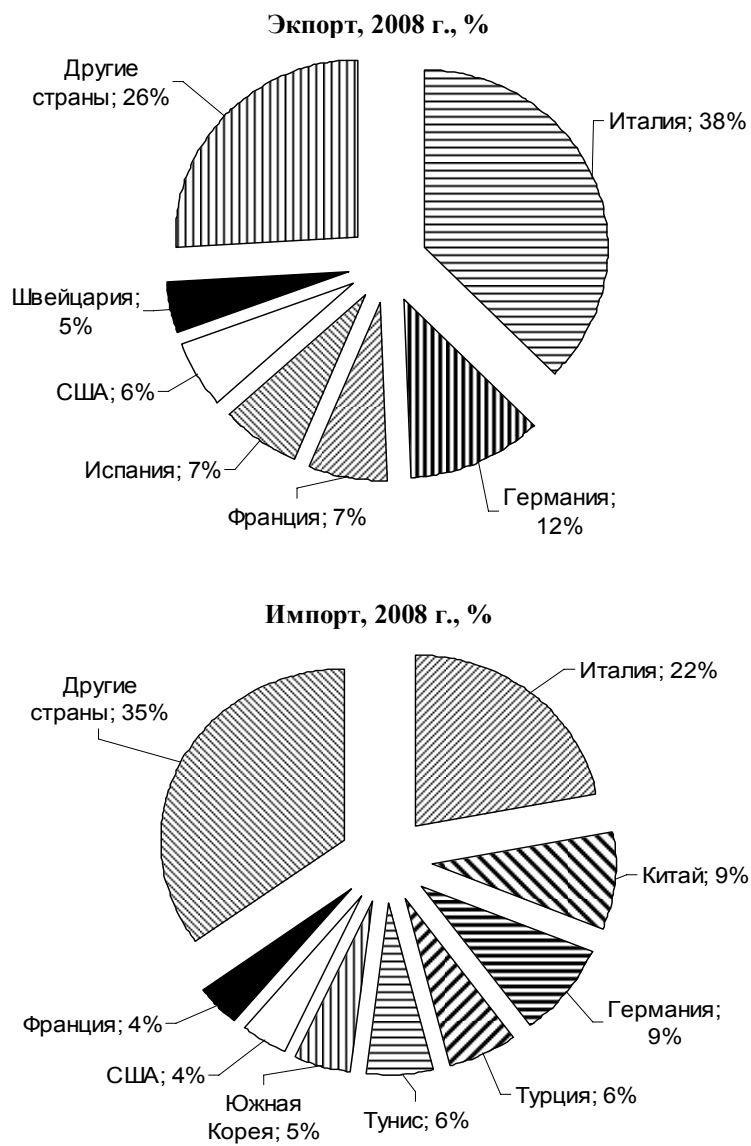

Рис. 2. Основные торговые партнеры Ливии в 2008 г., %
 Источник: построено по: CIA World Factbook.
 URL: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

Так, компания *Wintershall* (Германия) за время своей деятельности в стране инвестировала в разведку и добычу ливийской нефти 1 млрд. евро, а в ближайшие годы намерена инвестировать еще 300 млн евро. Другая нефтяная компания, *Petroleum Canada*, эксплуатирует более 20 ливийских месторождений через компанию *Verba Oil Operation*. Китайская компания *China National Petroleum Company* выиграла контракт стоимостью 320 млн долларов на строительство двойного трубопровода от месторождения Уафа до Мелита.

По некоторым оценкам, Ливия нуждается в 30 млрд долл. иностранных инвестиций до 2015 г. для выполнения своих планов по увеличению нефтедобычи и разработке газовых месторождений [7].

В силу наличия дешевых ресурсов, низкого уровня налогообложения, близости к Европе привлекательными для иностранных инвесторов, помимо энергетики, являются туристическая отрасль и создание экспортных производств в зонах свободной торговли. Однако либерализация капитала возымела неприятный побочный эффект: в 2008 г. объемы прямых инвестиций из страны превысили величину инвестиций в нее на 1,7 млрд долл. [8]. Для развивающейся экономики с сырьевой структурой данное превышение оттока инвестиций над его притоком в страну не может быть расценено как позитивное явление – скорее как вывод капитала из страны вследствие законодательных послаблений.

Итак, необходимо отметить, что основным тормозом экономического развития Ливии является однонаправленная развитость экономики страны, ее направленность на добывающий сектор. Несмотря на то что некоторые исследователи рассматривают добычу нефти и ее экспорт как положительный фактор для экономики Ливии, нельзя не отметить, что импорт готовой продукции, дополнительная нагрузка на бюджет, которую оказывает этот сектор через высокие зарплаты и заниженные внутренние цены на продукты нефтепереработки, а также инфляционные шоки из-за флуктуаций

мировых нефтяных цен – все это оказывает негативное влияние на экономику. Таким образом, необходимо рассмотреть способы диверсификации экономики Ливии, а также выделения тех отраслей, которые могли бы послужить драйверами экономического развития страны.

Диверсификация экономики Ливии

Курс на диверсификацию национальной экономики, расширение сферы услуг и обрабатывающей промышленности, взятый в последнее время правительством Ливии, является одним из факторов дальнейшего инновационного развития. В стране строятся заводы и создаются новые производства – от нефтехимических материалов до алюминия. Приоритетным направлением является развитие туризма, на который приходится сегодня до 14% ВВП.

В 2009–2010 гг. страна активно привлекала иностранных туристов. Согласно стратегии развития туристического сектора Ливии, принятой на 2008–2012 гг., страна планирует принимать 1,5 млн туристов ежегодно. С помощью данной стратегии власти Ливии хотят превратить страну в одно из главных туристических направлений в мире.

Программа развития туризма также предусматривает увеличение количества гостей страны за счет внутренних ресурсов, сохранение местного культурного наследия и национальной идентичности, создание туристических агентств, организацию фестивалей и ярмарок, открытие туристических офисов Ливии за рубежом. Предполагается также привести в порядок ливийские бальнеологические курорты [9].

В отрасль туризма направляется 80% инвестиций страны. В ближайшие годы в Ливии будет создано более 7,5 тыс. новых гостиничных номеров (в среднем по 1,5 тыс. в год) и 22,5 тыс. рабочих мест в индустрии туризма. Стоимость туристических проектов оценивается в 1,5 млрд долл.

Приватизация является еще одним катализатором роста ливийской экономики. После того как правительство Ливии объявило о начале реформ по укреплению экономики, началась поэтапная кампания по реализации плана приватизации горнодобывающей, химической, текстильной и сталелитейной промышленности, автосборочных предприятий и обувных компаний, предприятий с государственным долевым участием. В результате были проданы 360 государственных предприятий и создан рынок ценных бумаг [10].

Важным стимулом экономического развития Ливии является диверсификация внешнеэкономических контрагентов. Активно развиваются отношения Ливии и Китая. Многие объекты инфраструктуры, включая железные дороги и трубопроводы, в Ливии были построены китайскими компаниями по заказу правительства Ливии. В последнее время Ливия и Турция стремятся укрепить взаимные отношения. Турция является вторым государством мира по объемам строительства после Китая, и надеется развивать отношения с Ливией в этом секторе. Ливия для Турции не просто источник энергетических ресурсов и рынок сбыта товаров, но и перспективный рынок для реализации строительных услуг.

Ливия расширяет список стран, импортирующих ее нефть, что уменьшает зависимость от одной или группы стран-импортеров. Страна стремится к доминированию на африканском рынке энергоносителей.

Заметно оживление инвестиционного российско-ливийского сотрудничества. В последнее время были подписаны соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений; контракты на строительство газопровода, проектирование и строительство атомной электростанции, создание в Ливии железнодорожной сети, сотрудничество в области гражданской авиации, геологоразведочных работ и поставок Ливии промышленных товаров и оборудования, создание объектов в области нетрадиционных источников электроэнергии.

Подписание соглашений об избежании двойного налогообложения содействует притоку прямых иностранных инвестиций и вносит позитивный вклад в экономическое развитие. В период с 2005 г. по настоящее время Ливия подписала соглашения об избежании двойного налогообложения с 20 странами (ряд соглашений находятся на стадии подписания). Около 50% подписанных соглашений приходится на три последних года, что свидетельствует об усилении присутствия международного бизнеса в Ливии.

Важным событием в жизни страны является присвоение ей в 2009 г. первого кредитного рейтинга мировым рейтинговым агентством Standart and Poor's. Страна получила долгосрочный инвестиционный рейтинг А-, что ставит ее на один уровень с такими странами, как Греция и Польша.

Вышеперечисленные примеры диверсификации экономики ведут Ливию по пути развития, который избрали большинство современных развивающихся стран – приватизация не решает проблемы экономического развития, но переводит их в разряд корпоративных. Еще в 2006 г. специалистами Мирового Банка были предложены три основных варианта использования нефтяных доходов Ливии [11]:

1. Вложение нефтяных доходов в инфраструктурные проекты, которые повысят доходы домохозяйств через создание дополнительного платежеспособного спроса.
2. Распределение нефтяных доходов напрямую между домохозяйствами с целью увеличения совокупного спроса с одновременным совершенствованием механизмов антициклической политики;
3. Сбережение нефтяных доходов на будущее с целью сглаживания последующих шоков, а также использование части доходов для инвестиций в человеческий капитал и совершенствования социальных гарантий государства.

Можно отметить, что последний путь избрала Россия, и определенные успехи при его осуществлении были достигнуты. Тем не менее данные пути не ведут к диверсификации

экономики, а скорее сглаживают негативные последствия ее добывающей направленности. Однако стимулирование совокупного спроса кейнсианскими рецептами – через более активное финансирование инфраструктурных проектов – несет в себе опасность «перегрева» экономики и усугубления так называемой «голландской болезни», симптомы которой видны в Ливии уже сейчас. В 2006 г., согласно отчету Центрального Банка Ливии, «бюджет на развитие» страны превышал государственный бюджет почти на 70%, тогда как средства, направленные на развитие инфраструктуры, превышали все расходы государства на 25% [12]. Очевидно, что государственные инвестиции в инфраструктурные проекты уже сейчас повышают привлекательность сектора услуг, что, в свою очередь, ведет к снижению привлекательности перерабатывающих отраслей, практически не поддерживаемых государством, и стимуляции экономического роста в секторе с низкой добавленной стоимостью (туристическом).

Основной проблемой остается сильная зависимость роста перерабатывающих отраслей от нефтяных цен, которая закрепляется в экономике посредством административного распределения средств через бюджетную систему страны. При смене собственников государственных предприятий бюджетная система сохранит контроль над распределением нефтяных доходов, тогда как сама бюджетная система не может быть приватизирована. Таким образом, единственным возможным решением является нахождение другого механизма по перераспределению нефтяных доходов бюджета через «бюджет развития».

Ближайшие перспективы развития

Как было показано, положительная динамика макроэкономических показателей Ливии вовсе не означает, что в стране отсутствуют трудности и препятствия для экономического роста. Деловая среда характеризуется неопределенно-

стью, слабой координацией правительственных органов, затрудненным процессом принятия решений, недостатком квалифицированных специалистов и многим другим. Недостаточно благоприятный деловой климат усугубляется непрозрачностью законодательной и институциональной структуры, бюрократией, резкой сменой правил и амбивалентностью чиновников по поводу экономической либерализации. Все это существенно минимизирует усилия по диверсификации экономики.

Мировой финансово-экономический кризис также оказал определенное негативное влияние на ливийскую экономику. Ухудшение макроэкономических показателей произошло в 2009 г. Наиболее серьезно кризис отразился на доходах государства и объемах чистого государственного кредитования – по сравнению с 2008 г. первый показатель сократился с 70,1% в ВВП до 65%, второй – с 34% в ВВП до 9,4%. Необходимо отметить, что несмотря на кризисное воздействие, уровень государственных расходов продолжал возрастать – с 40% в 2009 г. до 55,3% в 2009 г. [13].

Несмотря на сдерживающие развитие факторы, в перспективе Ливия сможет значительно улучшить свое положение в ряде сфер международной экономической деятельности. В ближайшем будущем, а именно в 2010 и 2011 гг., реальные темпы роста в стране сохранятся на уровне 5,2 и 6,1% соответственно. Тенденция увеличения экспорта энергоносителей останется повышательной в течение следующего периода. ВВП на душу населения к 2012 г. достигнет 18 тыс. долл.

Особо следует отметить перспективу расширения присутствия ливийского капитала за рубежом. В стране создан ряд организаций, нацеленных на расширение ливийских зарубежных капиталовложений. В 2006 г. было основано Ливийское инвестиционное управление (*Libyan Investment Authority – LIA*), на которое возложена задача защиты и приумножения нефтяных доходов страны. Ливийский арабский

иностранный банк (*Libyan Arab Foreign Bank – LAFB*), созданный в 1972 г., также нацелен на международные инвестиции. Он принадлежит Центральному банку и владеет 26%-й долей Британского Арабского коммерческого банка (*British Arab Commercial Bank*).

С целью расширения присутствия в Африке в 2006 г. была создана подконтрольная Ливийскому инвестиционному управлению *Libya Africa Portfolio for Investments (LAP)*, инвестирующая в промышленность, технологии, услуги и действующая как суверенный фонд благосостояния. В ее состав входят *Oil Libya Holding Company (ранее Tam Oil Africa)*, *Libyan Arab Company for African Investments*, *Afriqiyah Airlines*, *LAP Green Holding Company*, *Laptech Holding Co ltd*, *Rascom Star-QAF Sahel* и *Sahara Bank*. Первоначальный капитал составлял 5 млрд долл.

В ближайшей перспективе интерес международного бизнеса к ливийскому рынку будет возрастать. В 2010 г. только в составе деловой миссии США страну посетило 25 компаний, среди которых *Boeing*, *Electrolux International* и *Northrop Grumman Electronic Systems* [14].

Привлекательным для международного бизнеса являются планы руководства по выделению средств в размере 60 млрд долл. в ближайшие два года на инфраструктуру. Совокупный объем средств на развитие достигает 200 млрд долл.

Международные банки, такие как *HSBC*, *Standard Chartered* и *UniCredi*, подали заявки на открытие первых частных банков. Либерализация финансового сектора является частью реформ, позволивших иностранным инвесторам приобретать доли в ливийских банках. Согласно заявленной официально цели к 2012 г. Ливия должна превратиться в международный финансовый центр.

Безусловно, существует большое количество проблем, стоящих перед экономикой Ливии, – в первую очередь, проблема снабжения продовольствием и водой жителей страны

(для решения последней проблемы был запущен проект Great Manmade River стоимостью порядка 20 млрд долл.). Однако их решение во многом зависит от выбранной Правительством Ливии структуры экономики – очевидно, что высокая зависимость от нефтяного сектора ставит под удар экономическую безопасность страны, и диверсификация экономики должна стать одной из приоритетных задач. Реформирование банковского сектора в 2009 г. – позитивный признак перемен в ливийской экономике, которые могут быть распространены и на другие сферы, способствуя экономическому развитию Ливийской Джамахирии.

Примечания

[1] Международные санкции против Ливии были введены Советом Безопасности ООН в 1992 г. по требованию США и Великобритании. В октябре 2004 г. страна полностью освобождена от международных санкций в результате отказа от разработок оружия массового уничтожения, допуска в страну международных экспертов и урегулирования вопроса о компенсациях жертвам терактов, общая сумма которых достигает 205 млн долл.

[2] Annual Stastical Bulletin. OPEC. 2009. URL: www.opec.org

[3] *Elbeydi Khaled R.M., Hamuda Abdulbaset M., Gazda Vladimir.* The Relationship between Export and Economic Growth in Libya Arab Jamahiriya // Theoretical and Applied Economics. – Vol. XVII (2010). – № 1 (542). – P. 69–76. URL: <http://www.ectap.ro/articole/437.pdf>

[4] Ibid. – P. 74.

[5] Libya Energy Data, Statistics and Analysis – Oil, Gas, Electricity, Coal. URL: <http://www.eia.doe.gov/cabs/Libya/Full.html>

[6] *Касаев Э.О.* Зарубежные компании в нефтяном секторе Ливии // Институт Ближнего Востока. URL: www.iimes.ru/rus/stat/2007/05-06-07a.htm

[7] *Александров Е.* Джамахирийская гвардия // Независимое военное обозрение. – 25.04.2008. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2008-04-25/1_guardia.html

[8] Согласно данным ЮНКТАД. URL: http://www.unctad.org/sections/dite_dir/docs/wir09_fs_ly_en.pdf

[9] Ливия готовится к туристическому буму – Российско-арабский деловой совет. 03.03.2009. URL: www.russarabbc.ru/rusarab/generalnews.php?ELEMENT_ID=16128

[10] Российско-Арабский Деловой Совет. URL: www.russarabbc.ru/rusarab/detail.php?ID=1352

[11] Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya Country Economic Report – Report No. 30295-LY, July 2006. – P. 18. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTLIBYA/Resources/libyacountryeconomicreport.pdf>

[12] Central Bank of Libya Fiftieth Annual Report (2006). URL: <http://cbl.gov.ly/en/pdf/09JH48CN3T4V2gbzacL.pdf>

[13] Lybia. World Economic Outlook Database. URL: www.imf.org

[14] *Saleh Heba*. A wary world weighs Libya's wealth prospects // Financial Times. – 2010. – April 6.

О.С. Чикризова

**АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛИДЕРА ЛИВИЙСКОЙ ДЖАМАХИРИИ
МУАММАРА КАДДАФИ**

В данной работе рассматривается внешняя политика Ливии при Муаммаре Каддафи, в частности, подробно исследуется ее африканский вектор. Автор раскрывает роль ливийского лидера Муаммара Каддафи в продвижении идей panaфриканизма, анализирует позицию Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД) относительно роли и места Африки в современной системе международных отношений.

Ключевые слова: Муаммар Каддафи, Ливия, внешняя политика, «Зеленая книга», Африка, panaфриканизм, интеграционные процессы, Африканский Союз.

1 сентября 1969 г. в результате военного переворота в Ливии к власти пришел капитан Муаммар Каддафи, ставший для этой страны бессменным лидером. Современники относятся к нему по-разному, но ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что он «неординарная, харизматическая личность постмонархического периода Ливии, радикально изменившая судьбу ливийского народа» [5, с. 288].

Ливия – это арабское и африканское государство, деятельность которого на международной арене отличается высокой внешнеполитической активностью. Она является членом целого ряда международных организаций, среди которых Организация Объединенных Наций, Африканский Союз, Организация стран – экспортеров нефти, Лига арабских государств, Организация Исламская Конференция, Исламский банк развития, а также Союз Арабского Магриба и Организация арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК). Ливия проводит многовекторную внешнюю политику, в которой

выделяются три основных направления: арабское, африканское и западное. Однако раньше, вплоть до 1969 г., Ливия не была такой: позиции полноправного самостоятельного актора международных отношений Ливия начала занимать именно в период нахождения у власти Муаммара Каддафи.

Муаммар Каддафи с юных лет проявлял интерес к политике и всему, что с ней связано. Уже в 15 лет он выступает в качестве лидера демонстрации, организованной противниками убийства конголезского премьер-министра Патриса Лумумбы, а будучи курсантом военного колледжа в г. Бенгази, Каддафи организывает подпольную организацию «Свободные офицеры юнионисты-социалисты» (ОСОЮС). Каддафи был очень строгим лидером движения: он требует от членов организации неукоснительного соблюдения предписаний ислама, разрабатывает «Кодекс поведения», ставший фактически уставом ОСОЮС [5, с. 291].

После успеха сентябрьской революции 1969 г. ни у кого не осталось сомнений в том, что молодой амбициозный, высокообразованный и дисциплинированный офицер Каддафи станет во главе политических процессов в Ливии, целью которых станет сплочение страны и выход на международную арену.

К 1973 г. Каддафи осознал несостоятельность насеризма как модели развития для Ливии. Перед ним стояла задача выработки новой идеологической платформы режима, способной обеспечить реализацию внутри- и внешнеполитических задач, стоявших перед молодой республикой.

Прекрасно зная обо всех особенностях Ливийского государства, Каддафи задумался о том, чтобы добиться консолидации племен, живущих в Ливии, в единую нацию, их вовлечения в политический процесс, преодолеть племенную вражду поможет такая теория, которая сочетала бы в себе достижения современной политической мысли с традициями, на которых основывалось мышление бедуинов. И такой кон-

цепцией стала «третья мировая теория», изложенная М. Каддафи в его «Зеленой книге».

Внешняя политика Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии, как представляется, развивается достаточно активно. Одним из важнейших ее направлений выступает африканское. Ливия играет важную роль в процессе интеграции государств Африки в мировую политику и экономику, поддерживая panaфриканизм и движение в сторону укрепления единства африканского континента.

Ливийское руководство во главе с Муаммаром Каддафи еще в 70-х гг. XX в. обозначило важность африканского направления внешней политики для Ливии. В 1970–1980-е гг. основными задачами на данном направлении являлись:

- борьба с западным колониализмом и оказание содействия национально-освободительным движениям в странах Африки;
- развитие отношений с прогрессивными африканскими государствами и поддержка антиимпериалистических сил в странах континента;
- упрочение связей с африканскими мусульманскими государствами [7].

Ливия предоставляла серьезную финансовую помощь африканским государствам, объем которой достиг 600 млн долл. в 1980 г. [3]. Наиболее активно Триполи развивал отношения с такими африканскими государствами, как Бенин, Буркина-Фасо, Гана, Конго, Эфиопия.

В конце 1980-х гг. Ливия сделала очередной шаг в деле укрепления своего положения в африканских делах, урегулировав имевшиеся противоречия с некоторыми государствами континента (например с Чадом).

Поворотным пунктом в истории ливийско-африканских отношений стало объявление Муаммаром Каддафи новой инициативы по созданию в Африке международной организации, которая заменила бы не отвечавшую со-

временным реалиям ОАЕ и стала бы своеобразным наднациональным органом континента наподобие Европейского Союза. Это произошло в 1999 г. Тогда же ливийский лидер провозгласил Африку приоритетным направлением внешней политики СНЛАД.

Решающий импульс реформированию ОАЕ и образованию Африканского Союза придала инициатива ливийского лидера Муаммара Каддафи, который предложил проект создания нового политического института на африканском континенте. С конца 1990-х гг. вождь ливийской революции активно выступал в пользу африканского единства, налаживания межгосударственного сотрудничества и региональной интеграции [1].

8–9 сентября 1999 г. в г. Сирт (Ливия) состоялся чрезвычайный саммит ОАЕ, на котором Ливия предложила два проекта [14] – о создании Соединенных Штатов Африки и об учреждении Союза африканских государств. Так, в ходе этого саммита ливийский лидер М. Каддафи возобновил дискуссию об организационной форме панафриканского единства, которая развернулась еще в начале 1960-х гг. перед учреждением ОАЕ. Осознавая объективную необходимость в пересмотре основ деятельности организации, Ливия активно выдвигала идеи и инициативы по ее реформированию в более эффективную структуру. Некоторые из этих инициатив были одобрены. В частности, в «Сиртской декларации» [15] от 9 сентября 1999 г. подчеркивалась значимость реализации идей о сильной и единой Африке, которая была бы способна ответить на глобальные вызовы и угрозы, а также подтверждалась необходимость оживления деятельности ОАЕ как континентального объединения.

Таким образом, в 1999–2001 гг. Ливия выступала самым активным сторонником реформ в Организации Африканского Единства. Ливийский лидер М. Каддафи стремился стимулировать процесс африканской интеграции и единства, используя для этого дипломатию, которая вершилась на

высшем уровне, уровне глав государств. Такая политика была оправданной во всех смыслах, так как в особых условиях африканской государственности президент или король имеет решающий голос при принятии решений по всем жизненно важным вопросам. Соответственно, призывы Каддафи, которые были обращены к лидерам африканских стран, были услышаны и восприняты, поскольку прагматичная политика Ливии, отвечая не только национальным интересам, но и интересам большинства африканских государств, получила широкую поддержку. В итоге инициатива, выдвинутая М. Каддафи, способствовала усилению panaфриканских тенденций на рубеже тысячелетий.

Ливия как одна из самых активных участниц Африканского Союза (АС) за время его функционирования выдвинула значительное количество инициатив и предложений с целью повышения эффективности деятельности организации.

На чрезвычайном саммите АС, прошедшем 27–28 февраля 2004 г. в Сирте, ливийский лидер Муаммар Каддафи выдвинул инициативу создания объединенной африканской армии в интересах обеспечения безопасности стран континента [12]. Это предложение Ливии с небольшими поправками было одобрено участниками саммита и было решено создать Африканские силы вооруженного вмешательства [6].

В 2007 г. на саммите АС в Аккре, по инициативе Ливии, главной темой для обсуждения стала дальнейшая экономическая и политическая интеграция стран Африки с перспективой создания Соединенных Штатов Африки [9]. Идея основания такой организации не нова: впервые она официально была озвучена президентом Ганы Кваме Нкрумой в 1963 г., а позже поддержана ливийским лидером М. Каддафи. Однако лидеры африканских стран относятся к этой идее неоднозначно, со значительной степенью настороженности, по всей видимости, не веря в ее успех.

На саммите АС в Аддис-Абебе (2008 г.) Ливия в очередной раз поставила вопрос о необходимости создания единого африканского правительства [10], которое, по мнению, полковника Каддафи, сможет помочь африканским странам сблизить свои позиции по основным вопросам мировой политики и откроет новую страницу в истории африканского единства.

Кроме того, Ливия стремится обратить внимание стран – членов АС на конфликты, существующие в Африке, и на необходимость их скорейшего урегулирования совместными усилиями. Так, например, на саммите АС, прошедшем в Аддис-Абебе в феврале 2009 г., СНЛАД в очередной раз инициировала обсуждение острейших африканских кризисов, таких как ситуация в Дарфуре, Сомали и Демократической Республике Конго [11].

Ливия, являясь одним из основателей и активным членом Африканского Союза, пытается на практике реализовать цели и задачи АС, стараясь дать импульс процессам африканской интеграции. Зачастую ливийские инициативы сталкиваются с сопротивлением других стран – участниц Союза, которые не верят в возможность того, что АС сможет пойти по пути ЕС и добиться ощутимых результатов. Так, например, ЮАР, во всем поддерживая интеграционные процессы в Африке, считает, что они должны проходить поэтапно, без форсирования, в то время как Ливия высказывается за ускорение сближения африканских государств и создание единых наднациональных органов. Однако даже в таких не самых комфортных условиях Триполи не оставляет попыток активизировать работу АС в направлении африканского единства и интеграции.

После учреждения АС Ливия стала одной из самых активных участниц Союза. Эта страна щедро финансирует многочисленные конференции АС, выдвигает массу предложений и инициатив с трибуны этой организации. Такая активность объясняется тем, что М. Каддафи выражает уверен-

ность, что Африка как континент, обладающий колоссальными запасами природных ресурсов, должна более жестко вести дела с развитыми странами и иметь возможность пользоваться собственными богатствами [2]. Он убежден также в том, что члены Африканского Союза должны выработать согласованную общеафриканскую позицию по проблемам таможенных пошлин, экспорта и импорта в переговорах с ЕС, НАФТА и другими международными акторами. Муаммар Каддафи заявляет, что любые попытки подорвать интеграцию стран Африки обречены на провал.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что Ливия возлагает большие надежды на АС, полагая, что образование и деятельность этой организации означает новый этап в истории Африки. Как и многие другие африканские государства, Ливия считает, что АС удастся поддержать демократию, права человека и дело сохранения мира на Черном континенте.

Ливийский лидер видит в Африканском Союзе организацию, способную пойти по стопам ЕС и поэтапно добиться экономической, а затем и политической интеграции, ликвидации межгосударственных границ, отмены таможенных барьеров, создания единой финансовой системы и т.д.

Ряд аналитиков, политологов, а также политических деятелей различных стран не верят в «ливийский сценарий» развития АС. В пользу своей точки зрения они приводят доводы о том, что Африка – это не Европа, и достигнуть столь высокого уровня интеграции на Африканском континенте в современных условиях невозможно. Государства континента очень разнятся как в социально-экономическом, политическом, так и в культурном плане [4, с. 86]. Внешнеторговые связи африканских государств друг с другом слабее, чем торговый оборот с бывшими государствами-метрополиями [8], что также ставит под сомнение возможность развития интенсивных интеграционных процессов в экономической области. Осложняют взаимопонимание африканских государств и территориальные споры.

Однако те, кто поддерживают позицию ливийского лидера М. Каддафи, приводят свои аргументы – окончание «холодной войны» уменьшило политическую «пропасть» между африканскими государствами, создав благоприятные условия для решения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов на континенте. Кроме того, страны Африки реально осознают, что идеи panaфриканизма могут послужить твердой опорой в их стремлении сделать Африку самостоятельным и независимым игроком на международной арене, поскольку в разобленном состоянии африканские государства будут не так сильны, как в «коллективе», и на них будет проще оказывать давление [13].

На наш взгляд, позиция М. Каддафи представляется весьма конструктивной. Так, в случае развития событий по сценарию, описанному лидером ливийской революции, многие межгосударственные конфликты и территориальные споры в Африке получают солидную основу для урегулирования. При более глубоком анализе ситуации на континенте можно найти основу и для экономической интеграции. Так, например, добиться того, чтобы экономики африканских государств взаимно дополняли друг друга, представляется возможным посредством развития новых отраслей народного хозяйства, которые раньше не разрабатывались или были монополизированы метрополиями. Африка способна быть не только поставщиком энергоресурсов, полезных ископаемых и продуктов сельского хозяйства. Богатая ресурсная база континента при соответствующих условиях может стать базой для развития машиностроительных предприятий, нефтеперегонных заводов, фабрик по сжижению газа, а также стимулом для научно-технического прогресса.

Конечно, для реализации подобных крупномасштабных и амбициозных проектов требуется как политическая воля самих африканских государств и масштабное финансирование, так и наличие благоприятных внешних условий. Именно первое из отмеченных выше обстоятельств может

«пробудить» Ливия, страна, в которой кроется огромный внешнеполитический и ресурсный потенциал. Более того, как показала история, неуемная энергия ливийского лидера способна вызвать отклик в умах и сердцах африканских лидеров.

Что же касается вопросов финансирования, то здесь африканским государствам могут помочь развитые мировые экономики, например, Китай, страны Европейского Союза, США, Россия. Эти страны могут принимать участие в проектах по развитию новых отраслей промышленности в Африке, однако это участие не должно ущемлять интересы государств континента и создавать ситуацию «экономической колонизации».

Ливия является одним из самых специфичных государств Африки. Она принадлежит к двум «мирам» – арабскому и африканскому, понимает нужды и проблемы обоих этих миров. Помимо этого, Ливия обладает огромным внешнеполитическим потенциалом, имея все шансы стать центром силы на африканском континенте. Возглавляемая таким харизматическим и авторитетным лидером, как Муаммар Каддафи, СНЛАД способна «подстегнуть» интеграционные процессы в Африке, подвигнув континент на борьбу за достойное место на мировой политической арене.

Африканские государства осознали необходимость объединения своих экономических и политических усилий давно, еще в 60-е гг. прошлого века. Тогда их сближало общее прошлое и одинаковые проблемы, стоявшие перед ними как перед молодыми независимыми государствами. Борьба с пережитками колониализма и империализма стала основой для создания Организации Африканского Единства – первого интеграционного объединения на континенте. Однако, к сожалению, ОАЕ не смогла стать площадкой для конструктивного диалога африканских государств, которые, в свою очередь, на тот момент времени не были готовы передать часть своего суверенитета каким-либо наднациональным органам. Поэтому в начале XXI в. на смену ОАЕ пришел Африкан-

ский Союз, организация, созданная по инициативе Ливии. АС сразу начал искать решения насущных проблем Африки – экономических, политических, социальных. Кроме того, Союз стал ареной для переговоров африканских стран, сближения их позиций по ключевым проблемам континента. Были созданы (опять же по инициативе Ливии) Африканские силы быстрого вмешательства для урегулирования военных конфликтов, была принята программа НЕПАД для решения социально-экономических проблем.

Таким образом, ливийские инициативы привели к трансформации ОАЕ, ставшей неэффективной в новых международных условиях, в действенный и активный Африканский Союз. Более того, позволим себе добавить, что по большей части только благодаря СНЛАД эта организация функционирует до сих пор: Ливия является одним из крупнейших «доноров» для этой организации, а также большинство проектов, рассматриваемых на саммитах АС, разработаны Ливией при непосредственном участии полковника Каддафи.

Ливийское руководство, как уже отмечалось, верит в будущее Африканского Союза, и, следовательно, СНЛАД не оставит своих попыток призвать африканские государства к активизации диалога и интеграции. На наш взгляд, у Ливии хватит и желания, и возможностей довести свои замыслы до конца, несмотря на сопротивление ряда африканских стран, которые, как представляется, понапрасну возлагают надежды на страны Запада и не верят в возможность объединения усилий стран Африки ради того, чтобы континент перестал быть только лишь «сырьевым придатком» планеты.

Подводя итог, стоит отметить, что Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия играет ключевую роль в интеграционных процессах, протекающих на африканском континенте. Во главе со своим энергичным лидером, полковником Муаммаром Каддафи, Ливия выступает локомотивом сближения стран Африки, развития внутриафриканского сотрудничества и диалога. И исходя из вышеска-

занного, можно с твердой уверенностью говорить о том, что приоритет африканского направления внешней политики Ливии является долгосрочным, а организация, созданная при прямом участии СНЛАД, – Африканский Союз – служит примером эффективного механизма регионального взаимодействия, который будет широко использоваться Ливией для реализации идей panaфриканизма – идеологии, которую поддерживает большинство государств Африки.

Л и т е р а т у р а

- [1] Аль-Джамахирия. – 15.07.1996; Аль-Джамахирия. – 23.03.1998.
- [2] Аль-Джамахирия. – 12.05.2001.
- [3] Аль-Фаджр аль-джадид. – 06.03.1987.
- [4] Африка: Региональные аспекты глобальных проблем / Отв. ред. С.А. Бессонов. – М., 1996.
- [5] *Воронин С.А.* Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран. – М., 2009.
- [6] *Куделев В.В.* О некоторых особенностях внешней политики Ливии. URL: <http://www.iimes.ru>.
- [7] *Подцероб А.Б.* Panaфриканская политика Ливии. URL: <http://www.iimes.ru>.
- [8] *Штейнберг М.* Диагноз: война в хронической форме // Независимое военное обозрение. – 15.11.2002.
- [9] Accra Declaration. 3rd July 2007. URL: <http://www.africa-union.org/root/au/Documents/Decisions/decisions.htm>.
- [10] Assembly of the African Union. Tenth Ordinary Session. 31 January – 2 February 2008. Addis Ababa, Ethiopia. URL: http://www.africa-union.org/root/au/Conferences/2008/january/summit/docs/decisions/Assembly.Dec_171%20-%20192%20_X_%20-%20Addis_February_2008.pdf.
- [11] Assembly of the African Union. Twelfth Ordinary Session. 1–3 February 2009. Addis Ababa, Ethiopia. URL: [http://www.africa-union.org/root/UA/Conferences/2009/Jan/Summit_Jan_2009/doc/CONFERENCE/ASSEMBLY%20AU%20DEC%20%20208-240%20\(XII\).pdf](http://www.africa-union.org/root/UA/Conferences/2009/Jan/Summit_Jan_2009/doc/CONFERENCE/ASSEMBLY%20AU%20DEC%20%20208-240%20(XII).pdf).

[12] Assembly of the Union. 2nd Extraordinary Session. 27–28 February, Sirte (Libya). URL: http://www.africa-union.org/root/au/Documents/Decisions/hog/DECISIONS_Sirte_2004.pdf.

[13] Message from the Chair of the African Union, the President of South Africa Thabo Mbeki, on the Occasion of the 40th Anniversary Celebrations of the Organisation of African Unity, 25 May 2003. URL: http://www.africa-union.org/official_documents/Speeches_&_Statements/HE_Thabo_Mbiki/%2025%20May%202003.htm.

[14] Pan-Africanism Revisited: Vision and Reality of African Unity and Development. URL: <http://www.africa-union.org/root/ua/Newsletter/EA/Vol2%20No2/Adogamhe.pdf>

[15] Sirte Declaration. 1999. URL: http://www.africa-union.org/Docs_AUGovernment/decisions/Sirte_Declaration_1999.pdf

ФРАНЦИЯ И СТРАНЫ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В статье рассмотрен процесс формирования Евро-Средиземноморского партнерства в контексте выработки новой стратегии Франции в Магрибе и участия ЕС в урегулировании кризисов на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Евро-Средиземноморское партнерство, Европейский Союз, новая политика Франции, Магриб, урегулирование кризисов, Ближний Восток.

Значимость Средиземноморского региона для Франции ее руководство подчеркивало всегда. Об этом, например, говорил генерал Ш. де Голль еще в 1944 г.: «Наша судьба прямо связана с бассейном Средиземного моря». Значительно позже, в 1971 г., президент Франции Ж. Помпиду заявлял: «Поскольку Средиземное море омывает берега Франции, мы имеем средиземноморские интересы...» [3, с. 12].

В числе основополагающих приоритетов Парижа Средиземноморский регион находился и в 1980-е гг., и в 1990-е гг., когда Франция стала действовать не только индивидуально, но и в рамках инициатив, которые выдвигались со стороны Европейского Сообщества. В частности, «Новая средиземноморская политика» Европы, общие контуры которой были выработаны в 1992 г., в конечном счете оформилась в так называемый «Евро-средиземноморский диалог», зафиксированный в Барселонской декларации 1995 г. [1]. Наконец, 13 июля 2008 г. в Париже состоялся учредительный саммит обновленного Евро-Средиземноморского партнерства, получившего официальное название «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья». При этом, проявляя интерес к Средиземноморью, Франция преследовала как минимум две цели. Во-первых, руководство страны считало, что активная политика в районе Средиземного моря поможет ей

укрепить и сохранить статус «великой державы». Во-вторых, Франция была заинтересована в том, чтобы в районе Средиземного моря сохранялась стабильность и безопасность, поскольку их наличие связывалось со стабильностью в Европе, а следовательно, и во Франции.

В связи с этим перед Францией остро вставал вопрос о необходимости выявления дестабилизирующих факторов, которые, серьезно влияя на обстановку в Средиземноморье, воздействовали также на страны, составившие в своей совокупности Средиземноморский регион [5].

Средиземноморье, и прежде всего его западная часть, занимает особое место в приоритетах французской внешней политики, считаясь определяющим пространством для национальных интересов Франции. Здесь, по мнению французов, возникает новый водораздел мирового противостояния. Вместо уходящей в прошлое конфронтации Восток-Запад формируется новая линия напряженности Север-Юг, идущая через Средиземное море к Закавказью и далее в азиатские страны СНГ.

В 1995 г. французский премьер-министр А. Жюппе заявил, что для Франции «предпочтительную ценность» представляют два региона – Средиземноморье и Африка [10, с. 255]. С этими регионами Франция считает себя связанной традиционными узами, которые являются следствием колониального прошлого. Поэтому от Франции требуется особая деликатность, чтобы, пытаясь покровительствовать и помогать странам региона, не быть заподозренной в неокOLONIALИЗМЕ. Это обстоятельство определяет двойственность отношений между разными берегами Средиземного моря. Груз колониальных отношений и сравнительная ограниченность финансовых потоков, которые Франция может направить на помощь развитию стран региона, могут быть компенсированы благодаря привлечению к средиземноморскому сотрудничеству средств и институтов ЕС.

В Средиземноморье разрыв Франции с имперским прошлым знаменовался двумя событиями: Суэцким кризисом 1956 г. и деколонизацией Алжира в 1962 г. В обоих случаях Франция должна была ретироваться под давлением арабского национально-освободительного движения и мирового сообщества, осудившего колониализм. Оба события положили конец англо-французскому господству в регионе, который стал полем битвы за влияние между СССР и США, особенно на Ближнем Востоке. Уже тогда в недрах арабского национально-освободительного движения зрели ростки мусульманского фундаментализма [2]. Франция покончила с колониальным прошлым, переориентировав свою политику величия на европейское строительство и независимость от США, которая утверждалась благодаря наличию собственного ядерного оружия и выходу из военной организации НАТО. Ей удалось также успешно эвакуировать около миллиона европейцев, составлявших французскую диаспору в Алжире. Но парадоксальным образом колониальный шлейф не оборвался благодаря массовому бегству французов из бывшего заморского департамента.

Конец империи дал рождение ещё более массовой иммиграции выходцев из стран Магриба и с Ближнего Востока во Францию. Эта иммиграция вначале рассматривалась как временное явление во Франции, испытывавшей недостаток рабочих рук в годы послевоенного промышленного подъёма. Однако выходцы с других берегов Средиземного моря укоренились в бывшей метрополии и создали внутри французского общества мощную мусульманскую идентичность, которая превратилась в важный фактор внутривнутриполитического и социального развития.

Последнее обстоятельство самым серьёзным образом влияет на выработку внешнеполитической линии в отношении мусульманского Востока и в ближневосточном конфликте. С одной стороны, Франция стремится поддерживать интенсивные двусторонние отношения со странами Магриба, с

другой – память о Суэцком конфликте не позволяет ей стать в глазах арабских государств желанным арбитром в ближневосточном урегулировании. В то же время экономическая помощь и влияние на соотечественников, живущих во Франции, определяют заинтересованность стран Восточного и Южного Средиземноморья в связях с Парижем.

В свою очередь, Франция не желает ни предоставить страны региона самим себе, ни допустить в них безраздельного влияния США, привлечённых его нефтяными богатствами. После окончания «холодной войны» начался новый этап в отношениях между Францией и её средиземноморскими соседями. Фактор американо-советского соперничества в регионе исчез, зато влияние США возросло там беспрецедентно. В то же время рост радикального исламизма в Алжире и Египте добавил к проблемам иммиграции проблему коллективной безопасности и внутренней стабильности стран Средиземноморья. Ещё в 1986 г., после серии террористических акций исламистов, во Франции был введён визовый режим для выходцев из этих стран, который после заключения Шенгенских соглашений распространился на всю европейскую зону их действия.

Французские политики полагали, что средиземноморские общества в большинстве своём вступили в продолжительную фазу нестабильности, что мусульманско-арабский мир не имеет больше единства и переживает жестокий социально-экономический кризис, порождающий опасность широкого распространения фундаментализма. Необходимость диалога двух средиземноморских цивилизаций – европейской и арабо-мусульманской – постоянно присутствовала в программных речах руководителей французской дипломатии. В то же время движение к взаимной открытости и диалогу в прямом смысле слова наталкивалось на пограничные преграды.

Вступая в должность премьер-министра в 1995 г., А. Жюппе назвал Средиземноморье «естественным про-

странством» французской дипломатии [10, с. 249]. Поскольку и экономические, и силовые возможности Франции в мире существенно сократились, основной упор делался на гуманитарный характер миссии Франции в этих странах и, в связи с мусульманским фактором внутри французского общества, на диалог цивилизаций: «Наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать ценности свободы, терпимости, демократии, которые могут приобретать различные оттенки в соответствии с духом, присущим каждой нации, каждой цивилизации, но которые остаются универсальными» [10, с. 259].

В этом контексте в 1990-е гг. определились два основных направления средиземноморской политики Франции. Во-первых, Франция предложила создать действенную архитектуру средиземноморского сотрудничества. Речь идёт о продвижении в ЕС (в союзе с Испанией и Италией) идеи Евро-Средиземноморского партнёрства. С этой целью 27–28 ноября 1995 г. была созвана средиземноморская конференция в Барселоне. Её основными темами стали экономическое сотрудничество, диалог в области политики и безопасности, диалог между культурами и гражданскими обществами. Задачей конференции было преодоление растущей психологической пропасти между европейским и арабо-мусульманским мирами. Речь шла о необходимости создания «пространства солидарности» со всеми странами Средиземноморья.

Для европейских участников конференции в Барселоне речь шла о глобалистском демарше, о попытке ввести ЕС в качестве полноправного субъекта в регион, где традиционная роль европейцев угрожающе уменьшается. Франция же считала, что Европа должна играть там роль, соответствующую её возможностям и амбициям, хотя этого мнения не разделяли на других берегах Средиземноморья [4]. В своём выступлении перед послами Франции в 2002 г. Ж. Ширак с сожалением констатировал, что новый виток Ближневосточного кризиса затормозил политическую составляющую бар-

селонского процесса. Но это не должно помешать прогрессу экономического сотрудничества, обогащению диалога культур и выработке к 2004 г. «средиземноморской стратегии устойчивого развития». Французский президент выступил с инициативой созвать в 2003 г. подготовительную встречу с участием ведущих экспертов для анализа основных проблем региона и рассмотрения перспектив их решения [8, с. 13].

Стратегическая цель формируемого диалога была определена как обеспечение европейской безопасности со стороны заморских соседей через экономическое процветание, мир и политическую стабильность в Южном и Восточном Средиземноморье. Поэтому вторым направлением деятельности Франции и ЕС в регионе должна была стать поддержка его государств в необходимых преобразованиях, поддержка приоритета строительства правового государства, укрепления суверенитета.

Особую обеспокоенность Франции в этом регионе вызывает Алжир. В отношении этой страны Франция наиболее тяжело ощущает груз прошлой совместной истории и потому ратует за диалог между различными политическими и социальными составляющими алжирского народа: модернистской и традиционалистской. Французское общественное мнение, озабоченное размахом фундаменталистского насилия в Алжире, ждёт от правительства инициатив в этом направлении, однако официальному Парижу долго не удавалось наладить диалог с алжирцами и потому он настаивал на принципе, озвученном министром иностранных дел в правительстве Л. Жоспена: «...самим алжирцам надлежит найти разрешение их проблем» [9].

В августе 2002 г. было объявлено о готовящемся визите французского президента в Алжир (первом после деколонизации) и о его намерении совершить турне по странам Магриба. Долгожданный визит Ж. Ширака в Алжир состоялся в 2003 г.

Проблемы Алжира вписываются французской дипломатией в контекст Магриба в целом. Франция озабочена во-

просом соблюдения прав человека в регионе, но признаёт, что как в Алжире, так и в Тунисе и в Марокко становлению правового государства препятствует опасность мусульманского фундаментализма. Об этом заявил Ю. Ведрин после поездки по странам Магриба, состоявшейся летом 1997 г. Он подчеркнул, что в силу исторических причин спецификой позиции Франции в регионе является то, что, в отличие от других стран ЕС, она считает «своих южных соседей не менее важными, чем восточные» (имеется в виду особое внимание ЕС к странам Центральной и Восточной Европы – ЦВЕ) [9].

После прихода к власти в 2007 г. президента Николя Саркози Франция активизировала свои дипломатические действия в Средиземноморье. Президент поставил задачу оживить Барселонский процесс и придать ему политическое звучание. 23 октября 2007 г. в городе Танжер (Марокко), сразу после его избрания на пост президента Франции, президент Саркози призвал все лидеров стран Средиземноморья принять участие в конференции, которая должна была состояться в июне 2008 г. в Париже [7]. 18 июня 2008 г. парижская конференция положила основы для средиземноморского партнерства которое объединяет несколько стран Европейского Союза и стран Средиземноморского региона [7].

Создание этого политического объединения стало для Франции и президента Николя Саркози настоящей дипломатической победой на мировой политической арене. Несмотря на сомнение некоторых стран Европы в необходимости создания такого политического союза, средиземноморское партнерство может стать для Европы инструментом объединения арабских стран с Израилем вокруг «одного стола». Франция таким образом еще раз доказала свои исторические связи со странами Средиземноморского бассейна, среди которых много арабских стран. Министр иностранных дел Франции в одном интервью отметил следующее: «Средиземноморье является важной площадкой для решения всех важных мировых проблем. Будущее Европы зависит от ситуации в странах юга» [6].

Многие аналитики считают, что Средиземноморское партнерство, с одной стороны, является важным инструментом участия ЕС в урегулировании кризисов на Ближнем Востоке, а с другой – новой стратегией Франции в Магрибе.

Л и т е р а т у р а

[1] «Евро-средиземноморский диалог» предполагает сотрудничество в различных сферах между странами-членами ЕС и странами, расположенными на побережье Средиземного моря, в том числе Турцией, странами Магриба (Алжир, Марокко, Тунис), Египтом, Иорданией, Сирией и Ливаном, государством Израиль и Палестинской автономией, Кипром и Мальтой.

[2] Об этом предупреждали Москву французские коммунисты в конце 1950-х гг., советуя советским товарищам осторожнее относиться к Фронту национального освобождения Алжира. См. подр.: *Обичкина Е.О.* Советское руководство и война в Алжире // Новая и новейшая история. – 2000. – №1.

[3] *Пархалина Т.Г.* Франция и Средиземноморье. – М.: Наука, 1987.

[4] Противоречие отметил, например, специалист по арабо-мусульманскому Востоку Р. Лево. См.: *Leveau R.* La France et la Mediterranee: un espace a construire // PE. – 2002. – 4. – P. 1029.

[5] С этой целью в 1983 г. в рамках Западноевропейского союза была создана Средиземноморская группа для мониторинга проблем региональной безопасности, в работе которой принимала участие и Франция.

[6] Extrait de la tribune du ministre des Affaires étrangères et européennes Bernard Kouchner dans le quotidien. – Le Monde du 10 juillet 2008.

[7] Discours de Tanger, Palais de l'Élysée

[8] *Discours de M. Jacques Chirac*, Président de la République, lors de la réception des Ambassadeurs, 29 août 2002 // *Defense nationale*. – Octobre 2002.

[9] *Le Monde*, 29 août 1997: Интервью Ю. Ведрина.

[10] *Juppe A.* Quel horizon. – Paris, 1998 // PE. –1995. – № 1. – 249.

К.П. Курьлев

ПОЛИТИКА УКРАИНЫ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

В статье рассматриваются некоторые направления африканского вектора современного внешнеполитического курса Украины. Автор обращается к таким аспектам украинской внешней политики в Африке, как миротворческая деятельность, военно-техническое сотрудничество, энергетическая политика. Дается оценка эффективности усилий руководства Украины в реализации этой деятельности.

Ключевые слова: Украина, Африка, миротворчество, поддержание мира, военно-техническое сотрудничество, торговля оружием, энергетическая политика, энергоресурсы.

Африканский континент никогда не входил в разряд приоритетных направлений внешней политики Украины. Вот уже долгие годы проведения страной самостоятельной внешней политики этот ее африканский вектор рассматривается как перспективный. Украина по-прежнему остается малозаметным партнером африканских стран.

Это особенно странно, учитывая растущее значение африканского континента для мировой политики и международных отношений. Очевидно, что у такого государства, как Украина, должны быть и есть собственные интересы в данном регионе. О том, что они есть, говорит хотя бы тот факт, что, если до 1996 г. страна была представлена в Африке всего тремя посольствами, до 1999 г. – четырьмя, то на настоящий момент – более чем тридцатью. В чем же состоят современные политические, экономические и иные интересы Украины в Африке, почему это направление представлено достаточно фрагментарно во внешней политике Украины? В данной статье мы сделаем попытку ответить на поставленные вопросы.

Миротворческий аспект

Украина входит в число наиболее активных участников международных миротворческих операций. Свою миротворческую деятельность Украина как независимое государство начала в 1992 г. С 1992 г. более 12 000 представителей Украины участвовали в 20 операциях и миссиях ООН по поддержанию мира. Сейчас всего 570 украинских военных выполняют миротворческие задачи в составе миссий ООН, НАТО и коалиции Многонациональных сил на территориях 9 стран мира. На сегодня украинские подразделения общей численностью 484 военнослужащих представлены в Либерии и Косово. Также 86 украинских военных специалистов работают в качестве миротворческого персонала в Грузии, Судане, Демократической Республике Конго, Эфиопии и Эритрее, Ираке, Ливане, Приднестровье, Либерии, Косово и Афганистане [3]. За почти 18 лет своей миротворческой деятельности Украина по объемам задач вошла в первую двадцатку самых активных государств-миротворцев. За годы участия в миротворческой деятельности Украина потеряла более 40 человек, участвовавших в них. Еще около 100 получили ранения. Как отметили в Минобороны Украины, основную нагрузку по формированию, подготовке и направлению миротворческих контингентов несут Сухопутные Войска Вооруженных Сил Украины. Начиная с 1992 г. за пределы страны было направлено более 25 подразделений звена батальон, рота и вертолетный отряд. Привлекалось более 3 тыс. единиц разнообразной техники (транспортеры, погрузчики), а также 38 вертолетов [9].

Чем же объясняется высокая активность украинских миротворцев в международной миротворческой деятельности? Помимо международных обязательств по укреплению мира и безопасности можно выделить еще несколько аспектов такой заинтересованности.

Активное участие украинских специалистов в международных миротворческих усилиях на Африканском континенте не в последнюю очередь объясняется немалым практическим опытом, который у них имеется. Как известно, в относительно недавнем прошлом свой долг в Анголе, Мозамбике, Эфиопии выполняли военнослужащие Советской Армии, среди которых было немало украинцев. То есть их опыт востребован и представляет немалый интерес для организаторов таких операций. Важным моментом является и то, что многие военные и гражданские лидеры африканских стран получили военную подготовку в учебном центре на Украине, в крымском селе Перевальном [14].

В этом контексте целесообразно затронуть и еще один аспект. После распада СССР многие украинские (и не только) военные специалисты остались без работы, например, авиационные. Большинство из них решили искать способы заработать в странах «третьего мира», в первую очередь в Африке. Тем более что местные африканские власти с ограниченными финансовыми возможностями считают приглашать зарубежных специалистов делом более выгодным, чем готовить собственных.

По неофициальным данным, на Украине насчитывается около 50–60 военных специалистов, регулярно работающих на иностранные государства. Служат они по так называемым «белым» или «черным» контрактам. «Белый» контракт предполагает официальное трудоустройство на транспортные вертолеты или самолеты. Самым популярным для украинцев «белым» регионом является Афганистан: войска НАТО нанимают украинских пилотов для работы на транспортных вертолетах. «Черные» контракты, предполагающие участия в боевых действиях, незаконны. «Черный» найм полностью основан на личных контактах отставных советских офицеров с вооруженными силами африканских стран. Наиболее востребованы пилоты и операторы систем ПВО [10].

Не стоит сбрасывать со счетов и весьма, мягко говоря, непростую социально-экономическую ситуацию на Украине, и в частности безрадостную картину развития современных Вооруженных Сил Украины, что резко повышает заинтересованность руководства страны в ее участии в миротворческих операциях.

Уже традиционной болезнью Вооруженных сил Украины стало хроническое недофинансирование. Согласно Закону «Об обороне Украины», финансирование нужд национальной обороны государства осуществляется за счет Госбюджета Украины в объеме, не меньше 3% от запланированного ВВП. На самом деле цифры совсем иные. Требование Закона никогда не исполнялось: на потребности обороны выделялось не более 1,5% от ВВП. Например, бюджет, который был предложен Вооруженным силам Украины на 2009 г., фактически в 1,3 раза меньше бюджета 2008 г. и составляет 1,12% от ВВП, или 36,1% от полной потребности армии (32,4 млрд гривен). Исходя из этих также весьма оптимистических, но более реальных расчетов, общий военный бюджет 2009 г. может составить максимально 7,4 млрд гривен из госбюджета плюс 1,2 млрд гривен спецфонда – в общем 8,6 млрд гривен» [2].

Таким образом, своей, может быть, вынужденной безотказностью в миротворческой политике Украина обязана банальной необходимости зарабатывания денег, выделяемых международными многосторонними институтами на проведение миротворческих операций. В этом контексте Украина и становится интересной разного рода международным организациям (ООН, ЕС, НАТО) в проведении их миротворческой политики, в том числе и на африканском континенте.

Кроме того, участие в международных миротворческих усилиях представляет собой благоприятную возможность для получения опыта в разрешении конфликтных ситуаций (в том числе военного характера), работе в составе многонациональных штабов, отработке совместных действий

с представителями других государств, апробации новых систем вооружения и техники, ознакомления с передовыми тенденциями развития армий и полиции государств мира и т.д. [8].

Наконец, следует отметить, что стремление украинских властей (и в период до «оранжевой революции», и во время правления В.А. Ющенко, и на современном этапе) участвовать в проведении миротворческих операций определяется еще и стремлением укрепления своего авторитета на международной арене. Таким образом, речь идет не только об интересах поддержания на плаву своих Вооруженных сил. Речь, как видно, идет уже о более широких и фундаментальных интересах. Доводы исполнительной власти Украины по вопросу об участии страны в международных миротворческих мероприятиях озвучил еще осенью 2003 г. в Верховной Раде тогдашний министр обороны Е. Марчук. По его словам, «в наше время гарантии безопасности любая страна получает, лишь принимая участие в военно-политических блоках государств. Для внеблоковой Украины главная надежда в этом плане – ООН, и потому необходимо принимать самое активное участие в деятельности этой организации» [12].

Военно-технический аспект

Столь высокая активность Украины в международных миротворческих усилиях объясняется не только альтруистическими соображениями, но и вполне реалистичными и прагматичными национально-государственными интересами, которые в равной степени присущи и другим участникам таких миссий. Ведь, согласно мировой практике, в конфликтный регион вслед за миротворцами приходят политики и бизнесмены со своими интересами. Конечно, эти интересы практически не афишируются и традиционно скрываются за лозунгами о необходимости прекращения конфликтов и миростроительства.

Украина пока такие возможности за редким исключением не использовала. Наиболее широко и активно Украина участвует в торговле оружием со странами африканского континента. По сообщениям ряда СМИ, страна заняла третье место в неофициальном списке с показателем проданного оружия на сумму около 700 млн долл. Естественно, подобная информация не имела подтверждения на официальном уровне. За Украиной с отрывом следуют США и Франция (соответственно 175 млн и 172 млн долл.), также «отметились» КНР, ФРГ, Великобритания, Италия с суммами контрактов до 100 млн долл. Впереди Украины только Российская Федерация, поставившая оружия в Африку на сумму почти в 2 млрд долл., и Республика Беларусь, продавшая вооружений на 1 млрд 3 млн долл. Всего же за последние несколько лет Африка закупила у основных стран-поставщиков оружия и вооружений на сумму более 5 млрд долларов.

Своего рода подтверждением этого являются слова исполнительного директора управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста. В своем выступлении на заседании Совбеза ООН, посвященном влиянию незаконной торговли оружием на мир и безопасность в Центральной Африке, он отметил, что «страны Восточной Европы являются основными поставщиками оружия в горячие точки Африки. Лидер – Украина, у которой имеются огромные излишки оружия. В 1990-е гг. из этих запасов отправляли оружие почти во все зоны конфликтов в Африке – от Анголы до Зимбабве. Он также отметил, что на каждого украинского солдата приходилось 54 единицы огнестрельного оружия, а допустимая норма – две единицы». Самым привлекательным рынком для контрабандистов остается Африка. Заказчиками оружия в этом регионе являются организованные преступные группировки, повстанцы и государства, в отношении которых введено оружейное эмбарго. «В их руках даже стрелковое оружие может подрвать социально-экономические преобразования, нарушить монополию государства на владе-

ние оружием или завести политическую ситуацию в тупик», – добавил Антонио Мария Коста [13].

Интересные данные о торговле оружием в Африке приводит Александр Дюков. По его словам, рынок вооружений стран Черной Африки составляет около 2% от общемирового; при этом для африканских стран очень важна стоимость оружия: чем дешевле, тем лучше. Именно поэтому после распада СССР наиболее активными игроками на африканском рынке стали страны Восточной Европы и бывшие советские республики (в первую очередь Украина), продававшие советскую военную технику из наличия собственных вооруженных сил по демпинговым ценам [6].

Затрагивая в своей статье вопрос о военнотехническом сотрудничестве Украины со странами Африки, автор приводит следующие данные. Приведем некоторые цифры.

Ангола. Первый авиационный контракт был заключен с Украиной, которая в 1996 г. поставила в Анголу два вертолета Ми-24Б. Однако сотрудничеством с официальными ангольскими властями украинские торговцы оружием не ограничились. Поставки оружия формированиям УНИТА находились под запретом ООН; несмотря на это, по данным российских специалистов, в 1996–1998 гг. Украина поставила УНИТА 6 ударных вертолетов Ми-24Б и 6 истребителей-бомбардировщиков МиГ-23. После трехлетнего перерыва Украина возвратилась на ангольский рынок, поставив Вооруженным силам Анголы 3 вертолета Ми-35П, 2 вертолета Ми-24 и 31 БМП-2. Кроме того, в 2003 г. Украина поставила ангольским Вооруженным силам 11 БТР-80.

Эфиопия и Эритрея. В 1998–1999 гг. Эритрея получила большую партию стрелкового оружия с Украины. Эфиопия закупила у Украины 3 комплекса радиотехнической разведки «Кольчуга». В 2003 г. в Эфиопию из Украины были поставлены 3 Су-27. Российские экспортеры надеялись получить контракт на модернизацию истребителей МиГ-21бис

ВВС Эфиопии, однако эфиопская сторона предпочла израильско-украинский вариант модернизации.

Судан. В 1990-х гг. в Судан поставлялось преимущественно украинское (бронетехника) и китайское оружие (истребители, вертолеты, артиллерийские установки)» [6].

В 2009 г. Украина поставила оружие и военную технику в 14 стран. Крупнейшим импортером бронетехники остается Чад, который закупил 50 украинских БМП и 4 БТР-3Е. Для сравнения в 2008 г. эта страна приобрела 80 украинских БМП-1 и 8 БТР-3Е [5]. Благодаря заключенным контрактам Украина вплотную приблизилась к пятерке мировых лидеров оружейной торговли и, по предварительным подсчетам, может оказаться в шестерке крупнейших поставщиков оружия, встав за США, Россией, Францией, Германией и Израилем [4].

Таким образом, представляется очевидным, что поддержка Украиной международных многосторонних миротворческих усилий и участие в них предоставляет стране широкие возможности по расширению своего присутствия на внешних рынках вооружений, как легальных, так и нет. Особенно применительно к африканскому континенту.

Энергетический аспект

Более 90% разведанных запасов углеводородов сконцентрировано в 7 странах континента – Алжире, Судане, Экваториальной Гвинее, Нигерии, Анголе, Тунисе и Конго. При этом на северную часть африканского континента приходится свыше 50% энергоносителей, а на район Гвинейского залива – более 40%. В последние годы открытие новых залежей нефти и газа существенно пополнили природно-ресурсные потенциалы старых добытчиков энергосырья региона (Туниса, Камеруна, Конго, Габона, Анголы). Кроме того, круг участников африканского энергетического клуба расширился за счет Марокко, Мавритании. Сегодня энерге-

тические ресурсы Африки оцениваются в 15,5 млрд баррелей нефти и 10,2 трлн м³ природного газа, что составляет 9,7 и 7,8% их общемирового объема. Африканские месторождения, открытые в 2000–2004 гг., увеличили международные запасы жидких углеводородов почти на 25% и составляли 12% открытых месторождений газа. В течение 2004 г. в Африке месторождения нефти были оценены примерно в 300 млрд баррелей в нефтяном эквиваленте, из которых 2/3 – жидкие углеводороды. В конце 2004 г. возможные запасы жидких углеводородов в Африке предполагались в пределах до 35,6 млрд баррелей для Нигерии, 26,8 млрд – для Ливии, 13,6 млрд – для Анголы, 14,2 млрд – для Алжира и 3,4 млрд баррелей для Египта. На другие африканские страны приходилось еще 11,2 млрд баррелей [1].

Как известно, наиболее уязвимой стороной хозяйственного комплекса Украины является высокая зависимость экономики страны от импорта энергоносителей. Так, в общей структуре потребления энергетических ресурсов в Украине доля углеводородов (нефти и газа) достигает 56%, в том числе нефти – 10,5%, природного газа – 45,5%. А уровень зависимости Украины от поставок энергоносителей из одного региона 80% нефти и 75% природного газа, тогда как согласно мировым нормам этот показатель не должен превышать 30% [7]. В то же время собственная добыча покрывает лишь 10–12% национальной потребности в нефти и 20–25% – в природном газе.

Совершенно очевидно, что вопросы обеспечения энергетической безопасности Украины приобретают ключевое значение. Сегодня они обуславливают перспективы устойчивого подъема и возможности структурно-инновационной перестройки в Украине, выделяют задачи диверсификации источников поступления энергоносителей и снижения энергетической зависимости национальной экономики от импорта топлива.

В контексте данной заинтересованности большое значение руководством Украины должно уделяться контактам с лидерами африканских стран по вопросам энергетического сотрудничества. Это особенно важно в контексте того, что в ближайшее десятилетие добыча углеводородов в Африке, по оценкам экспертов, может увеличиться еще на 50%.

Среди стран-экспортеров энергоресурсов наиболее перспективными для сотрудничества с Украиной являются страны Северной Африки, экспортирующие углеводороды в Европу. Сегодня Алжир, Египет и Ливия доминируют в регионе в сфере нефтедобычи и нефтепереработки. С ними конкурируют Марокко и Тунис. Вместительный рынок этих стран мог бы стать дополнительным потребителем украинской технологичной продукции.

Пока же взаимодействие в данной области весьма фрагментарно. Несмотря на всю важность освоения зарубежных месторождений, Украина делает это очень медленно.

Одним из немногих примеров присутствия Украины на энергетической карте Африки может служить договоренность между «Укрнефтью» и правительством Нигерии о добыче нефти на ее территории с дальнейшей возможностью выкупа украинской стороной 150 тыс. тонн этого сырья ежемесячно по льготным ценам.

Еще одной страной, где удалось укрепиться компании, стала Ливия. Здесь интересы НАК «Нафтогаза Украины» присутствуют с 2002 г. Украинская сторона проявила готовность участвовать в совместном освоении ливийских недр. В 2002 г. об этом были достигнуты предварительные договоренности с ливийской Национальной нефтяной корпорацией. Ливия была оптимальным партнером для Украины в этом направлении. Нефть здесь находится на сравнительно небольших глубинах, что облегчает добычу и снижает ее себестоимость. Соглашение о разделе продукции (СРП) между двумя компаниями было подписано в октябре 2004 г. и предусматривало разработку блоков, площадь которых превы-

шает 200 тыс. кв. км, а прогнозные ресурсы составляют около 110 млн т нефти и 30 млрд куб. газа. Минимальный объем инвестиций «Нафтогаза» в поисково-разведочные работы в Ливии по условиям СРП должен был составить 57,5 млн долл. Однако смена власти в Украине повлекла за собой пересмотр перспектив ливийского проекта. К слову, к присутствию «Нафтогаза» в Ливии крайне негативно отнеслись США. До конца 2008 г. «Нафтогаз» вложил в проект лишь 16 млн долл., а с начала 2009 г. разработка месторождений вообще прекратилась. В результате в конце лета 2009 г. ливийская сторона три из четырех нефтегазовых полей, которые должен был бы разрабатывать «Нафтогаз», предложила «Газпрому» [11].

Вместо Ливии руководство «Нафтогаза» начало продвигать свои интересы в ОАЭ и Египте. В начале 2005 г. между ней, правительством эмирата Аль-Фуджейра и Naftogaz Middle East L.L.C. было подписано соглашение, которым предусмотрено проведение работ по поиску и разведке месторождений углеводородов на территории эмирата Аль-Фуджейра, и в случае открытия запасов – их разработку и эксплуатацию. В конце 2006 г. «Нафтогаз» проник и в Египет. Между «Египетской генеральной нефтяной корпорацией» и «Нафтогазом» было заключено Концессионное соглашение по освоению участка Алам Ель Шавиш площадью 994 кв. км на территории Западной Пустыни Египта [11].

Украиной предпринимаются попытки проникнуть и на энергетический рынок Алжира. Однако конкуренция на алжирском рынке более чем высока. Там уже присутствуют крупнейшие международные энергетические компании («Газ де Франс», «Тоталь», «Газпром», «Роснефть»), занимающиеся разработкой нефтегазовых месторождений. И обойти своих конкурентов украинскому «Нафтогазу» будет весьма проблематично.

Таким образом, представляется очевидным, что современная внешняя политика Украины на африканском кон-

тиненте требует корректировки и большей активности. Интересов у страны в регионе более чем достаточно. Мы остановились в данной статье лишь на некоторых из них. А ведь есть еще и серьезная экономическая заинтересованность. Вместе с тем действия властей Украины на африканском направлении можно на настоящий момент квалифицировать как фрагментарные и экстенсивные. Нетрудно понять, почему так происходит. Ответы лежат как в плоскости внутривнутриполитической – перманентная нестабильность в стране, так и в экономической – ограниченность в средствах, так и во внешнеполитической – наличие серьезных партнеров в регионе и «потеря» Африки на фоне других векторов внешнеполитического курса Украины. Следовательно, условием реализации потенциальных возможностей политических и торгово-экономических отношений и сотрудничества является разработка концепции отношений Украины со странами африканского континента.

Л и т е р а т у р а

- [1] Africa's Oil Dreams // Time. – June 11, 2007.
- [2] The military budget – 2009: in a step from disorder of army // 09.10.2010. URL: <http://www.oko-planet.su/politik/politikukr/8752-voennyj-byudzhjet-2009-v-shage-ot-razvala-armii.html>
- [3] Александров С. Альтернативный взгляд на миротворцев // 09.10.2010. URL: <http://glavred.info/archive/2008/06/11/102733-1.html>
- [4] Бадрак В., Згурец С. Ирак авиабронетанковый. Лед тронулся // Зеркало недели. Власть. № 8 (788) 27 февраля – 5 марта 2010 // 09.10.2010. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/68687/>
- [5] В прошлом году украинское оружие купили 14 стран // 09.10.2010. URL: <http://www.rbc.ua/rus/digests/show/v-proshlom-godu-ukrainskoe-oruzhie-kupili-14-stran-30082010063000>
- [6] Дюков А.Р. Возвращение на тропический рынок: ВТС России со странами Черной Африки // 09.10.2010. URL: <http://a-dyukov.livejournal.com/266446.html?nc=9&style=mime>

- [7] Кинах прокомментировал вопрос энергетической безопасности Украины // 09.10.2010. URL: <http://korrespondent.net/business/138772>
- [8] *Конопацкий И., Кожанов В.* Украина теряет статус миротворческой державы? // 09.10.2010. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/66308/>
- [9] Миротворческая деятельность Украины // 09.10.2010. URL: <http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=333&idart=3332>
- [10] Наши «гуси» в африканском небе // 09.10.2010. URL: http://novosti-n.mk.ua/ukraine_article/read/?id=401
- [11] *Соколов М.* «Нафтогаз» нашел углеводороды в Африке // 09.10.2010. URL: http://www.ukrrudprom.ua/digest/Naftogaz_nashel_uglevodorodi_v_Afrike.html
- [12] *Тымчук Дм.* Украинское миротворчество: зачем мы торгуем кровью // 09.10.2010. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/200712/1913.htm>
- [13] Украина – основной поставщик оружия в горячие точки Африки – ООН // 09.10.2010. URL: <http://www.focus.ua/society/107424>
- [14] *Федотов А.* Военно-политическая ситуация в Африке в 2007 г. // 09.10.2010. URL: http://www.usva.org.ua/mambo3/index.php?option=com_content&task=view&id=381

А.Ю. Борзова

АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БРАЗИЛИИ

В статье рассмотрены основные направления внешней политики Бразилии в Африке, вопросы международного взаимодействия на межрегиональных саммитах «Латинская Америка – Африка», цели и задачи трехстороннего форума ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка), деятельность Бразилии в рамках ИБСА, содружества португалоязычных стран, по развитию торгово-экономических отношений со странами Африки.

Ключевые слова: Африка, Бразилия, внешняя политика, саммиты, взаимодействие, межрегиональное сотрудничество, торговля, Юг-Юг, ИБСА, португалоязычные страны, содействие.

В начале XXI в. ситуация на мировой арене стремительно меняется, все большую активность проявляют латиноамериканские, африканские, азиатские государства. Политическая активность развивающихся стран, которых традиционно причисляли к «странам третьего мира», становится характерной особенностью современных международных отношений.

В развитии сотрудничества со странами Африки заинтересованы США, Китай, Европейский Союз (ЕС). Заметно укрепляется взаимодействие между странами Латинской Америки, Африки и Азии. Это сотрудничество развивается по нескольким направлениям. В рамках ООН, Движения неприсоединения, Группы 77 подходы этих стран к таким сложным вопросам современности, как сохранение ведущей роли ООН в решении мировых проблем, устойчивое развитие, защита окружающей среды, во многом совпадают.

Бразилия в последнее десятилетие стремительно развивает политические, экономические региональные и межрегиональные связи. Главная черта современной внешней по-

литики страны – это универсальность, которая отражает стремление Бразилии играть активную политическую роль на самых разных уровнях, разнообразить торговые интересы, увеличить число торговых партнеров, повысить свой статус на глобальном уровне. Конечно, Латиноамериканский регион в силу явных объективных исторических причин является наиболее важным направлением внешней политики страны. Однако расширение сотрудничества с Африкой, которому уделялось большое внимание при президенте Кардозу в 1990-е гг., становится одним из приоритетных направлений внешней политики Бразилии при президенте Инасиу Лула да Силва (с 2003 г.).

Курс президента да Силвы получил название «Преференциальная политика Бразилии в отношении Африки». Следует отметить, что только с 2005 г. президент совершил более 10 поездок по странам Африки, посетил 20 государств и открыл 16 новых бразильских посольств [2].

Бразилия развивает сотрудничество со странами Африки в нескольких плоскостях: по линии Юг-Юг в рамках межконтинентального саммита «Южная Америка – Африка», и в русле ИБСА (IBSA) (Индия, Бразилия, Южная Африка), представляющего собой объединение ведущих развивающихся стран, а также через Сообщество португалоязычных государств (Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP).

Новая форма сотрудничества двух континентов в рамках саммитов «Южная Америка – Африка» имеет большое значение для африканской политики Бразилии. Первый саммит стран Южной Америки и Африки состоялся в 2006 г. в Абудже (Нигерия).

Второй саммит «Южная Америка – Африка» (АСА) состоялся в сентябре 2009 г. на о. Маргарита (Венесуэла). В нем приняли участие 27 глав государств и правительств (все-го присутствовали представители 54 африканских и 12 южноамериканских стран). Бразилия, как и большинство

латиноамериканских стран, была представлена главой государства.

Этот саммит был призван расширить политическое, экономическое и культурное сотрудничество двух континентов. «Союз Южной Америки и Африки жизненно важен для формирования новой структуры XXI века, структуры многополярного мира», – заявил президент Венесуэлы Уго Чавес, добавив, что «союз новых держав Южной Америки и Африки внесет огромный вклад в равновесие мира» [14].

Лидеры стран Южной Америки и Африки обсудили на саммите широкий круг вопросов для выработки совместных позиций по «экономическому развитию, внешней политике, включая демократизацию международного сообщества, созданию многополярного мира, обеспечению энергетической и продовольственной безопасности, социальным проблемам, здравоохранения, образования и культуры». Саммит проходил под лозунгом «Закрывая бреши, открывая возможности» и был нацелен на расширение политического, экономического и культурного сотрудничества двух континентов.

По итогам второго саммита АСА были подписаны Совместная декларация и План действий. В Совместной декларации 54 страны Африканского Союза и 12 государств Союза южноамериканских наций (УНАСУР) изложили свою позицию по реформе Совета Безопасности ООН, которая, по их мнению, «должна гарантировать участие в СБ ООН большего числа развивающихся стран». Было также заявлено, что главы государств намерены координировать действия Союзов на международной арене в целях защиты интересов двух континентов.

Бразилия активно поддержала идею о создании новой международной и региональной финансовой архитектуры для преодоления глобального экономического кризиса и формирование новой финансовой структуры – Банк «Юг-Юг». В целях реализации этого предложения семь южноамериканских стран, в том числе и Бразилия, объявили о созда-

нии Банка Юга с начальным капиталом в 20 миллиардов долларов [13].

Из всех латиноамериканских стран Бразилия наиболее заинтересована в развитии политических и торгово-экономических связей с Африкой. Это единственная португалоязычная страна Южной Америки, которая умело сочетает региональные и глобальные интересы в своей внешней политике. И ИБСА, как политический форум, ориентирован, прежде всего, на противостояние глобальным вызовам и на укрепление политических позиций каждой из трех стран-участниц на глобальном и региональном уровне. ИБСА во многом является продуктом исторических обстоятельств, созданным для расширения участия трех стран в международной политике. Этот союз трех стран появился 6 июня 2003 г., когда трехсторонняя комиссия министров иностранных дел Бразилии, ЮАР и Индии в г. Бразилиа приняла «Декларацию Бразилиа», в которой говорилось о необходимости укрепления позиций указанных стран на переговорах в рамках ВТО, по реформированию ООН и присутствию новых стран в СБ ООН, о развитии научно-технического сотрудничества, обмена технологиями, совершенствовании инвестиционного климата, развитии образования, медицинской помощи.

Прошедшие саммиты ИБСА (2006 г. – Бразилиа, 2007 г. – Претория, 2008 г. – Нью-Дели, 2009 г. октябрь и апрель 2010 г. – Бразилиа) укрепили этот межрегиональный альянс, который по территории в три раза превосходит Европейский Союз, объединяет 1,3 млрд человек и три страны с ВВП более 3 трлн долл. [11]. По мнению его секретаря Ф. де Соузы, саммиты стали свидетельством эволюции подходов и сближения позиций стран-членов по важнейшим проблемам современности. Проведенные в 2008 г. совместные военно-морские учения показали растущую военную мощь этих стран.

ИБСА держится на трех опорах. Прежде всего, это форум для консультаций и координации действий по важнейшим политическим вопросам. Далее – это триединое сотрудничество ради достижения общего блага этих стран посредством деятельности 16 рабочих групп по торговле, инвестициям и другим вопросам вплоть до охраны окружающей среды. И третье – это расширение влияния ИБСА на остальные развивающиеся страны, где важная роль отводится специальному Фонду по борьбе с бедностью, созданному в 2004 г. Этот Фонд, куда ежегодный вклад каждой страны-члена составляет 1 млн долл., действует под руководством Программы развития ООН и финансирует проекты по сокращению бедности в развивающихся странах [15].

Средства Фонда были использованы для борьбы с болезнями и инфекциями в Гаити. Для Гвинеи-Бисау были приобретены новые сорта риса и проведена программа по улучшению агротехники, что позволило собирать два урожая риса в год и бороться с голодом. В Кабо-Верде было закуплено оборудование для двух госпиталей, в Бурунди реализуется программа по обеспечению лекарствами больных СПИДом.

В апреле 2010 г. в рамках ИБСА была принята «Стратегия социального развития», в основу которой был положен реализуемый в Бразилии с 2003 г. проект Bolsa Familia, направленный на борьбу с бедностью, голодом и безработицей [5, с. 260–261].

Паоло Сотеро, директор Института Бразилии в Центре В. Вильсона, отмечает, что стремление Бразилии содействовать развитию и интеграции в Африке, Латинской Америке является проявлением «духа солидарности ...социальной и политической, а не экономической. Это главная мотивация в международных инициативах сотрудничества» [15, р. 4].

Африка в этом плане приоритетна для Бразилии. Ведь из 318 зарубежных проектов этой страны 125 реализуются в

19 африканских странах [15, р. 6]. Укрепление влияния ИБСА в регионе отвечает интересам развивающихся стран.

Торговля между странами-членами союза выросла с 3,9 млрд долл в 2003 г. до 12 млрд долл. в 2009 г., так же как выросли инвестиции и технологические трансферты [15].

Наиболее интенсивно рос товарооборот между Индией и Бразилией. В 1998 г. он составлял 200 млн долл., в 2002 г. – 800 млн долл., в 2005 г. – 2,5 млрд долл., а в 2007 г. – 3,1 млрд долл.

Товарооборот между Индией и ЮАР с 4 млрд долл. в 2005 г. снизился до 2,3 млрд долл. в 2007 г., а торговля между ЮАР и Бразилией колеблется в пределах 1,5 млрд долл. с 2004 г. до 2007 г. [10]

ИБСА намерена увеличить трехстороннюю торговлю до 25 млрд долл. к 2015 г.

ЮАР и Бразилии принадлежит ведущая роль в интенсификации сотрудничества между региональными торговыми и интеграционными объединениями – МЕРКОСУР и Таможенным союзом Южной Африки (SACU), Сообществом развития Южной Африки (SADC) и Общим рынком Восточной и Южной Африки (COMESA).

Как отметил министр иностранных дел Бразилии С. Аморим, ИБСА – это один из инструментов, который «может улучшить наши переговорные возможности и построить мультиполярный мир». Бразилия стремится развивать сотрудничество с Африкой как по линии Юг-Юг в рамках ИБСА, так и через механизмы Сообщества португалоязычных стран (CPLP) [3]. Португалия и Бразилия выступают своего рода спонсорами многих инициатив CPLP, финансируют большинство совместных проектов. Президент Бразилии Луис Инасио Лула да Силва отметил, что «благодаря Сообществу Португалия и Бразилия играют все более важную роль на мировой арене», и подчеркнул, что обе страны «приняли вызов времени, связанный со строительством но-

вого пространства, где языковое и культурное единство станет реальностью мировой политической жизни» [12].

В рамках Сообщества Бразилия активно отодвигает Португалию на второй план, динамично расширяя политическое, экономическое и военное сотрудничество с португальскоязычными африканскими странами. Если в 1990-е гг. основным торговым партнером Бразилии была Нигерия, богатая углеводородами, то позднее в рамках CPLP стало быстро развиваться экономическое сотрудничество с Анголой и Мозамбиком, а также некоторыми государствами Западной Африки и региона Гвинейского залива (Габон, Республика Экваториальная Гвинея, Сенегал). Впрочем, ЮАР, как и Нигерия, остаются главными партнерами этой латиноамериканской страны.

Расположение членов Сообщества на трех континентах, где находятся различные региональные объединения, содействует расширению торговых, экономических связей с Европейским Союзом, МЕРКОСУР и Африканским Союзом, росту инвестиций в экономику африканских стран. Участие стран Сообщества в процессе региональной экономической интеграции может стимулировать усиление двусторонних экономических отношений.

Торговый оборот между Бразилией и Африкой динамично растет, в 2008 г. он увеличился на 30% по сравнению с 2007 г., достигнув 26 млрд долл. В 2002 г. товарооборот составлял лишь 5 млрд долл.

Импорт Бразилии из Африки за период 2007–2008 гг. увеличился на 39%, в то время как экспорт бразильских товаров на африканский континент вырос лишь на 18%. Характерной чертой развития торгово-экономических отношений между Бразилией и Африкой является устойчивый рост торгового дефицита – с 312 млн долл. в 2002 г. до 5,6 млрд долл. в 2008 г. [4]

С начала 2000-х гг. доля Африки в общем бразильском импорте достигла порядка 9%, общем экспорте – 5%.

Бразильский импорт из Африки довольно ограничен по номенклатуре – в 2008 г. 86% импорта приходилось на нефть, 7% – на химическую продукцию, 0,7% – на базовые металлы. Десять крупнейших статей африканского импорта Бразилии составляют 95% от общего объема [7].

Бразильский экспорт более диверсифицирован: топ-10 товаров занимает 55% от общего объема. В 2008 г. 18% экспорта приходилось на продукты питания, 14% – минеральное сырье, 10% – продукцию животноводства, 10% – транспортное оборудование.

На 5 крупнейших торговых партнеров Бразилии в Африке в 2008 г. приходилось 77% от общего товарооборота. Треть (32%) занимает Нигерия, 16% – Ангола, 12% – Алжир, 10% – ЮАР и 7% – Ливия. На углеводороды приходилось почти 100% бразильского импорта из Анголы, Экваториальной Гвинеи, Ливии, Нигерии, Алжира (на 2006 г.) [7].

Помимо развития двусторонней торговли, Бразилия активно поощряет свои компании инвестировать в Африке по четырем направлениям – нефть и газ, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, транспорт и строительство. Petrobras, нефтяная компания Бразилии, планирует инвестировать свыше 3 млрд долл. в период с 2009 по 2013 г. в разведку и добычу углеводородов в Нигерии и Алжире. В настоящее время Petrobras работает в 6 африканских странах: Анголе, Ливии, Мозамбике, Нигерии, Сенегале и Танзании [7].

Одна из крупнейших горнорудных компаний мира – бразильская Vale – представлена в Гвинее, Габоне, ДРК, Анголе, Замбии, Мозамбике, ЮАР. По словам президента Vale Роже Аньелли (Roger Agnelli), компания намерена вложить 1,3 млрд долл. в реализацию своих проектов в Мозамбике.

Бразилия стремится к расширению производства этанола из кукурузы и сахарного тростника как альтернативного источника энергии, более безопасного для окружающей среды и экономически более выгодного, чем нефть. Бразиль-

скими компаниями изучаются возможности строительства 10 заводов по внедрению новых технологий и производству этанола (в Гане, Мозамбике, Сенегале) [1].

Бразильский промышленный конгломерат Odebrecht активно участвует в Африке в гражданском строительстве, владеет долей в алмазодобывающем ГРО «Катока» (Ангола), где акционером также является российская компания «Алроса». Фактически – это крупнейший подрядчик проектов восстановления разрушенной войной инфраструктуры в Анголе. Накопленные инвестиции компании в стране оцениваются в 600 млн долл. Всего в 2008 г. на Африку пришлось 11% совокупной выручки Odebrecht, т.е. 1,987 млрд долл. Помимо Анголы компания работает в Ливии, Либерии, Мозамбике, Джибути [4].

Анализируя развитие отношений Бразилии со странами Африки, нельзя упустить из виду тот факт, что этот регион активно осваивается Китаем. Китай является важным торговым партнером Бразилии, так, в 2009 г. их совместный товарооборот составил 36 млрд долл. [8], но в этом регионе они являются конкурентами. Торговля Китая со странами Африки выросла с 8,92 до 73 млрд долл. всего за 6 последних лет [9].

Китай быстро заполняет рынки африканских стран, китайские инвестиции становятся более разнообразными, они вкладываются не только в нефтедобычу, но и в другие отрасли. Однако такие темпы развития торговли несут с собой и ряд проблем, что проявляется как в углублении конфликтов, например в Дарфуре, так и в экономической нестабильности, связанной с ростом торгового дефицита. Рост проблем с окружающей средой, безопасностью приводит к тому, что иностранные инвестиции в Африке, как китайские, так и бразильские, могут оказаться в зоне риска.

Стратегическая значимость Африки в XXI в. продолжает возрастать. Американские аналитики отмечают, что политика США в Африке не должна сводиться к простому со-

перничеству с Китаем, Бразилией или Индией, а должна отличаться подлинной выгодой для африканских народов. Американские программы должны предоставлять возможности африканскому бизнесу расширять производство, углублять технологическое развитие. В июле 2010 г. президент США Б. Обама в обращении к парламентариям Ганы так определил 4 приоритетные цели США в Африке:

- 1) покончить с конфликтами,
- 2) содействовать демократизации,
- 3) поддерживать развитие;
- 4) улучшить состояние системы здравоохранения

[6, p. 41].

Проведенный анализ показывает, что политика Бразилии в Африке уже реализует эти цели и имеет выраженный социально-экономический характер.

Л и т е р а т у р а

[1] Африка переходит на альтернативное топливо. URL: http://www.opes.ru/news.aspx?id=221&ob_no=88910

[2] Внерегionalные связи государств Латино-Карибской Америки. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=283>

[3] В CPLP входят 8 стран, из них 5 – африканских: Ангола, Бразилия, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Португалия, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи и Восточный Тимор. Статус наблюдателей имеют Экваториальная Гвинея, Маврикий, Сенегал, специальный административный район Китая Макао.

[4] *Зайцев В., Зайцева А.* Африка-активность Бразилии. URL: http://www.opes.ru.aspx?id=389ob_no88927

[5] *Мартынов Б.Ф.* Бразилия-гигант в глобализирующемся мире. – М., 2008.

[6] America in a multipolar world: the regional working groups. The Strengthening America's Future Initiative. A Project of the Center for the Study of the Presidency and Congress. URL: http://www.thepresidency.org/storage/documents/America_in_a_Multipolar_World_Regional_Working_Groups.pdf

- [7] The African Trading Relationship with Brazil. URL: <http://www.gtis.com/gta>
- [8] www.braziltradenet.gov.br
- [9] Congressional Committee Roundup, June 2-8, Tony Romm, 09 Jun 2008. URL: <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/print/2253>
- [10] Emerging Powers: India, Brazil and South Africa (IBSA) and the Future of South-South Cooperation. URL: <http://www.wilsoncenter.org/ondemand/index.cfm?fuseaction=home.play&mediaid=BCD1A1E8-E43F-936E-50C7D496EA1E77EC>
- [11] India-Brazil-South Africa (IBSA) Economic Cooperation: Towards a Comprehensive Economic Partnership № 26 June 2006. URL: <http://www.ipc-ndp.org/ipc/doc/ibsa/papers/ibsa13.pdf>
- [12] www.jornaldaquadra.com.br/12082003
- [13] <http://news.mail.ru/politics/2926854/>
- [14] <http://www.rian.ru/world/20090927/186574403.html>
- [15] What can IBSA Offer to the Global Community? International Policy Centre for Inclusive Growth Poverty Practice, Bureau for Development Policy, UNDP, 2010, № 21. URL: <http://www.ipc-undp.org/pub/IPCPovertyInFocus21.pdf>

В.И. Юртаев, А.К. Воронков

АФРИКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

В статье рассмотрены актуальные аспекты формирования африканского вектора во внешней политике Исламской Республики Иран в контексте реализации Тегераном в Африке концепции «созидательного взаимодействия» и разворачивающегося вокруг этой страны атомного скандала.

Ключевые слова: внешняя политика, Иран, Африка, исламский фактор, ЮАР, инвестиции, «созидательное взаимодействие», «Третий мир».

Первая декада XXI в., несмотря на растущие как снежный ком проблемы, принесла Африке ощущение нового старта спустя 50 лет, как будто бы завершился некий переходный этап и наконец можно начать созидание с «чистого листа». Катализатором проявления новой ситуации стал мировой финансово-экономический кризис середины 2010-х гг., в условиях которого процесс расширения географии основных игроков на рынках африканских стран обрел зримые черты. Все новые страны мира «открывают» для себя Африку, и нефтедобывающие страны Среднего Востока, располагающие кроме нефти также и значительными финансовыми ресурсами, не являются здесь исключением. Среди них – Исламская Республика Иран, во внешней политике которой используется широкий спектр инструментов, включая многоцелевую инвестиционную активность.

Возникнув в результате победы исламской революции над шахским режимом Исламская Республика Иран (ИРИ) с момента своего создания стремилась расширить политические и экономические отношения с неприсоединившимися странами, включая государства африканского континента в рамках общего курса на экспорт исламской революции. В период становления «исламской республики» (1980–

1990-е гг.) отношения Ирана с африканскими странами развивались преимущественно на двусторонней основе и не имели системного характера – страна заново выстраивала отношения с внешним миром. На этот же период пришлось тяготы войны с Ираком, ограничения исламизации страны «с опорой на собственные силы», проблемы консолидации центральной власти после Р. Хомейни (1902–1989 гг.) и послевоенного восстановления Ирана. Да и дипломатия «экспорта исламской революции» в условиях биполярного мира не могла быть эффективной, поскольку ее не принимала ни США, ни СССР.

Попытки Тегерана выйти из международной изоляции при президенте ИРИ А.А. Рафсанджани с начала 1990-х гг. не увенчались успехом.

Ситуация несколько изменилась с переходом ИРИ к политике «диалога цивилизаций» (с 1998 г.) при президенте М. Хатами (1997–2005 гг.). Однако начавшийся весьма позитивно – инициатива была поддержана ООН – этот процесс затем был серьезно деформирован в условиях международного давления на Иран с начала 2000-х гг. под предлогом предотвращения доступа ИРИ к ядерным технологиям. Тем не менее усилия иранского руководства по получению более широкой поддержки среди развивающихся стран принесли некоторые результаты.

Ирану первоначально удалось привлечь на свою сторону ряд стран африканского континента, голоса поддержки которых в ООН и других международных организациях в условиях международной изоляции были так необходимы Исламской Республике.

В 2005 г. президент ИРИ М. Хатами посетил с официальным визитом Нигерию, Сенегал, Мали, Сьерра-Леоне, Бенин, Зимбабве и Уганду. В ходе встреч с официальными представителями африканских стран обсуждались вопросы развития сотрудничества в политической, инженерно-технической, экономической, культурной сферах, а также в

области здравоохранения [3]. Иран планировал, например, развернуть в Нигерии линии производства легковых автомобилей, автобусов и тракторов или поставлять эту продукцию из Ирана. Иранские предложения основывались также на экспортном потенциале ИРИ в производстве стали, цемента, строительных материалов, бытовой техники, машинных ковров, пищевой и химической промышленности.

М. Хатами выступил в столице Нигерии Абудже с речью перед видными общественными деятелями страны, в которой он отметил: «Мы иранцы не считаем Африку частью вчерашнего мира, для нас Африка является важным элементом мира завтрашнего... Мы готовы передать Нигерии свой опыт и возможности в различных областях, включая нефтегазовую сферу, сельское хозяйство и рыболовство», а Иран готов, используя накопленный научный опыт и потенциал, принять участие в программах и проектах Нигерии в области промышленности и городского благоустройства [4].

По сообщению ИРНА от 13.01.2005 г., президенты Нигерии и Ирана подписали Меморандум о дружбе и сотрудничестве между Ираном и Нигерией. В ходе визита Исполнительный директор Банка развития экспорта Ирана Кухзадэ и министр энергетики Нигерии Имоке подписали соглашение о предоставлении Нигерии иранского товарного кредита на сумму 50 млн евро для осуществления проектов в области электроэнергетики. Министры промышленности Ирана и Нигерии Эсхак Джахангири и Могаджи Мохаммед подписали меморандум о соглашении по вопросам сотрудничества в области промышленности и экспорта инженерно-технических услуг. Исполнительные директора иранской и нигерийской энергетических компаний Кедходаиян и Макаджо подписали меморандум о соглашении по вопросам сотрудничества в области электроэнергетики и финансирования энергетических проектов.

Однако в самом Иране существовало несколько точек зрения на возможное международное позиционирование

ИРИ и это сказывалось на эффективности и цельности выстраиваемого внешнеполитического курса страны. Неожиданно для сторонников М. Хатами на президентских выборах 2005 г. победил М. Ахмадинежад, представитель «осулигран» («следующих принципу» – так называют в Иране сторонников «линии имамам Хомейни» и его концепции исламской власти). К власти в ИРИ пришла другая команда политиков. Это не могло не отразиться на внешнеполитическом курсе страны.

С именем М. Ахмадинежада связано начало нового этапа во внешней политике Ирана. Шестой президент ИРИ летом 2005 г. заявил о «втором старте» ирано-исламской цивилизации. Миссия ИРИ была определена как «создание условий для установления всемирной справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации» [2, с. 11]. В результате исчезнет «режим мирового господства и распространится [в мире] свет справедливости и духовности» [2, с. 8]. Очевидно, что это была не просто актуализация взглядов имама Хомейни, но творческое прочтение данных им фундаментальных установок, нацеленных на распространение «исламской власти» по всей Земле с акцентом на социальную справедливость.

Заявленные М. Ахмадинежадом генеральные ориентиры Ирана – стать «исламской Японией», то есть занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом – во многом повторяли планы шахского Ирана периода 1970-х гг. В случае реализации «Программы 9-го правительства» и сохранения устойчивого развития Иран планировал войти в число стратегических держав мира в течение 10–15 лет. В течение первого президентского срока М. Ахмадинежад во внешней политике ИРИ заметно проявилось региональное измерение, особенно в отношениях со странами Латинской Америки (Венесуэла, Бразилия и др.) и Шанхайской Организации Сотрудничества.

Будучи переизбранным на второй срок в 2009 г., президент М. Ахмадинежад начал реализацию новой программы вхождения ИРИ в мировую систему международных отношений на основе концепции «созидательного взаимодействия» («та'амол-е сазандэ») [1, с. 79–88]. 22 августа 2010 г. Президент ИРИ М. Ахмадинежад, обращаясь к меджлису (парламенту) и правительству, отметил, что «Иран установил особые отношения как минимум с 40 странами мира в банковской и страховой сферах, импорта и экспорта и второй его шаг состоит в том, чтобы правительство воспользовалось ситуацией для создания нового международного порядка для выхода из-под господства капиталистического строя». Первым шагом станет всесторонняя экономическая самообеспеченность [23].

Страны Африки в формируемой ИРИ системе международных отношений рассматриваются как входящие в «третий мир». Предлагаемая иранскими экспертами модель присутствия ИРИ в мире структурирована по пяти уровням:

1. Ближнее зарубежье (страны-соседи).
2. Ближневосточный регион.
3. Мир ислама.
4. Третий мир.
5. Глобальный («джахани») уровень [1, с. 184].

Таким образом, в период 2005–2009 гг. произошло формирование африканского направления как четвертого обязательного уровня реализации внешней политики ИРИ. Важно подчеркнуть, что страны Африки в моделируемом Тегераном новом мировом порядке получают место также в «Мире ислама», на лидерство в котором претендует Исламская Республика Иран. В целом Тегеран открыто делает ставку на присоединение африканских стран к исламской революции и к Ирану, в котором она уже победила. Однако большое сомнение вызывает базовый тезис разработчиков иранской внешнеполитической концептуалистики о якобы

особой приверженности африканских народов к исламу, исламской революции и исламской республике [1, с. 148].

На этом новом этапе, осознавая важность наличия экономической составляющей в политических усилиях для их успеха, ИРИ в период 2005–2010 гг. заключила целый ряд соглашений с африканскими странами по реализации различных проектов сотрудничества. В результате такого подхода доля африканских проектов в инвестиционном портфеле, например, Иранской компании зарубежных инвестиций (IFIC) к 2010 г. составила 22% [24]. Проекты ИРИ в африканских государствах были связаны с основными секторами экономики страны, включая нефтегазовую промышленность, автомобилестроение, сельское хозяйство, химическую промышленность, фармацевтику, строительство и зарождающуюся атомную энергетику.

На 2010 г. ситуация с развитием торговли и инвестициями ИРИ в африканские страны выглядела следующим образом.

В период с 2007 по 2010 г. ИРИ подписала меморандумы о постройке нефтеперерабатывающих заводов в Зимбабве и Сенегале, а также модернизации нефтеперегонного завода в Эритрее [6], [7]. Принимая во внимание тот факт, что вышеупомянутые нефтеперегонные заводы предполагалось строить под поставки иранской нефти, предоставляемой этим странам по льготным ценам, проект скорее можно отнести к области экономической помощи, чем к экономически оправданным инвестициям.

В 2008 г. Иранская оффшорная инженерно-строительная компания (ИОЕС) получила подряд от Нигерийской компании Kaztec Engineering на проведение инженерно-строительных работ при проведении газопровода Calabar [20]. Этот проект уже носит чисто коммерческий характер и отражает стремление компаний и организаций ИРИ принимать участие в нефтегазовых проектах нефтедобывающих стран Африки. Однако вследствие относительно незначи-

тельного размера и значимости он не может считаться прорывом ИРИ на этот рынок.

Несмотря на то что Иран подписал целый ряд протоколов и соглашений о постройке сборочных автомобильных и тракторных производств с Угандой, Зимбабве и Сенегалом, в настоящее время реализованы только два. В Сенегале запущено сборочное производство седанов Саман, завершающая фаза которого, согласно заявлению управляющего компанией Iran Khodro, будет введена в строй в июле 2010 г. [22]. В апреле 2010 г. в Зимбабве была запущена тракторосборочная линия [21]. Более низкая продажная цена собранных в Сенегале автомобилей, по сравнению с ценой на иранском рынке, позволяет предположить наличие значительной дотационной составляющей в этом проекте и как следствие – его политическую направленность.

В сельскохозяйственном секторе Ираном к 2010 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве со следующими африканскими странами:

- Сенегал – о сотрудничестве в проведении исследований по выведению новых культур, исследований почв и обучении специалистов в области сельского хозяйства [14];
- Коморские острова – о сотрудничестве в области сельского хозяйства и рыболовства [5];
- Танзания – об открытии представительства Сельскохозяйственного джихада [16], а также сотрудничестве в области животноводства и рыборазведения [15];
- Тунис – меморандум по расширению сотрудничества в области рыболовства, включая обмен экспертами и проведение совместных исследовательских программ [9].

Кроме информации о заключении соглашений доступные автору источники не упоминают о реализации конкретных проектов в рамках заключенных соглашений.

Необходимо отметить, что все вышеупомянутые страны не отличаются значительным потенциалом с точки зрения

осуществления крупных рентабельных проектов в этой области вследствие относительно незначительных размеров пригодных для ведения сельского хозяйства земель. Этот факт в совокупности с отсутствием у ИРИ серьезных проблем с обеспечением продовольственной безопасности, позволяет говорить скорее о стремлении ИРИ оказывать содействие африканским странам в области сельского хозяйства с целью получения политических выгод, чем об инвестициях в их традиционном понимании.

В области энергетики руководство ИРИ рассматривает реализацию проектов по производству электроэнергии в Сенегале, Судане, Танзании, Гамбии, Алжире и Нигерии в которой, по сообщению Deutsche Welle, рассматривается вариант постройки атомной электростанции [10].

В настоящее время единственный проект, имеющий конкретные очертания, это проект в Судане с объемом инвестиций в 130 млн долл. США [8]. Учитывая высокую капиталоемкость подобных проектов, их технологическую сложность и ресурсоемкость, представляется маловероятным, что в условиях мирового экономического кризиса ИРИ удастся реализовать даже Суданский проект.

Портфельные инвестиции, осуществляемые Иранской компанией зарубежных инвестиций (IFICO) на африканском континенте, в основном ограничиваются компаниями, создаваемыми для автомобильных и тракторных производств. Исключение составляет Суданская телекоммуникационная компания «Судатель».

Руководство ИРИ подписало протоколы о взаимопонимании в отношении следующих проектов:

- 1) создание химического завода в Сенегале;
- 2) постройка цементного завода в Алжире;
- 3) создание водоочистительного комплекса в Судане;
- 4) строительство 30 000 домов для малоимущих слоев в Нигерии [13];
- 5) завод по производству вакцин в Судане [17].

Необходимо ответить, что невысокий технологический уровень большинства создаваемых производств, а также их передача после завершения под управление местного персонала, не обладающего необходимым уровнем технических и управленческих навыков, не может обеспечить их долгосрочную эксплуатацию.

В области туризма ИРИ подписало протоколы о развитии сотрудничества с Тунисом, Ливией, Кенией и Зимбабве [18; 12; 11; 19]. Отсутствие у ИРИ высокого уровня экспертизы в реализации инфраструктурных туристических проектов, а также тот факт, что ИРИ наряду с Тунисом, Ливией, Кенией и Зимбабве относится к странам, не имеющим значительной внешней составляющей в области туризма, специализирующихся на приеме туристов из других стран, сложно говорить о каких-либо значительных перспективах развития иранских инвестиций в этом направлении.

Следует отметить также значительные иранские портфельные инвестиции в Судане.

Данные по инвестиционным проектам ИРИ в Африке, приведенные в табл. 1, позволяют сделать следующие выводы:

- 1) приоритетными для инвестиций ИРИ являются африканские страны, которые обладают как значительным потенциалом экономического развития, так и политическим влиянием в регионе. Ставка на привлечение африканских стран-лидеров имеет, по-видимому, определяющее значение для будущего иранского присутствия в Африке. Дело в том, что основанием возникающей парадигмы регионально-ориентированного развития Африки является все более утверждающийся региональный подход при формировании и реализации программ сотрудничества и развития стран африканского континента;

Таблица 1

Страна	Туризм	Переработка энергоносителей и энергетика	Сельское хозяйство	Строительство и недвижимость	Автомобильное и тракторное производство
Алжир		ИРИ		ИРИ	
Зимбабве	ИРИ				ИРИ
Кения	ИРИ				
Коморские Острова			ИРИ		
Ливия	ИРИ				
Нигерия		ИРИ		ИРИ	
Сенегал		ИРИ	ИРИ	ИРИ	ИРИ
Судан		ИРИ	ИРИ	ИРИ	
Танзания			ИРИ		
Тунис	ИРИ		ИРИ		
Эритрея		ИРИ			

2) инвестиции ИРИ сосредоточены в секторах с выраженной социальной направленностью и, скорее, имеют характер экономической помощи, предоставляемой в обмен на политическую поддержку политики ИРИ на международном уровне (и прежде всего – в вопросе развития ядерной энергетики), чем инвестиций в их традиционном понимании. Особенно явно это проявляется в отношении стран, тесно связанных с ИРИ политически и зачастую также находящихся в изоляции на международной арене, таких как Зимбабве, Судан и Эритрея. При этом размер инвестиций определяется, в первую очередь, уровнем поддержки, оказываемой политике ИРИ, а не экономической целесообразностью. Это позволяет отнести инвестиционную политику ИРИ к модели, основанной на политических и идеологических приоритетах, в которой экономическая рентабельность не играет ведущей роли. С точки зрения руководства ИРИ, использование этой модели способствует решению задач, которые оно относит к категории стратегических. Однако нерациональная трата ресурсов, являющаяся следствием такого подхода, с одной сторо-

ны, не способна обеспечить долгосрочное влияние ИРИ в этих странах, а с другой – ведет к ослаблению экономики ИРИ и таким образом может способствовать смене режима, как это продемонстрировал в XX в. опыт СССР.

В целом заметные результаты, достигнутые ИРИ в области развития отношений со странами Африки в течение 2000-х гг., показывают эффективность найденного внешне-политического инструментария, в котором инвестиционная политика играет ключевую роль. Успешность «закрытой» ИРИ на африканском континенте только подчеркивает правильность найденного алгоритма развития взаимодействия с государствами Африки.

Борьбу за «третий мир» ведет не только ИРИ. Как показал визит президента США Б. Обамы в Гану (4 июня 2009 г.), в американском видении будущего «демократии Африки» призваны следовать за «демократическим авангардом нового третьего мира», который могут сформировать, например, динамично развивающиеся страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

Второй сценарий для развивающихся стран предлагает Китай, который считает лидерство КНР в «третьем мире» естественным и на этой основе активно развивает отношения «стратегического партнерства» со странами Африки.

Иранская внешняя политика в Африке очевидно противопоставлена американской и вряд ли будет поддержана Пекином, который настороженно относится к попыткам оппортировать его право на лидерство в регионе.

Выступая 23 сентября 2010 г. на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, президент ИРИ М. Ахмадинежад подчеркнул, что «сегодняшний мир нуждается в логике всеобщей любви, справедливости и сотрудничества... Два обширных географических региона – Африка и Латинская Америка оставили позади себя целое десятилетие судьбоносных перемен. Новые подходы, применяющиеся на этих двух континентах и основанные на интеграции, максимально воз-

можном единстве и выработке местных образцов развития самих стран, принесли значительные выгоды народам этих двух регионов. Мудрость и рассудительность лидеров этих двух континентов заключается в разрешении региональных кризисов и противоречий без вмешательства внерегиональных игроков, стремящихся к господству в этих регионах». Как отметил далее М. Ахмадинежад, «Исламская Республика Иран за последние несколько лет расширила всесторонние связи с Латинской Америкой и Африкой» [25].

По большому счету, у Ирана есть шанс воспользоваться новыми основаниями международного взаимодействия, возникающими в условиях глобализации. Суть данного пути в том, чтобы, сохраняя принципы правления в самой ИРИ, наладить эффективный диалог с внешним миром в рамках новой региональной интеграции. И здесь потребуются провести тонкую грань между мессианским курсом ИРИ на «всемирную исламскую революцию» и участием страны в процессе глобализации. Точнее – регионализации как этапа глобализации.

Л и т е р а т у р а

[1] *Мохаммади Манучехр*. Будущее миропорядка и внешняя политика Исламской Республики Иран. – Тегеран: Ин-т международных отношений МИД /ИРИ/, 2009 (лето 1387 г.х.). – на перс яз.

[2] Программа девятого Правительства. Секретариат Совета по информации Правительства, 23.07-22.08.2005 г. (Барнаме-йе доулат-е нохом. Дабирхане-йе шоура-йе эттел`а расани-йе доулат. Мордад 1384). URL: <http://www.president.ir/fa/> (на перс. яз.). В число главных ориентиров развития Ирана входят: реализация 20-летнего плана развития страны (2006–2025 гг.); продвижение к обществу справедливости, процветания, здоровья и духовности; воспитание поколения сознательных, компетентных и готовых к воплощению всемирной справедливой власти (хокумат-е адл-е джахани); международная деятельность в направлении справедли-

восты, мира и уважения (Программа девятого Правительства. – С. 15–16).

[3] Хатами начал официальное турне по странам Африки // Тегеран, ИРНА, 11.01.05. URL: <http://www.iran.ru/rus/bulletins/politic/2005-1/#26700>

[4] Хатами: «Мы готовы передать свой опыт Нигерии» // ИРНА, 12.01.05. URL: <http://www.iran.ru/rus/bulletins/politic/2005-1/#26700>

[5] Ariel Farrar-Wellman. Comoros – Iran Foreign Relations. Iran Tracker, March 2, 2010. URL: <http://www.irantracker.org/foreign-relations/comoros-iran-foreign-relations>

[6] Ariel Farrar-Wellman. Eritrea – Iran Foreign Relations. Iran Tracker, January 17, 2010. URL: <http://www.irantracker.org/foreign-relations/eritrea-iran-foreign-relations>

[7] Ariel Farrar-Wellman. Senegal – Iran Foreign Relations. Iran Tracker, March 2, 2010. URL: <http://www.irantracker.org/foreign-relations/senegal-iran-foreign-relations>

[8] Ariel Farrar-Wellman. Sudan – Iran Foreign Relations, January 17, 2010. URL: <http://www.irantracker.org/foreign-relations/sudan-iran-foreign-relations>

[9] Ariel Farrar-Wellman. Tunisia – Iran Foreign Relations. Iran Tracker, May 9, 2010. URL: <http://www.irantracker.org/foreign-relations/tunisia-iran-foreign-relations>

[10] Chiponda Chimbelu. Iran makes inroads in parts of Africa. DW-World.DE, 28.02.2010. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5257032,00.html>

[11] Fars News Agency. Iran, Kenya Ink MoU on Tourism, 17.11.2007. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8608260578>

[12] Fars News Agency. Iran, Libya Sign Cooperation Agreements, 27.12.2007. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8610060220>

[13] Fars News Agency. Iran. Nigeria: FHA, Iran to Build 30,000 Homes, 06.09.2009. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8706161407>

[14] Fars News Agency. Iran, Senegal Sign 4 Agreements on Agricultural Cooperation, 03.02.2010. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8811140840>

[15] Fars News Agency. Iran, Tanzania Ink Agreement on Economic Cooperation, 17.01.2010. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8810270673>

[16] Fars News Agency. Iran to Help Development of Tanzania, Zanzibar Agriculture, 13.05.2009. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8802230449>

[17] Fars News Agency. Iran to Launch Vaccine-Production Plant in Sudan, 06.04.2010. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8901171055>

[18] Fars News Agency. Iran, Tunisia Review Cooperation, 15.01.2009. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8710260956>

[19] Fars News Agency. Iran, Zimbabwe Ink MoU on Tourism Cooperation, 27.01.2009. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8711081377>

[20] Fars News Agency. Nigeria to Partner Iran on Gas Exploration, 13.08.2008. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8705231052>

[21] Fars News Agency. Zimbabwean Firm Waiting for first Tractor CKD Cargo from Iran, 28.05.2008. URL: <http://english.farsnews.com/newstext.php?nn=8703081128>

[22] Iran Khodro Industrial Group News Website. IKCO Develops Overseas plants. 21.03.2010. URL: <http://news.ikco.com/%2fEN%2fNews.aspx%3fdocID%3d11180>

[23] <http://president.ir/fa/?ArtID=23447>

[24] <http://www.ifi-co.com/index.php?page=5>

[25] YouTube: Full speech by Mahmoud Ahmadinejad at UN. Russia Today. 23 September 2010. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=k4phNuwx8Hs>. Retrieved 24 September 2010. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QpAIHLsTkjo&feature=related>; IIPA, 11.01.05. URL: <http://www.iran.ru/rus/bulletins/politic/2005-1/#26700>

Г.М. Сидорова

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА КОНГО: СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ

Статья посвящена процессу политического урегулирования и демократизации в Д.Р. Конго после окончания «первой мировой африканской войны» под руководством Жозефа Кабила. Показано содержание «Межконголезского диалога», рассмотрены трудности конголезской «перестройки», организации и проведения президентских выборов 2006 г., сделан вывод о завершении переходного этапа в ДРК.

Ключевые слова: Конголезский кризис, Демократическая Республика Конго, Кабила, переходный этап, «Межконголезский диалог», конголезская «перестройка», «конголите», демократизация.

Конголезский кризис, затронувший более десятка африканских стран и повлиявший на судьбы миллионов людей, стал, пожалуй, самым масштабным и самым затяжным, который знала Африка в последнее время. Нигде больше на континенте не было такого сложного переплетения внутренних обстоятельств с вмешательством внешних сил, как в ДРК. К собственно этнополитическим распрям страны, вылившимся в гражданскую войну (1998–2003 гг.), добавились привнесенные на конголезскую территорию противоречия других стран, в первую очередь Руанды, Уганды и Бурунди. В итоге многонациональный конфликт достиг таких масштабов, что его справедливо стали называть «первой мировой африканской войной», а ДРК – «самой большой гуманитарной трагедией современности» [1, р. 65]. Многолетнее кровопролитие истощило людские ресурсы, подорвало национальную экономику, отбросило за черту бедности 60-миллионное население ДРК.

Предпосылки конголезского кризиса складывались задолго до его проявления. За годы правления маршала Мобуту (1965–1996 гг.) богатая природными ресурсами страна пришла в упадок, разрушилась промышленная инфраструктура, распался госаппарат. Преобладание теневой экономики позволяло нелегалам вывозить из страны дорогостоящие полезные ископаемые, включая золото и алмазы, что привело к обогащению лишь незначительной прослойки населения. Основная же масса населения была доведена до крайнего уровня бедности. Долгое время никто не задумывался, как сохранить государство, обеспечить достаток и мир жителям этой страны. В итоге разоренная страна погрузилась в хаос.

Одной из основных причин кризиса стали межэтнические противоречия. В конце 90-х гг. XX столетия усилилась вражда между этносами *хема* и *ленду*, имеющая глубокие социально-экономические корни. К ним добавилась проблема так называемых баньямуленге – конголезских тутси (менее 1% населения страны), которые в результате длительных миграционных процессов переселились на территорию ДРК из районов, приграничных с Руандой, Бурунди и Угандой. Их внедрение в социально-экономическую жизнь этих регионов породило у коренных жителей неприязнь к «пришельцам». Баньямуленге, в свою очередь, до сих пор выдвигают тезис о притеснении и настаивают на предоставлении им автономии. Более того, соседняя Руанда лоббирует свои интересы через этот этнос. Конголезский аналитик М. Чиембе назвал баньямуленге «троянским конем» в имперских амбициях Руанды и Уганды [2, р. 75].

С середины 1996 г. резко пошатнулась и политическая стабильность Заира. Нарастал вооруженный конфликт с отрядами руандийской народности хуту, пытавшихся захватить важные экономические районы на востоке Заира – вотчины местных тутси (баньямуленге). Вскоре ограниченный территориальный конфликт, возникший в районе Увира на востоке страны, вышел за рамки междоусобиц и влился в русло

«большой» политики Заира [3, р. 114]. Восставшие тутси присоединились к оппозиционным формированиям во главе с Л.-Д. Кабиллой, который долгое время вел партизанскую борьбу против режима Мобуту. В мае 1997 г. после успешного продвижения с боями против правительственных войск отряды Л.-Д. Кабила при опоре на Руанду вошел в Киншасу, провозгласил себя президентом, низвергнув власть Мобуту.

С приходом к власти Л.-Д. Кабила в ДРК обострились межэтнические и клановые противоречия. Кроме того, конфликт между этносами хуту и тутси в Руанде и Бурунди, перекинувшийся на территорию Заира, усилил напряженность в отношениях между соседними государствами. Л.-Д. Кабилле, возглавлявшему «Альянс демократических сил за освобождение Конго/Заира» (АДСОКЗ), противостояли два крупных военно-политических объединения: «Конголезское объединение за демократию» (КОД/Гома) и «Движение за освобождение Конго» (ДОК). Страна оказалась разделенной на три зоны. Внутренний вооруженный конфликт привел к гражданской войне, в которую были втянуты приграничные с ДРК государства. На стороне правительственных сил выступили Ангола, Намибия, Зимбабве. Конголезские вооруженные группировки поддерживали Бурунди, Руанда, Уганда. В 1999 г. в Лусаке (Замбия) всеми сторонами конфликта было подписано соглашение о прекращении огня. Однако ни повстанцы, ни соседние государства не выполнили это соглашение.

В начале 2001 г. в результате заговора Л.-Д. Кабила был убит. Страна так и не успела оправиться от глубочайшего политического и экономического кризиса. По мнению конголезских политологов, «блокирование Кабила» [4, р. 102] его же единомышленниками наступило вследствие незрелой политики сдерживания по отношению к многочисленным партиям, действовавшим на территории страны. В ситуации, сложившейся к тому моменту, провозглашение

плюрализма могло бы разрядить обстановку и дать желаемые политические дивиденды.

Президентом страны был назначен его сын, генерал-майор Жозеф Кабила, которому тогда едва исполнилось 30 лет [5, Винокуров Ю.Н.]. Его кандидатура устраивала, прежде всего, близкое окружение бывшего президента, а также была одобрена военными союзниками ДРК. В определенной степени сыграло восприятие Ж. Кабилы как политически неопытного и неангажированного преемника. Это допускало возможность выгодного манипулирования им правительственной и военной верхушкой, сохранявшей реальную власть. Важно было также сохранить приверженность принципам Кабилы-отца при определении новой политической линии страны в целях снятия возможных противоречий. Кроме того, выдвижение на высший государственный пост Ж. Кабилы, по мнению многих, предупреждало неизбежный конфликт и борьбу за власть между более сильными и авторитетными фигурами в конголезском руководстве.

Молодому вождю досталось беспокойное наследство. Пустая казна, разваленный госаппарат, глубоко въевшиеся во все сферы жизни махинации и коррупция, беспредел бандформирований, тысячи голодных обездоленных людей на фоне крайне тяжелой социально-экономической ситуации. Требовались глубокие структурные изменения во всех сферах жизни, поиск компромисса между враждующими группировками. Десятки подписанных соглашений о прекращении огня результатов не дали.

Наконец, «ветер перемен» пришел и в эту африканскую страну. В 2002 г. в Претории (ЮАР) лидеры группировок сели за стол переговоров, получивших название «Межконголезский диалог». В итоге было подписано «Глобальное и Всеобъемлющее соглашение о структурах переходного периода» [6, р. 49], предусматривавшее перевод в практическую плоскость политического урегулирования в ДРК. В основу документа легла классическая схема народовластия,

признающая право Ж. Кабилы занимать пост президента страны на переходный период. В то же время сложилась редкая, если не исключительная формула власти – президент плюс четыре вице-президента (А. Иеродия, З.А. Нгома, Ж.-П. Бемба и А. Руберва). Причем двое из них, наиболее влиятельные Ж.-П. Бемба и А. Руберва, принадлежали к вооруженной оппозиции, за ними стояло по 10 тысяч и более вооруженных боевиков. В недавнем прошлом эти лидеры контролировали целые провинции и не торопились разоружаться и добровольно интегрироваться в Вооруженные Силы (ВС) ДРК.

Таким образом, только в 2002 г. начался сложнейший этап конголезской «перестройки». При отсутствии единства в переходном правительстве надо было решить немалые задачи: завершить процесс формирования правовой базы, повысить обороноспособность страны путем воссоздания армии и полиции, ликвидировать вооруженные группировки, действовавшие на территории ДРК, восстановить государственную власть по всей стране и как завершение процесса переходного периода – провести общедемократические выборы.

При таком раскладе сил трудно было заранее предугадать сценарий, по которому будут развиваться события. Опыта для проведения столь масштабных мероприятий у политического руководства страны не было, не хватало и материальных средств даже при солидной помощи со стороны Евросоюза, ООН и других международных организаций. Более того, интересы отдельных клановых групп превышали общенациональные интересы. Об этом справедливо пишет Б.Э. Кабату-Суила: «Почти все политические лидеры переходного периода не верили ни в Глобальное и Всеобъемлющее соглашение, ни в Конституцию переходного периода, ни в объединение страны. Все их помыслы исходили из скрытых эгоистичных интересов» [7, р. 42].

Так, в переходный период много раз принимались, казалось, блестяще продуманные, календарные планы – «Дорожные карты». Однако полностью или частично они оставались на бумаге. Коалиционному правительству национального единства приходилось отвлекать внимание на урегулирование пограничных споров с соседними Руандой и Угандой, а также на усмирение бандформирований на востоке страны и улаживание междоусобиц между политическими оппонентами в Киншасе. Все это грозило срывом сроков и затягиванием процесса демократизации страны.

Тем не менее размах и амбициозность задач переходного периода заставили мобилизовать все внутренние ресурсы государства на реализацию намеченных программ. Большую нагрузку несла Независимая избирательная комиссия во главе с ее председателем аббатом Малу Малу. Особенно трудно пришлось в период регистрации избирателей в отдаленных населенных пунктах, где и по сей день отсутствуют транспортная инфраструктура, энергоснабжение и сеть коммуникаций. Электоральный материал, а это, помимо документации, многотонное оборудование, не всегда достигал намеченной цели. Перегруженные пироги уходили на дно рек, грузовики переворачивались на размытых дорогах, бумага размокала под тропическим ливнем.

Кроме того, перепись электората проводилась в условиях каждодневной борьбы сторонников и противников демократических преобразований. Нередкими были случаи поджогов и грабежей избирательных пунктов, убийств переписчиков, запугивания и угроз телесной расправы над теми, кто осмелится принять участие в мероприятии. Тем не менее население страны было настроено на выборы, хотя далеко не все понимали суть происходящего. Многие конголезцы рассматривали выборы как «спасительную панацею» [8, р. 145] от тех лишений, которые принесла им война.

Несмотря на происки и давление со стороны консервативных кругов, настроенных отодвинуть сроки выборов,

избиркому удалось оставаться в рамках электорального графика. При содействии ЮАР было отпечатано и доставлено во все провинции страны 30 млн избирательных бюллетеней, изготовленных в виде красочных плакатов с фотографиями кандидатов и логотипами партий. Растиражировано внушительное число дидактической литературы, где подробно описывались система голосования, структура будущей власти и прочие необходимые сведения. Опубликованы списки избирателей.

Вскоре из бесед с местными жителями стало ясно, каким образом складываются симпатии конголезцев к своим избранникам. Одни отдавали предпочтение тем кандидатам, чьи вывески и проспекты выглядели красочнее и богаче, в надежде, что в будущем наступят улучшения и в их жизни. Другие руководствовались принципом этнического или кланового родства. Третьи стремились уничтожить всю агитпродукцию, которой была обклеена столица. А кто-то, наиболее аполитичный, больше внимания обращал на грамматические ошибки, допущенные при печати.

ДРК по историческим меркам за короткие сроки сделала мощный рывок на пути к демократии. В 2005 г. было зарегистрировано 25 миллионов (при 60-миллионном населении) потенциальных избирателей, оборудовано 50 тыс. избирательных участков, состоялся конституционный референдум. В ходе его возникли большие споры относительно пункта основного закона о национальности. В парламенте ДРК долгое время велись жаркие споры, кого же надо считать конголезцем. В прессе появился даже новый термин «конголите», что-то близкое к понятию о «чистоте» конголезской нации. И хотя закон о гражданстве был принят в переходный период, его толкование осталось противоречивым. Остроту дебатам придавали также положения о государственных постах. В феврале 2006 г. Ж. Кабила утвердил новую конституцию III Республики и закон о всеобщих выборах, определивший сроки и порядок их проведения. Речь шла о

президентских, парламентских и выборах в местные органы самоуправления. Изменилась геральдика страны. На гербе лев уступил место леопарду, а флаг вернул свое обличие времен 1963–1971 гг.

Подготовка к выборам в ДРК, намеченным на 30 июля 2006 г., проходила на фоне перманентных политических и экономических кризисов, безработицы, а также роста преступности и беспризорности. Для смягчения разногласий и бескровного проведения выборов, при содействии ООН и Афросоюза, был создан «Международный комитет старейшин» во главе с бывшим президентом Мозамбика Ж.А. Чиссано, призывавший кандидатов к терпению и сдержанности. С этой целью под давлением международного сообщества были созданы смешанные комиссии с участием обеих сторон.

В президентском марафоне приняло рекордное число кандидатов – 33 человека, в борьбе за места в Национальное Собрание – свыше 9,5 тыс. человек. Главными среди соперников стали президент Ж. Кабила и вице-президент Ж.-П. Бемба.

По мере приближения выборов вокруг этих кандидатов сложились две крупные партийные платформы – «Альянс президентского большинства» (АПБ), поддерживающий Ж. Кабилу (около 30 партий) и «Союз в поддержку нации» (24 партии) (СПН) во главе с вице-президентом Ж.-П. Бембой. В их состав вошли маститые политики, занимавшие ключевые позиции во властных и институциональных структурах ДРК. На фоне этих двух мощных блоков в стране продолжали действовать и играть важную роль в созидательных процессах новые другие партийные объединения. К началу 2007 г. их число достигло 300. Наряду с крупными структурированными партиями оставалось много так называемых «карликовых» объединений, не имеющих четко выраженной политической платформы или концептуальной основы. Образованию такой многопартийной системы способ-

ствовал принцип политического плюрализма, лежащий в основе указа президента ДРК от 2001 г. и закона о партиях, принятого в 2004 г.

Собственно день президентских (первый тур) и парламентских выборов, несмотря на накаленную политическую атмосферу, прошел успешно. Ситуация коренным образом изменилась сразу же после подсчета голосов, накануне объявления предварительных результатов. В ночь с 20 на 21 августа 2007 г. в Киншасе прошли столкновения между военизированной охраной Ж.-П. Бембы и национальной гвардией Ж. Кабилы с применением тяжелого оружия. Соперники вели перекрестный огонь на протяжении двух последующих дней. Разрядить обстановку удалось благодаря дипломатическим усилиям, в первую очередь, Миссии ООН в ДРК и Евросилам.

Лидерами первого тура голосования стали Ж. Кабила (44,8% голосов), Ж.-П. Бемба (20%), А. Гизенга (13%), Н. Мобуту (4,77%) [9, *Le Potentiel*] – сын маршала Мобуту. На парламентских выборах большинство голосов получила платформа АПБ.

Обстановка между двумя турами президентских выборов продолжала оставаться напряженной. Ж. Кабила и Ж.-П. Бемба – основные конкуренты – занимали непримиримую позицию по отношению друг к другу. 29 октября 2006 г. состоялся второй тур президентских выборов и выборы в местные законодательные органы власти.

Победителем президентских стал действовавший президент Ж. Кабила, набравший 58,5% голосов избирателей. Проигравший Ж.-П. Бемба (41,5% голосов) так и не примирился с победой Ж. Кабилы. Он объявил о продолжении политической борьбы в качестве лидера республиканской оппозиции. В марте 2007 г. в Киншасе началась операция по разоружению военизированной охраны Ж.-П. Бембы. В центре столицы завязались перестрелки между бембовскими боевиками и правительственными войсками. Столкновение

приобрело затяжной характер с применением артиллерии и танков, а вскоре переросло в вооруженный конфликт.

Разрядить обстановку удалось благодаря дипломатическим усилиям, а также Евросилам, расставившим в столице свои блокпосты [10, примеч.]. Большую роль в стабилизации ситуации сыграла Миссия ООН в ДРК. В ее задачи входила защита мирного населения и сопровождение процессов демократического строительства в стране. Начиная с 1999 г. миротворцы обеспечивали безопасность в наиболее горячих точках, труднодоступных районах и, особенно, в проблемных восточных провинциях. В свете резолюции 1756 г. СБ ООН [11, примеч.], продлившей мандат Миссии до 31 декабря 2008 г., ее полномочия были расширены. У «голубых касок» появился весомый аргумент для силовой поддержки ВС ДРК в случае необходимости, в то время как ранее их действия ограничивались главой 7 Устава ООН о самообороне. Оновцы будут также принимать участие в обучении интегрированных бригад национальной армии. По последним данным, в ее рамках работает 21 905 специалистов из 119 стран мира. В основном это миротворцы из Индии, Пакистана, Бангладеш, Уругвая, Непала и ЮАР. Представлена также и Россия.

После мартовских событий 2007 г. оппозиционный блок СПН во главе с Ж.-П. Бембой так и не смог восстановить свои силы и начать активную деятельность. Часть его лидеров образовала самостоятельные фракции, часть откололась или прекратила свое членство в этом политическом альянсе. Ее лидер Ж.-П. Бемба, во избежание физической расправы, был вынужден скрываться в Португалии. А в мае 2008 г. был задержан в Брюсселе по факту обвинения в преступлениях перед человечеством на основании ордера на арест Международного уголовного суда в Гааге. Расследование его дела, похоже, затянулось надолго, поскольку ни в 2009 г., ни в 2010 г. суд над Ж.-П. Бембой так и не состоялся.

Так закончился важный этап в истории ДРК. Преодолев тернистый путь, страна добилась главной цели переходного периода – проведения общенациональных выборов. В стране был избран президент, депутаты парламента, губернаторы, провинциальные законодательные органы, завершилось формирование правительства. Вместе с легитимной властью наметились предпосылки для восстановления жизненно важных структур страны и дальнейшего развития демократических институтов в ДРК.

Л и т е р а т у р а

[1] *Braeckman C.* Un pays ou tous les chantiers sont ouverts // Petit futé CONGO République Démocratique 2006-2007. – Paris, Ed. Nouvelles Editions de l'Université, 2007.

[2] *Tshiyembe M.* Géopolitique de paix en Afrique médiane. – Paris, Editions L'Harmattan, 2003.

[3] *Muchukiwa B.* Territoires ethniques et territoires étatiques. Pouvoirs locaux et conflits interethniques au sud-kvu (R.D.Congo). – Paris, Editions L'Harmattan, 2006.

[4] *Mungala A.S.* Le consensus politique et la Renaissance de la République Démocratique du Congo. – Kinshasa, 2004.

[5] *Винокуров Ю.Н.* Демократическая Республика Конго: Власть и оппозиция. – М.: Восточная литература РАН, 2003.

[6] Dialogue intergongolais, Journal Officielle de la République Démocratique du Congo, Numero special, 5 avril 2003.

[7] *Kabatu-Suila B.* Le Congo en marche. – Kinshasa, 2004.

[8] *Marysse S., Reyntjens F. et Vandeginste S.* L'Afrique des Grands Lacs. Annuaire 2006-2007. – Paris: Editions L'Harmattan, 2007.

[9] Le Potentiel, 25 aout 2007, Kinshasa.

[10] В соответствии с резолюцией номер 1671 СБ ООН в ДРК были направлены военные контингенты из 20 стран Евросоюза и Турции.

[11] Conseil de securité. Vingt-quatrieme rapport du Secrétaire général sur la Mission de l'Organisation des Nations Unies. République Démocratique du Congo. S/2007/671.

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Л.Я. Прокопенко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АФРИКЕ

В статье рассмотрена роль политических элит государств Африки в интеграционных процессах, происходящих на континенте. Специальное внимание уделено вопросу участия африканских лидеров в деятельности Африканского Союза в 2000-е гг., а также их отношения к проблеме создания Соединенных Штатов Африки. Сделан вывод, что на современном этапе именно качество национальных правящих элит в значительной степени определяет не только эффективность интеграционных процессов, но и само историческое будущее стран континента.

Ключевые слова: Интеграция, Соединенные Штаты Африки, качество национальных элит, Африканский Союз.

В государствах Африки процесс интеграции начался после обретения политической независимости большинством стран континента в 1960-х гг. Идея создания «общего африканского дома» была выдвинута еще первым поколением лидеров независимых государств континента – Кваме Нкрумой (Гана), Кеннетом Каундой (Замбия), Секу Туре (Гвинея), Лепольдом Сенгором (Сенегал), Джулиусом Ньерере (Танзания). Создание в июле 2002 г. Африканского Союза (АС) на базе Организации африканского единства (ОАЕ) – самой крупной региональной международной межправительственной организации – стало значительным этапом развития дальнейшей политической и экономической интеграции на континенте. Перед африканскими лидерами, среди которых есть немало лидеров так называемой новой («третьей») вол-

ны демократизации, на этом пути стоит целый ряд сложных проблем. Многие обусловлены тем, что африканские государства весьма разнородны как по типу государственного устройства, так и по уровню экономического развития. Например, ЮАР и Ботсвана являются развивающимися государствами со стабильным ростом экономики, а Замбия, Мали, Нигер, Мозамбик и другие страны получают финансовую помощь Международного валютного фонда (МВФ) по программе НИРС (Heavily Indebted Poor Countries), предоставляемую беднейшим странам с высокой внешней задолженностью.

С конца 1990-х гг. лидеры государств Африки стали инициаторами и прилагали активные усилия по практической реализации идей и инициатив, имеющих всеафриканский масштаб, – концепции «африканского ренессанса», программы НЕПАД и создания Африканского Союза.

Идея гармоничного развития континента под названием «африканский ренессанс», выдвинутая президентом Южно-Африканской Республики Табо Мбеки в 1998 г., появилась практически одновременно с возрождением идеи африканского единства. Задачами «африканского ренессанса» были объявлены:

- создание демократических политических систем, обеспечивающих участие народа в управлении государством (при этом формы этих демократий должны учитывать африканскую специфику);
- достижение устойчивого экономического развития, результатом которого является постоянное улучшение жизненных стандартов и качества жизни народных масс;
- успешная борьба против пандемии ВИЧ/СПИДа;
- восстановление культур Африки, поощрение художественного творчества и доступ к передовой науке и технологии [1].

По существу, концепция «африканского ренессанса» рассматривалась в русле тезиса о необходимости формирования многополярного мира и представлялась ответом на вызовы глобализации [2, с. 58]. Многие из намеченных планов по ряду причин объективного и субъективного характера реализованы не были. Как отмечают известные российские исследователи А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, в конце 2000-х гг. «само словосочетание “африканский ренессанс” вышло из моды довольно быстро, но пропаганда африканского наследия продолжалась» [3, с. 433–435].

Планы интеграции нашли свое выражение также в программе НЕПАД («Новое партнерство для развития Африки» (New Partnership for Africa's Development, NEPAD) – новой масштабной программе стратегии развития Африки, в которой определяется ее место в современном мире, содержится конкретный комплекс мер в сфере экономики государств континента, а также выражается надежда на партнерство глобального уровня при ее реализации. НЕПАД – первая программа развития континента, выдвинутая самими африканцами. НЕПАД объединил в себе две программы: во-первых, совместно подготовленную и выдвинутую на саммите ОАЕ в 1999 г. президентом ЮАР Т. Мбеки, президентом Алжира Абдельазизом Бутефликой, а также президентом Нигерии Олусегуном Обасанджо (присоединился к ним в 2000 г.) и, во-вторых, Программу Тысячелетия по партнерству ради африканского восстановления (The Millennium Partnership for the African Recovery Programme – MAP), а также План Омега (Omega Plan) президента Сенегала Абдулая Вада. 11 июля 2001 г. в г. Лусаке (Замбия) на очередной встрече ОАЕ на высшем уровне эти два документа были одобрены и объединены в Новую африканскую инициативу (во многом повторявшую MAP). На первом заседании Комитета по осуществлению программы (г. Абуджа, Нигерия, октябрь 2001 г.) в документ были внесены поправки и он был утвержден под названием «Новое партнерство для развития

Африки» (НЕПАД). Его секретариат был размещен в г. Мидранд (ЮАР). На первом саммите АС (г. Дурбан (ЮАР), июль 2002 г.) НЕПАД был объявлен его оперативной экономической программой.

Создание Африканского Союза, объединившего 52 государства континента, стало результатом реализации идеи африканского единства, к которой призвал в 1999 г. ливийский лидер Муаммар Каддафи. Фактически он еще раз «озвучил» идею общеафриканской федерации, провозглашенную более пятидесяти лет назад первым президентом Ганы Кваме Нкрумой. Первоначально по инициативе Каддафи были разработаны довольно амбициозные планы скорейшего объединения африканских государств, например создание до 2000 г. Всеафриканского парламента (ВАП). Объективными причинами создания АС, заменившего ОАЕ, стали кардинальные изменения в расстановке политических сил в мире за время ее существования (1963–2001 гг.) и достижения на рубеже нового тысячелетия части задач, поставленных перед ОАЕ в качестве первоочередных. Проблемы современного экономического развития государств Африки требовали поиска новых подходов и механизмов. Лидер Ливии заявил также о необходимости создания Соединенных Штатов Африки. Некоторые на Западе подвергали сомнению, что инициатива лидера Ливии – страны, которую рассматривали в то время как государство-изгой, может найти отклик у других африканских лидеров [4, с. 71]. Однако встреча на высшем уровне ОАЕ, созванная в г. Сирте (Ливия) в сентябре 1999 г., приняла решение о создании АС, отражающего стремление к большей степени единства, чем это осуществлялось в рамках ОАЕ.

Главы государств континента одобрили Учредительный акт Африканского Союза на саммите ОАЕ в июле 2000 г. в г. Ломе (Того), тогда же было официально объявлено о планах создания АС. На 37-й сессии Ассамблеи ОАЕ в столице Замбии г. Лусака (июль 2001 г.) был утвержден па-

кет документов, определяющих структуру и правовую базу новой организации. К этому моменту Акт был ратифицирован 51 африканской страной. Он заменил Устав ОАЕ, который, тем не менее, продолжал действовать еще год в течение переходного периода от ОАЕ к АС. Первый саммит Африканского Союза состоялся 9–10 июля 2002 г. в г. Дурбан (ЮАР). Председателем АС был избран президент ЮАР Табо Мбеки, штаб-квартира АС была размещена в г. Аддис-Абеба (Эфиопия).

Преимуществом новой организации, подчеркнутая в Учредительном акте АС, выражалась в готовности глав государств и правительств стран-членов содействовать единству, солидарности, сплоченности и сотрудничеству между народами и государствами африканского континента. Основными задачами АС были провозглашены ведение диалога с мировым сообществом с единых позиций (в том числе принятие решений, которые будут способны отвечать на вызовы экономической глобализации), защита суверенитета, территориальной целостности государств-членов, содействие поддержанию мира, безопасности и стабильности на континенте, а также эффективное разрешение региональных конфликтов.

Основное отличие АС от ОАЕ состояло в том, что основным приоритетом деятельности новой организации была провозглашена экономическая интеграция. ОАЕ же в качестве главной задачи для принятия коллективных мер по защите национальной независимости и территориальной целостности молодых африканских государств рассматривала политическую интеграцию. В мировой истории было немало примеров интеграции, основанной на сближении экономических интересов, и такой путь правящим политическим элитам континента представлялся наиболее эффективным для решения многочисленных проблем африканской действительности. Принятое Союзом решение оказывать содействие развитию интеграционных процессов, опираясь на уже действующие политико-административные объединения юга и

севера континента, Западной и Восточной Африки, свидетельствовали о понимании главами государств проблем, с которыми им придется столкнуться на длинном и нелегком пути и готовности к их преодолению.

Одним из основополагающих принципов деятельности АС было провозглашено уважение государственных границ государств – членов организации, которые существовали на момент получения ими независимости. Это представляет особую актуальность для стран африканского континента, так как опасность возможного разжигания местными элитами и ТНК территориальных споров, межэтнических конфликтов, сепаратистских настроений и организации государственных переворотов с целью контроля над залежами полезных ископаемых (особенно в приграничных районах) остается вполне реальной. Военные перевороты в Гамбии, Заире, Кот-д’Ивуаре, Нигере, Руанде, Сьерра-Леоне и других странах континента, оказавшие влияние на соседние государства, – яркое тому подтверждение. В Учредительном акте АС акцентировалось внимание на взаимозависимости государств-членов. Выполнение всех этих положений должно было способствовать повышению политической ответственности африканских лидеров.

Однако с первых дней существования АС политические элиты региона столкнулись с определенными проблемами, например противостоянием лидеров при согласовании на саммите в г. Лусака (2001 г.) кандидатуры нового Генерального секретаря ОАЕ (он должен был вести работу по ее преобразованию в АС), затяжным (восемь раундов) процессом выборов постоянного председателя Комиссии АС и его заместителей на Ассамблее АС в 2003 г. в г. Мапуту. Серьезной проблемой для руководства АС стала также нехватка финансовых средств. В октябре 2003 г. задолженность по уплате членских взносов 11 стран – членов организации составила 44 млн долл. США, и они были лишены права выступать на заседаниях Союза. Такое положение дел поставило

АС в зависимость от внешнего финансирования, ограничивало свободу действий и «непосредственно отражалось на его способности осуществлять миротворческие миссии» [5, с. 4]. Например, после отказа африканских лидеров осудить политику президента Зимбабве Роберта Мугабе Европейский союз в 2003 г. заморозил выделение 250 млн. евро, предназначенных для миротворческой деятельности АС.

Усилия политических элит Африки по формированию структур АС привлекли внимание международных организаций. На саммите в Мапуту присутствовали генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, президент Еврокомиссии Романо Проди и исполнительный директор Международного валютного фонда Херст Келер. Россия также поддержала стремление африканских государств к достижению единства. В посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина председателям АС президенту ЮАР Т. Мбеки и президенту Мозамбика Ж. Чиссано подчеркивалась готовность российского руководства к сотрудничеству с Африканским Союзом. Необходимо также отметить, что главы некоторых государств Африки (например, ЮАР, Анголы, Мозамбика и Намибии) восприняли как проявление неуважения к континенту в целом и к АС в частности тот факт, что тогдашний президент США Джордж Буш, совершая поездку по ряду африканских стран непосредственно накануне и в дни проведения саммита Африканского Союза (7–12 июля 2003 г.), не посетил Мозамбик. Негативная реакция некоторых западных лидеров в определенной степени была вызвана довольно резкими высказываниями ливийского лидера. Например, 22 апреля 2001 г. на форуме в Триполи Муаммар Каддафи заявил, что «мы должны потребовать от белых компенсации за колонизацию и геноцид, которые они устроили на нашей земле», и призвал Африку «избавиться от культурного наследия белых людей» [6].

Учитывая реалии африканской действительности, объективные трудности и проблемы субъективного характе-

ра, с которыми АС столкнулся уже в начале своего существования, большинство зарубежных и отечественных исследователей считают, что его создание открыло новую главу в истории африканского континента. Российский исследователь Ю.В. Потемкин отмечал, что создание АС «означало безусловный шаг вперед в развитии идеи и практики африканской интеграции и может способствовать выработке государствами континента единой позиции перед лицом глобальных вызовов современности» [7, с. 18].

Ливийский лидер Муаммар Каддафи вернулся к идее создания Соединенных Штатов Африки в июне 2007 г. на очередном, 11-м саммите АС, проходившем в г. Аккра (Гана). Эта идея вызвала серьезный раскол между участниками саммита. Блок противников Каддафи возглавила ЮАР, которая считала данный проект нецелесообразным и далеким от реальности. Вопрос создания Соединенных Штатов Африки, и прежде всего формирования общеафриканского правительства, стоял также на повестке дня двух следующих саммитов Африканского Союза. Лидеры африканских стран в числе других рассматривали тему создания федерального правительства на 11-м Саммите, состоявшемся в Шарм-эль-Шейхе (Египет) в июне 2008 г. Инициатор формирования африканского правительства ливийский лидер Муаммар Каддафи настаивал на скорейшем принятии решения по данному вопросу. Он заявил, что создание единого африканского правительства будет способствовать развитию континента и позволит ему избавиться от внешней зависимости. В распространенной на саммите его письменной речи отмечалось: «Необходимо незамедлительно приступить к созданию федерального африканского правительства, которое будет реализовывать общую программу в политической, экономической, культурной и социальной областях» [8].

Однако подготовленный экспертами АС доклад о проекте правительства Африки вызвал у ряда лидеров стран континента серьезные сомнения. На саммите разгорелась

дискуссия о темпах принятия решения по данному вопросу. В частности, премьер-министр Эфиопии Мелеса Зенауи от имени группы африканских лидеров заявил, что в вопросе создания континентального правительства проявляется излишняя поспешность. А президент Экваториальной Гвинеи Теодор Обианг Нгема затронул весьма болезненный аспект в реализации проекта М. Каддафи, в результате которого каждая из стран будет вынуждена делегировать часть своих прав общеафриканскому правительству. Он подчеркнул, что сначала необходимо реализовать идею создания Объединенных Штатов Африки, куда вошли бы все африканские государства при сохранении своего суверенитета. Из-за разногласий африканских лидеров было принято решение доработать предложение Каддафи до созыва очередного саммита и рассмотреть их отдельно от остальных вопросов, выделив для этого целый рабочий день следующего форума Африканского Союза.

Формирование единого правительства Африки стало главной темой первого дня 12-го саммита Африканского Союза, который проходил в Аддис-Абебе (Эфиопия) 1–3 февраля 2009 г. Главный идеолог африканского единства ливийский лидер Муамар Каддафи был избран председателем АС. Высказываясь за формирование единого правительства, которое должно было стать первым шагом на пути к Соединенным Штатам Африки, он еще раз подчеркнул ту роль, которую оно может сыграть в реализации общей программы в политической, экономической, культурной и социальной областях [9]. В ходе оживленной дискуссии выяснилось, что стороны, однако, расходятся в сроках формирования единого правительства. Более того, не все суверенные государства континента были готовы делегировать часть своих полномочий федеральному правительству. Большинство африканских лидеров выражали мнение о недопустимости принятия поспешных решений в этом вопросе, они считают, что предложения Каддафи нуждаются в доработке. На-

пример, по мнению президента Египта Хосни Мубарака, африканское единство требует больших усилий на нескольких направлениях, прежде всего в достижении экономической интеграции, прочного мира, безопасности и стабильности во всех уголках континента.

Именно в кризисном состоянии африканской экономики многие африканские лидеры усматривают одну из угроз африканской интеграции. Как справедливо отмечают российские исследователи В.Г. Шубин и Ю.В. Кораблев, «какие бы концепции ни выдвигались и какие бы календари по осуществлению программ ни разрабатывались, их реализация на практике зависит, прежде всего, от социально-экономической обстановки в африканских странах» [4, с. 73].

С начала 2000-х гг. Африка продемонстрировала достаточно быстрый экономический подъем. В сфере экономики наметилась положительная тенденция: в 2006 г. рост ВВП выше 5% наблюдался в 23 странах, а в 2007 г. их было уже 30 [10, с. 3]. Эти значимые результаты были достигнуты благодаря более эффективному экономическому менеджменту, а также внедрению надлежащего правления. В 2000-е гг. страны Африки сделали существенные успехи в утверждении методов так называемого «надлежащего правления» (good governance), являющегося одним из параметров концепции устойчивого развития. Например, ЮАР приняла активное участие в создании в 2002 г. Африканского механизма взаимного контроля (АПРМ – African Peer Review Mechanism), позволяющего оценивать политические, экономические и корпоративные стандарты правления. К 2007 г. она завершила мониторинг и представила доклад на эту тему. Признавая многие западные понятия «good governance» и самой демократии, в нем указывалась необходимость эффективного использования африканской специфики, в первую очередь местные традиции коллективизма и особенности африканского менталитета.

Позицию африканских лидеров, не поддержавших идею М. Каддафи о скорейшем создании единого континентального правительства, разделяет президент Южно-Африканской Республики Джекоб Зума. Он вместе с другими африканскими лидерами настаивает на первоочередном решении экономических задач. В июне 2009 г., открывая в Кейптауне Всемирный экономический форум для Африки, в котором приняли участие 50 государств, Дж. Зума поднял проблему выхода Африки из мирового финансового кризиса, который больно ударил по национальным экономикам. С его точки зрения, африканские страны страдают от усиления протекционистских мер со стороны развитых стран и не могут с ними мириться. Южноафриканский президент призвал политические элиты континента более широко использовать свои возможности в деле экономической интеграции [11]. Дж. Зума заявил также, что один из главных уроков финансового кризиса заключается в потребности перестройки глобальной финансовой системы, а также бреттон-вудских институтов – Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ). По его мнению, они должны соответствовать реалиям изменившегося мира, в котором происходит усиление роли развивающихся государств.

Дальнейшему продвижению идеи объединения стран Африки в федеративное государство помешала смена председателя Африканского Союза, которым на очередном саммите АС, проходившем в феврале 2010 г. в столице Эфиопии г. Аддис-Абеба, был избран президент Малави Бингу ва Мутарика. Необходимо отметить, что сторонники данной идеи во главе с Каддафи предпринимали попытки продлить его пребывание на этом посту еще на один срок. Против этого, однако, активно выступили лидеры ЮАР, Уганды и Эфиопии. Сам Каддафи заявил, что не откажется от продвижения идеи создания Соединенных Штатов Африки: «Мне достаточно моральной ответственности, возложенной на меня как на короля королей Африки. Весь мир объединяется, а мы по-

ка бездействию» [12]. Действительно, он также упорно настаивал на включении обсуждения данной проблемы в повестку дня следующего, 15-го саммита Африканского Союза, который состоялся в июле 2010 г. в г. Кампала (Уганда).

Отстаивая свою позицию, М. Каддафи неоднократно говорил также об угрозе для стабильности Африки возможного превращения Южного Судана в отдельное государство. В этой связи ливийский лидер во время работы 2-го арабо-африканского саммита (г. Сирт, Ливия, октябрь 2010 г.), на котором он был председателем, предупредил о возможности начала новой волны сепаратизма на континенте [13].

Необходимо отметить, что при рассмотрении практически всех проблем функционирования африканских правящих политических элит в 2000-е гг. прослеживается возросшее влияние фактора имиджа политика, власти и политического процесса в целом. Это является мировой тенденцией, о которой применительно к США писал в середине 1960-х гг. американский историк и социолог Даниэл Бурстин: «Наша национальная политика – скорее борьба за имидж и между имиджами, соревнование идей» [14, с. 84]. В современных условиях национальный и международный имидж политической элиты, прежде всего ее лидеров, становится одним из стратегических аспектов внешней политики государства. В этой связи возвращение к вопросу создания всеафриканского правительства можно рассматривать в качестве определенного соперничества африканских региональных лидеров. Речь идет, прежде всего, о ливийском лидере М. Каддафи и о прежнем и нынешнем президентах ЮАР. В вопросе африканской интеграции фактически сталкиваются их политические имиджи, которые в современных условиях в международных отношениях играют большую роль. Перед М. Каддафи стоит задача восстановления своего политического имиджа после долгих лет забвения из-за обвинений Ливии в терроризме. А президент ЮАР Дж. Зума пытается закрепить достигнутые лидерские позиции ЮАР в Африке,

осуществленные его предшественником – Т. Мбеки. У ЮАР в этом плане уже есть значимые успехи. Дж. Зуме с первых же месяцев своего президентства удалось наладить конструктивные отношения с администрацией президента США Барака Обамы. Между американским и южноафриканскими президентами установились конструктивные отношения в ходе саммита «Большой восьмерки», который состоялся в июле 2009 г. в г. Аквила (Италия). Именно с президентом ЮАР Б. Обама провел одну из двух двусторонних встреч на этом саммите.

Практика показывает, что в Африке интеграцию – постоянное развитие и углубление непосредственных межгосударственных связей на уровне самих стран и их объединений – на практике часто заменяют декларации о сотрудничестве, которые являются только подготовительным этапом к реальному объединению. По мнению российских исследователей, занимающихся темой африканской интеграции, одной из ее проблем «является отсутствие должной координации и гармонизации деятельности РЭС (региональных экономических сообществ), рост числа объединений, что зачастую приводит к участию африканских государств в нескольких из них одновременно» [15, с. 13]. На сегодняшний день эффективность многих интеграционных объединений остается незначительной из-за незрелости социально-экономических отношений, неразвитости структуры экономики и финансовой инфраструктуры стран-участниц.

Большинство африканских политических элит признают трудности осуществления африканской политической и экономической интеграции. Прежде всего, они понимают, что это долговременная задача. Большая часть лидеров государств Африки отстаивают поступательное развитие континента, в центре которого ставится решение социально-экономических задач. Пример протяженного во времени создания Европейского союза доказывает, что такая взвешенная позиция большинства африканских лидеров имеет под собой

реальные основания. Межгосударственная интеграция в Африке – объективный процесс, который должен и будет развиваться в будущем. Успех этого процесса напрямую зависит от компетентности и доброй воли национальных правящих элит. На современном этапе именно их качество в значительной степени определяет не только эффективность интеграционных процессов, но и само историческое будущее стран континента.

Л и т е р а т у р а

[1] African Renaissance and International Cooperation Act. URL: <http://www.polity.org.za/govdocs/legislation/2000/act51pdf>

[2] См. подробнее: *Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г.* Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности. – М.: Институт Африки РАН, 2001.

[3] *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Южная Африка: власть, демонтаж апартхеида, новые политические ориентиры // Современная Африка: метаморфозы политической власти. – М.: Вост. лит., 2009.

[4] *Кораблев Ю.В., Шубин В.Г.* Африканский Союз // Страны Африки 2002. – М., 2002.

[5] *Малока Э.* К Африканскому ренессансу: Африканский Союз и Новое партнерство для развития Африки (НЕПАД). Доклад исполнительного директора Института Африки ЮАР на 9-й конференции африканистов (Москва, май 2002). – М., 2002.

[6] *Давидсон А.Б.* Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история. – 2002. – № 2.

[7] Африканская интеграция: социально-политическое измерение. – М.: Институт Африки РАН, 2003.

[8] <http://www.rian.ru/world/20080702/112754947.html>

[9] <http://www.telegraph.co.uk/.../Muammar-Gaddafi-vows-to-create-United-States-of-Africa.html>

[10] *Васильев А.М.* Африка: виден ли свет в конце тоннеля? // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 9.

[11] <http://www.pravda.ru/news/world/10-06-2009/313876-africa-0>

[12] <http://www.france24.com/en/20100131-malawis-president-succeed-gaddafi-au-chairman>

[13] <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101011021207.shtml>

[14] Цит. по: *Шаилов М.Н.* Политический имидж как актуальный предмет исследования // Актуальные проблемы политологии. – М.: МАКС Пресс, 2001.

[15] *Корендясов Е.Н., Усов В.А., Шубин В.Г.* Африканский Союз: формирование, деятельность, перспективы сотрудничества с Россией // Россия – Африка: новые ориентиры взаимоотношений. – М.: Институт Африки РАН, 2010.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Е.А. Долгинов

ГЛАВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ АЛМАЗОНОСНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В АФРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

В статье приведены результаты исследования, проведенного в Лаборатории геологии зарубежных стран Инженерного факультета Российского университета дружбы народов в рамках проекта по договору с В/О «Зарубежгеология» МПР РФ. На широком страновом материале показаны главные закономерности размещения месторождений алмазов в Африканском регионе.

Ключевые слова: алмазы, Африка, закономерности, перспективы.

Африка является регионом наиболее широкого распространения коренных и россыпных месторождений алмазов и наиболее значительной их добычи, начиная со второй половины позапрошлого столетия.

Исследованием, проведенным в Лаборатории геологии зарубежных стран инженерного факультета Российского Университета дружбы народов в рамках проекта по договору с В/О «Зарубежгеология» МПР РФ, выявлены следующие главные закономерности размещения месторождений алмазов в Африканском регионе.

Пространственное соотношение кимберлитов и связанных с ними коренных месторождений алмазов с возрастными неоднородностями докембрийского фундамента.

Африка является регионом сосредоточения наибольшего количества коренных и россыпных месторождений алмазов. Это обусловлено тем, что в тектонической инфра-

структуре материка большое значение имеют древние архейские (2,5 млрд лет) и палеопротерозойские (2,0–1,8 млрд лет) кратоны, которые, согласно «правилу Клиффорда», являются структурами наиболее благоприятными для образования кимберлитов и их алмазоносных фаций. Эту главную закономерность впервые выявил Клиффорд именно в Африке.

Подавляющая часть выявленных продуктивных кимберлитов, являющихся главными коренными месторождениями алмазов и их источниками для алмазоносных россыпей, находится в пределах архейских кратонов Каапваальского, Калахари, Конго, Танзанийского, Конго Южной и Центральной Африки и Лео Западной Африки. Значительно меньшее количество алмазоносных кимберлитов расположено в палеопротерозойских кратонах – Южно-Ангольском и Западно-Африканском (Биримском). Несколько кимберлитовых тел с угнетенной алмазной минерализацией прорывают складчатые комплексы мезопротерозойского Ирумидского пояса складчатости (1,1–1,0 млрд лет) и залегающие на них отложения перми-триаса группы Кару в Замбии. Полностью отсутствуют кимберлиты в том числе и алмазоносные, в обширных областях распространения пан-африканского фундамента в Алжире, Ливии, Египте, Нигере, Нигерии, ЦАР, Камеруне, Чаде, Судане, Эфиопии, Сомали, Кении, Уганде, Мозамбике, Мадагаскаре.

Вместе с тем в панафриканском фундаменте есть блоки более древнего корового субстрата, не переработанные процессами молодого диастрофизма, сохранившие свои исходные структурно-вещественные, изотопные характеристики, в которых, согласно «правилу Клиффорда», могут находиться кимберлиты. В частности, крупные блоки архейских гранитно-зеленокаменных ассоциаций выявлены в панафриканском фундаменте ЦАР (Lavreau et al., 1990). Другой блок древнего, архейского основания выступает в панафриканском фундаменте в поднятии Джебель Увейнат на границе Ливии, Египта и Судана. Возможно, подобное положение

занимают коренные месторождения алмазов на севере Нигерии и в некоторых странах Южной Африки. Такого рода древние блоки могут находиться и в других «панафриканских» областях.

Значительный интерес с точки зрения апробации «правила Клиффорда» представляет Южно-Ангольский кратон, фундамент которого был консолидирован в конце палеопротерозоя, в эбурнейскую фазу диастрофизма (Carvalho H. et al., 2000). Нами с целью возрастной дифференциации этого фундамента были вынесены по координатам около 500 датировок возраста образующих его пород, сделанных K/Ar, Pb/Sr, U-Pb методами (Torquato, 1977). Проведенные по этим датировкам изохроны выявили два «ядра» с возрастом 2,0 млрд лет, соответствующие времени первичной (эбурнейской) консолидации фундамента, и зоны, в которых породы претерпели более позднюю температурную и термотектоническую переработку и изотопное омоложение в интервалах 2,0–1,5 млрд лет, 1,5–1,0 млрд лет, 1,0–0,75 млрд лет и, наконец, 0,75–0,5 млрд лет вдоль Атлантического побережья (Долгинов, 1996). При вынесении на карту м-ба 1:1 000 000 кимберлитов и кимберлитоподобных тел оказалось, что все они попали в поля, ограниченные изохроной 2,0 млрд лет (рис. 1). Этот пример позволяет использовать метод изохронной дифференциации относительно молодых докембрийских фундаментов и на других территориях для выделения площадей потенциально перспективных на коренные месторождения алмазов.

В Замбии и Малави некоторые меловые алмазоносные кимберлиты расположены в пределах панафриканских структур Катангского пояса складчатости. Однако последний имеет эпирифтовое происхождение, т.е. образовался на относительно слабонарушенном архейско-палеопротерозойском фундаменте, принадлежащем древнему кратону. Таким образом, при оценке территорий на коренную алмазоносность следует учитывать не только возраст консолидации докем-

брийских фундаментов, но и тип складчатых структур (инфра-, супра- или эпикрустальный).

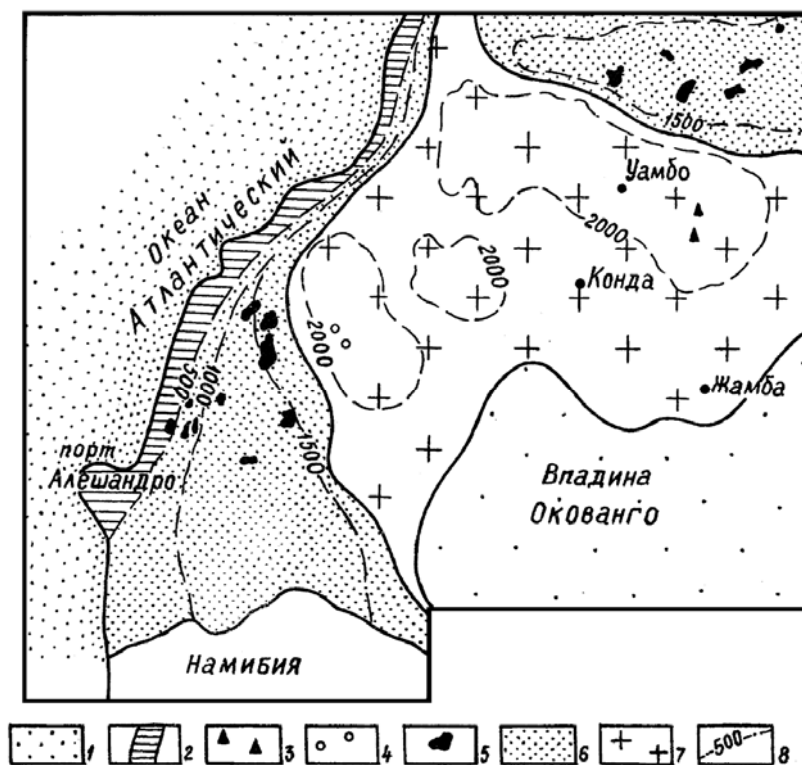

Рис. 1. Схема тектонического строения и изотопно-возрастного «поля» Южно-Ангольского щита:

1 – впадина Окванго (К–К₂); 2 – береговой прогиб (К–К₂);
 3–5 – меловые интрузии: 3 – кимберлиты, 4 – возможные кимберлитовые
 трубки, 5 – щелочные комплексы; 6 – Западная и Восточная гнейсовые
 области (с вероятным продолжением западных гнейсов в области
 материкового склона и океаническую область); 7 – Центральная
 гранитно-зеленокаменная область; 8 – изохроны (в млн лет)

Возрастные группы алмазоносных кимберлитов и россыпных месторождений

Кимберлиты и их алмазоносные фации в Африке имеют преимущественно меловой возраст. Однако в Южной Африке имеются и более древние алмазоносные кимберлиты. На раннеархейском Каапваальском кратоне, фундамент которого был создан около 3,0 млрд лет назад, некоторые из них относятся к мезопротерозою (среднему рифею), кембрию и средней юре. В Замбии в рифте р. Луангва несколько трубок кимберлитов имеют пермский возраст.

Согласно существующим представлениям, источниками современных речных россыпей алмазов в Гане могут являться палеопротерозойские метаосадки верхней части Нижнего Бирима (туфовые граувакки, граувакко-филиты, брекчии) и вышележащие метаконгломераты серии Тарква (Kesse, 1985). Если принять это допущение, то коренные (магматические) алмазоносные породы (кимберлиты, лампроиты) должны были иметь позднеархейский возраст и находиться за пределами биримской мобильной области, скорее всего, в пределах древнего кратона Лео (Либерия, Сьерра-Леоне).

Самые древние детритовые алмазы в Африканском регионе содержатся в золотоносных метаосадках группы Витватерсранд (2,8–2,6 млрд лет), образующей нижнюю часть платформенного чехла Каапваальского кратона в ЮАР. Это указывает на быстрое существование в этом кратоне близких по возрасту (позднеархейских), вероятно, полностью эродированных алмазоносных кимберлитов.

Таким образом, в Африканском регионе образование алмазов и их россыпных скоплений происходило в целом в чрезвычайно широком возрастном диапазоне: от позднего архея до позднего кайнозоя включительно при явном увеличении масштабов обоих процессов. Максимум внедрения алмазоносных кимберлитов приходится на поздний мел. Эпо-

хой формирования наибольшего количества россыпных аллювиальных и прибрежно-морских россыпей алмазов является поздний кайнозой (миоцен-четвертичное время), соответствующий формированию современного рельефа и границ материка.

**Пространственно-временные соотношения
кимберлитов и связанных с ними
месторождений алмазов с другими проявлениями
эпикратонного магматизма**

Анализ материалов по геологии Африки показал, что в большинстве случаев кимберлиты тяготеют к полям распространения базальтов более древних трапповых серий, расположенных так же, как и кимберлиты, лишь на древних (архейских и палеопротерозойских) кратонах. Так, большинство меловых кимберлитов ЮАР находится среди или по периферии раннеюрских долеритов трапповой серии Стромберг. Одновозрастные кимберлиты локализованы по флангам крупного юрского дайкового пояса зсз-вюв направления, протягивающегося с юга Зимбабве через Ботсвану на север Намибии. Крупный меридиональный пояс кимберлитов также мелового возраста протягивается и на востоке Танзанийского архейского кратона параллельно расположенному западнее дайковому поясу неясного возраста, хорошо диагностируемому на картах магнитного поля. В Западной Африке (Мали, Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинее) меловые кимберлиты распространены на тех же территориях, что и долериты трапповой серии юры. Еще одним примером подобной пространственной ассоциации разных форм проявления эпикратонного магматизма является Центральный район Намибии, где группа меловых кимберлитов (неалмазоносных) расположена между полями юрских базальтов.

Данная закономерность позволяет рассматривать области и районы проявления траппового магматизма (причем

любого возраста) в качестве перспективных на обнаружение кимберлитов и их алмазоносных фаций.

Однако не во всех случаях кимберлиты сопряжены пространственно с близвозрастными траппами, например, на щите Касаи, в Анголе и Заире, где расположены многочисленные трубки алмазоносных кимберлитов, проявления мезозойского базальтоидного магматизма не отмечены. Однако в этом районе архейского кратона Конго находится крупный субширотный пояс базит-габбро-ультрабазитов палеопротерозоя, соответствующий древней ослабленной зоне земной коры. Аналогичным образом на Каапваальском кратоне трубки алмазоносных мезопротерозойских кимберлитов расположены вблизи базит-ультрабазитового тела палеопротерозойского Бушвельдского комплекса. Возможно, эти базит-ультрабазиты, а также родственные им по составу комплексы докембрийского фундамента также играли роль в создании условий для генерации кимберлитов и в особенности образования в них алмазов. Выявленная в Африканском регионе эмпирическая закономерность пространственно-временных соотношений разных типов эпикратонного магматизма (более раннего широкомасштабного толеит-базальтоидного и более позднего «точечного» щелочно-ультрабазитового, кимберлитового) может быть проиллюстрирована и на других древних кратонах, в частности Сибирском и Восточно-Европейском, и имеет, таким образом, общий характер.

Проведенное исследование позволило выявить еще одну важную закономерность пространственного соотношения кимберлитов, в том числе и алмазоносных с разными фациями трапповых серий. Подавляющая часть кимберлитов находится в полях и зонах распространения гипабиссальных и субвулканических тел более ранних трапповых формаций (даек, силлов, штоков и др.), распространенных главным образом на склонах эпикратонных прогибов и отчасти на щитах, и отсутствует в областях лавовых базальтовых покровов, залегающих обычно в наиболее прогнутых частях таких про-

гибов. Прекрасным примером этой закономерности является территория ЮАР, где многочисленные интрузии долеритов и меловые кимберлиты оккупируют склоны синеклизы Кару, но отсутствуют в депоцентре последней (глубина до 10 км), где сосредоточены платобазальты этой серии (Свазиленд). Здесь трапповые интрузии уступают место многочисленным диатремам, экранируемым базальтами Драконовых Гор. Можно полагать, что диатремы связаны с наиболее подвижными составляющими флюидно-магматических «зарядов», тогда как их кимберлитовые «ступени» застряли на большей глубине в осадочном чехле синеклизы.

Соотношения кимберлитов с тектонической структурой древних кратонов

Подавляющая часть кимберлитов и их алмазонасных фаций прорывают комплексы фундаментов древних кратонов на их щитовых поднятиях (кратоны Западно-Африканский, Конго, Танзанийский, Зимбабве, Южно-Ангольский). Однако на древнейшем Каапваальском кратоне кимберлиты мезозоя, палеозоя и протерозоя прорывают почти исключительно платформенные комплексы. Главная масса кимберлитовых трубок расположена здесь в северо-западной части области сплошного развития отложений надгруппы Кару. Даже там, где эти отложения отсутствуют, в кимберлитах присутствуют их ксенолиты, что свидетельствует о внедрении последних в карусский чехол. Причина различного структурного положения кимберлитов на разных кратонах пока не ясна, но сама закономерность может учитываться при определении перспективности территорий на коренные месторождения алмазов. Хорошим примером избирательной локализации кимберлитов на щитах кратонов является район Кинеба Мали, где их меловые генерации расположены главным образом на щитовом поднятии фундамента и частично на западном краю плато, сложенного комплексами платфор-

менного чехла синеклизы Таудени и прорывающими его до-
леритами трапповой серии юры.

Наиболее «неблагоприятными» для внедрения кимберлитов (во всяком случае, до современного эрозионного среза) являются самые прогнутые части эпикратонных (платформенных) прогибов, например минеклиз Кару и Калахари Южной Африки, Конго Центральной Африки и Таудени Западной Африки, в которых фундамент залегает на глубинах 7–10 км. В частности, в синеклизе Кару, выполненной отложениями позднего карбона, перми и триаса, кимберлиты широко распространены севернее Драконовых гор, где фундамент опущен не более чем на 5–6 км, но полностью отсутствуют южнее этого района, где он залегает на глубинах 7–12 км.

В настоящем кратком изложении не рассматривается генетическая сущность факторов, влияющих на условия внедрения кимберлитов, что требует специального изучения вопроса.

Геоморфологические и структурные обстановки локализации россыпных месторождений алмазов

В подавляющем большинстве случаев россыпные месторождения алмазов связаны с современными аллювиальными и прибрежно-морскими осадками. Часть их содержится в более древних пермско-триасовых и меловых отложениях, являющихся промежуточными коллекторами алмазов.

Большинство современных речных россыпных алмазов находятся в районах коренных источников последних. Однако прибрежно-морские россыпи ЮАР, Намибии и Анголы и аллювиальные россыпи ЦАР, Танзании и некоторых других стран распространены на большом удалении от областей их питания. В частности, россыпи на востоке Танзании и севере Малави находятся на дальнем обрамлении Танзанийской эпикратонной области коренных месторождений

алмазов. Можно предполагать, что россыпи района Моше, Аруша на востоке Танзании, скорее всего, соответствуют реликтам палеоречной системы, имевшей сток с Танзанийского кратона в Индийский океан, но разрушенной при возникновении гор Килиманджаро-Паре-Улугуру. Вероятно, в других районах «экзотические» речные россыпи могут быть также связаны с фрагментами древних речных систем, восстановление которых может иметь значение для выявления новых аллювиальных скоплений алмазов.

Для района Лунда-Норте Северо-Восточной Анголы выявлены важные особенности локализации коренных и россыпных месторождений алмазов, которые могут учитываться при районировании других алмазоносных или перспективных территорий (Жоао, 2003). Проведенный автоматизированный линеаментный анализ речной части и рельефа позволил выявить здесь расположение алмазоносных кимберлитов на участках пересечения разломов разных направлений, главным образом субширотных и ссз-ююв (рис. 2).

Район Лунда-Норте является также хорошим примером локализации современных аллювиальных россыпей алмазов. По анализу речной сети в районе выделены неотектонические поднятия, активные субширотные разрывы, поперечные главным субмеридиональным долинам и контролирующим их более древним разломам (см. рис. 2). Выявлены три важные закономерности расположения главных россыпных участков: 1) на пересечении меридиональных долин главных водостоков широкими (10–15 км) субширотными полосами, наиболее насыщенными линеаментами речной сети и ограниченными активными разломами сбросового типа; 2) у неотектонических поднятий, на которых более интенсивной эрозии подвергаются богатые алмазами промежуточные коллектора верхнемеловой формации Колонда и их коренные кимберлитовые источники раннего мела; 3) севернее южного пограничного разлома пермско-триасового грабена Лукана св-юоз направления. Установлено, что отдельные

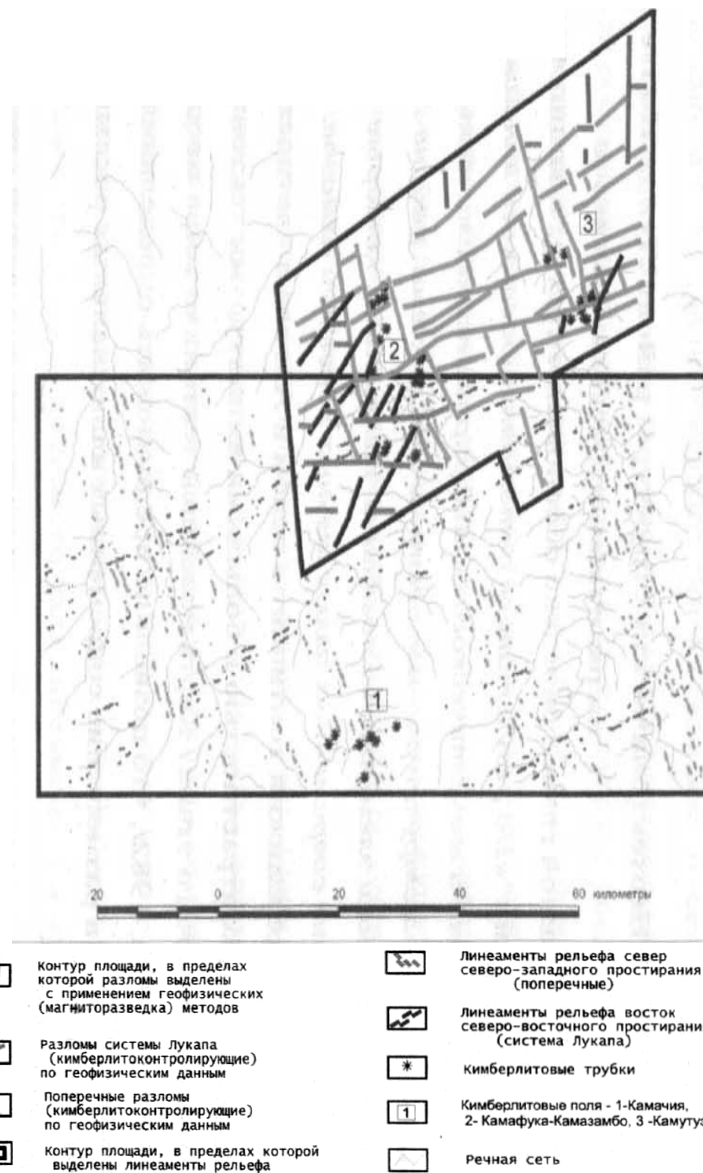

Рис. 2. Соотношение выделенных кимберлитоконтролирующих линеаментов рельефа с разломами, выявленными геофизическими методами

россыпи находятся на участках пересечения главных меридиональных долин широтными разломами и изменения их морфологии. На приподнятых блоках таких разрывов более интенсивному размыву подвергаются алмазоносные отложения формации Колонда, а на опущенных блоках создаются более благоприятные условия для формирования россыпей алмазов.

Выявленное влияние неотектонического фактора на образование современных речных россыпей алмазов в районе Лунда-Норте Анголы может быть использовано при прогнозировании россыпной алмазоносности других территорий. Причем это относится не только к современным, но и к более древним, погребенным россыпям, поскольку разрывы, пересекающие речные долины и влияющие на изменение их морфологии и динамику речных потоков, могли проявляться длительное время, в течение всего периода формирования современного рельефа.

Заключение

Выявленные и кратко рассмотренные выше факторы, влияющие на размещение коренных и россыпных месторождений алмазов, должны учитываться при выборе для их поисков новых наиболее перспективных площадей. При этом если для коренных месторождений плацдармами являются самые древние кратоны, то россыпные месторождения по рекам могут «уходить» от последних на значительные расстояния. Такими примерами являются современные аллювиальные россыпи ЦАР, Ганы и прибрежно-морские россыпи ЮАР, Намибии, Анголы, коренные источники которых находятся (или находились), во внутренних областях Африки.

На древних кратонах (архейских, в меньшей степени палеопротерозойских) в отношении коренной алмазоносности наиболее перспективными являются районы распространения интрузивных образований трапповых серий на щитах

и их погребенных склонах, перекрытых относительно маломощными (до первых километров) отложениями платформенных чехлов. Это заключение относится к коренной алмазности всех возрастных генераций траппового и кимберлитового магматизма.

Изучение условий локализации алмазоносных кимберлитов в Африканском регионе показало, что во многих случаях они приурочены к краям более ранних трапповых интрузий, которые, вероятно, являлись экранами для кимберлитовых «зарядов» и создавали условия для повышенных давлений и кессонного эффекта, необходимых для образования алмазов.

В Кот-д'Ивуаре и Анголе большинство кимберлитовых месторождений алмазов расположено вдоль наиболее крупных рек, что может быть объяснено двумя причинами: или внедрение алмазоносных кимберлитов контролировалось крупными древними меридиональными тектоническими структурами, по которым затем образовались речные долины, или последние вскрыли более широкие кимберлитовые поля, перекрытые большей частью покровами молодых осадков (в частности латеритами). В последнем случае весьма перспективными на коренную алмазность следует считать также обширные водораздельные территории Северо-Восточной Анголы и Кот-д'Ивуара. Этот вопрос требует дополнительного более тщательного изучения в более крупном масштабе с использованием геофизических данных.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Е.Г. Зуева

ХАБИБ БУРГИБА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В статье рассмотрен политический портрет первого президента Тунисской Республики Хабиба Бургибы, объединившего нацию в боевой массовой партии, приведшего страну к независимости; человека, сыгравшего решающую роль в создании основ современного Тунисского государства и механизмов поддержания политической стабильности в стране; ключевой фигуры полувековой истории Туниса, главного теоретика и практика прозападного курса реформ в государстве.

Ключевые слова: Хабиб Бургиба, президент Туниса, реформатор, преобразования, «дустуровский социализм», «бургибизм», европеизация, секуляризация.

Личность первого президента Тунисской Республики Хабиба Бургибы стоит в ряду известных африканских лидеров периода национально-освободительного движения и строительства независимых государств, таких как Г.А. Насер, Л.С. Сенгор, П.Э. Лумумба, А. Кабрал, А.С. Туре и др.

Хабиб Бургиба оказал решающее влияние на формирование современного политического устройства Туниса и создание механизмов поддержания политической стабильности в стране.

На становление Х. Бургибы как личности и как будущего политика повлияли те процессы, которые происходили в стране в первой трети XX в. В нем самом, как и в тунисском обществе того времени, переплелись воедино черты

Президент Туниса Х. Бургиба

традиционного арабо-мусульманского и современного западноевропейского образа жизни.

Период французского протектората в Тунисе (1881–1956 гг.) стал временем самого тесного и непосредственного соприкосновения, сосуществования и столкновения двух культур – арабской и французской. Однако именно в этот период происходило расширение социальной базы французской культуры в тунисском обществе за счет распространения французских школ и французского языка. Целью властей протектората было приобщение части населения к французской цивилизации для создания внутри традиционного общества прочной социальной опоры режиму. В результате целенаправленной политики Франции и сложившихся в обществе условий на рубеже XX в. возникла новая интеллигенция, вышедшая из французских и франко-арабских школ.

В 1920–1930-е гг. в стране особенно заметно происходили перемены. Изменения в экономической, политической культурной сферах приводили к изменению в социальной структуре. Внедрение элементов европейской промышленности, активное строительство, создание коммуникаций и инфраструктуры, развитие средств массовой информации, процессы разорения традиционной элиты, обезземеливание мелких и средних собственников, урбанизация – все это приводило к расшатыванию устоев традиционного общества.

В результате в Тунисе к 30-м гг. XX в. появилась новая интеллигенция, которая была по своей сути европеизированной, профранцузски настроенной и двуязычной. Она выступала с позиций демократии, светскости и рационализма, была сторонницей новых норм в быту, происходила в основном из средних слоев тунисского общества и активно участвовала в общественно-политической жизни страны. Именно эта новая национальная интеллигенция сконцентрировала в себе все основные социально-политические и духовные идеи и противоречия эпохи, что позволило ей стать представителем самых широких общественных сил. Она стала выразите-

лем идеи тунисского национализма, объединившись в новую по своей идеологии и методам партию Нео Дустур. Новая элита возглавила в 1930–1950-е гг. традиционно настроенные слои общества в национально-освободительной борьбе и привела страну к независимости.

Пути, которые привели этих людей к пониманию единой цели и свели вместе в рядах одной политической партии, во многом схожи. Это была молодежь так называемой «двойной культуры» – арабской и французской [1]. Как правило, это были выходцы из средних слоев общества, получившие высшее образование за границей, в основном в Париже. Там они активно участвовали в политической и общественной жизни Франции, сближаясь с левыми политическими кругами, где им импонировали демократические антиколониальные лозунги. Они видели в действии эффективность массовых европейских партий и многому у них научились. Они более реально, чем так называемая старая арабомусульманская элита, смотрели на вещи и хотели как можно скорее перейти от слов к делу – к борьбе за независимость.

Многое в биографии Х. Бургибы похоже на вышесказанное. Он родился 3 августа 1903 г. в г. Монастире в сельском районе страны в небогатой семье военного (отец был лейтенантом бейской армии) и был младшим (восьмым) ребенком. Мать его рано умерла и с пяти лет мальчик жил в столице, Тунисе, у старшего брата Мухаммеда. Шесть лет он проучился в колледже ас-Садыки – старейшем франко-арабском учебном заведении страны. В 1921 г. Х. Бургиба поступил в лицей Карно и окончил его со степенью бакалавра философии. Затем в 1924–1927 гг. он учился в Париже на факультете права в Сорбонне, получив профессию адвоката. Но помимо юридических наук, Х. Бургиба имел очень широкий круг интересов. Он посещал занятия в Школе политических наук, прослушал в Сорбонне курс психологии и психопатологии. На формирование его взглядов оказали влияние самые разные философы и политики от Р. Декарта и О. Конта

до П. Прудона, К. Маркса и В.И. Ленина. Он активно участвовал в работе политических кружков, создававшихся африканскими студентами, и перенимал опыт у членов Французской социалистической партии.

Х. Бургиба был истинным представителем новой национальной интеллигенции, вышедшей на политическую арену страны в конце 1930-х гг. Он был продуктом своего времени и чутко смог уловить те перемены в стране, которые поставили на повестку дня другие цели, задачи и другие методы.

Еще в 1920 г. в Тунисе Х. Бургиба вступил в Либерально-конституционную партию, или Дустур (по-арабски «дустур» – «конституция»). Однако когда он вернулся в страну из Франции, то понял, что многое изменилось. В конце 1920-х гг. в партии наметился раскол, отражавший общий политический и социальный кризис в стране. Радикально настроенная молодежь была недовольна политикой руководства партии, которое они стали называть «старыми тюрбанами». Х. Бургиба, как и большинство его сторонников, не одобрял «старых тюрбанов», не разделял их традиционно восточные симпатии и методы действий. По образованию и складу мышления, по склонностям и вкусам Х. Бургиба был «тунисцем французской формации», он «делал политику по-французски» [2]. В 1932 г. часть таких европеизированных и националистически настроенных молодых людей во главе с Х. Бургибой и врачом Махмудом Матри основала газету «Аксьон тюнизьен», где они стали пропагандировать свое понимание сложившейся ситуации, свои идеалы и методы их достижения.

А 2 марта 1934 г. в г. Ксар-Хеллале они собрали внеочередной съезд (в основном благодаря организационной деятельности Бургибы) и объявили о расколе Дустура, создав новую партию Нео-Дустур. Целью новой партии провозглашалось достижение независимости страны. Однако Х. Бургиба понимал, что цель эта неосуществима без массо-

восте освободительного движения. Поэтому главной задачей ближайших действий должно было стать объединение всех слоев общества, т.е. активная работа партии по пропаганде, политическому воспитанию, вовлечению все большего числа сторонников в реальные действия, организация самых разнообразных мероприятий.

Х. Бургиба выступал за мирную, ненасильственную эволюцию колониального режима протектората (хотя ненасильственной все же не получилось). Он рассматривал период протектората в истории Туниса не как трагедию, а как явление, имеющее и положительные, и отрицательные последствия для страны. К положительным последствиям протектората он относил распространение европейской науки и культуры. В дальнейшем он полагал, что отрицательное необходимо будет изжить, а положительное – развить.

Х. Бургиба был сторонником независимости и национального возрождения Туниса в рамках западной цивилизации. Тем самым он хотел использовать достижения западной культуры для преодоления отсталости своей страны. Франция же, с его точки зрения, должна осуществлять цивилизаторскую миссию: искоренять социальную, экономическую и интеллектуальную нищету тунисцев, воспитывая их в духе западных идеалов. Х. Бургиба полагал, что необходимо ориентировать протекторат к «режиму добровольной ассоциации», в чем он видел своеобразную форму франко-тунисского сотрудничества. Однако он подчеркивал, что распространение западноевропейской цивилизации ни в коем случае не должно сопровождаться национальной ассимиляцией страны, ведущей к потере национальной самобытности.

Итак, заслугой Х. Бургибы в период национально-освободительной борьбы явилось то, что он выработал новую для Туниса концепцию политического действия и реализовал ее. Он стремился был создать и создал в стране действенную массовую партию, готовую к борьбе, объединив в ее рядах самые широкие слои тунисского общества. Сам

Х. Бургиба называл это «союзом интеллигенции и народа». Если посмотреть на социальный состав Нео-Дустура, то можно увидеть, что он представлял собой скорее союз торгово-рабоче-крестьянских слоев населения и руководящей им разночинной интеллигенции. Люди, олицетворявшие собой происходившее в стране смешение черт традиционного и современного, западники и исламисты, – все они объединялись в рядах одной партии – Нео-Дустур [3].

Для привлечения сторонников использовались самые разнообразные средства, вплоть до театрализованных представлений. Партией проводилась серьезная политико-воспитательная работа: выпускались и распространялись газеты и листовки, проводились собрания, организовывались курсы ликвидации неграмотности и лекции по проблемам современности и истории. Х. Бургибе пригодились все его умения и таланты, наработанные за годы учебы, адвокатской и журналистской практики, – риторика, знание психологии, способность убеждать собеседника и превращать противника в своего сторонника. В результате к началу 1950-х гг. партия имела свои ячейки практически в каждом городе и деревне. Старый Тунис уходил в прошлое, на смену ему шел Тунис новый.

Независимость страна получила 20 марта 1956 г. Теперь перед Тунисом и перед властью стояла новая задача – эффективное социально-экономическое и политическое развитие. 25 марта 1957 г. в Тунисе была провозглашена республика и Х. Бургиба был избран президентом страны, партия Нео-Дустур стала правящей.

Теперь Х. Бургиба взял на себя роль реформатора и духовного главы государства. Почти полвека он являлся главным теоретиком государственной политики, ключевой фигурой этого периода истории страны. Много пытался продемонстрировать на личном примере и лично объяснить. Он регулярно выступал по радио и телевидению, принимал участие в различных пропагандистских мероприятиях, писал

статьи, выпускал свои мемуары. Его деятельность затрагивала весь спектр политических, культурных, социальных и экономических проблем тунисского общества того времени; в ней отражались самые острые проблемы и дискуссии, происходившие в стране: вопросы социально-экономического развития, структурные реформы во всех областях жизни, роль интеллигенции на современном этапе, реформы в системе образования, отношения государства и партии, проблемы молодежи, возрождение арабской культуры и арабского единства, роль религии в жизни тунисцев, эмансипация женщины. Изучив эти свидетельства, можно проследить эволюцию взглядов Х. Бургибы, рассмотреть, как складывалась его философская концепция, как складывалась практика национального развития страны [4].

Однопартийный президентский режим, сложившийся в Тунисе при Х. Бургибе, провел наиболее значимые в истории страны социально-экономические преобразования.

Проведение модернизации в экономической, социально-политической, культурной сферах жизни общества связывалось Х. Бургибой не только с материальными достижениями научно-технического прогресса, но и с коренным изменением социальной психологии населения. Поэтому, как считал лидер, реформы невозможны без «возвышения человека», то есть решения целого комплекса моральных, социальных и психологических проблем, которые должны обеспечить формирование новой личности – патриота и гражданина, верного принципам дустуровской идеологии, мировоззрение которого было бы свободно от пережитков прошлого, обладающего высоким уровнем знаний и профессиональной квалификацией, чтобы быть полезным обществу.

В этих целях был осуществлен комплекс реформ и мероприятий в области религиозных институтов, права и морали, направленных на утверждение светского характера государства и преодоление отсталости и косности мышления, были пересмотрены морально-этические и правовые нормы

шариата. Пропагандировался дифференцированный подход к устаревшим традициям и религиозным нормам, было реорганизовано мусульманское образование, а также проведена судебная реформа, отменившая шариатские суды и создавшая единую систему светского суда.

Х. Бургибу во всем мире называют «освободителем тунисских женщин». В 1956 г. был принят Кодекс гражданского состояния, не имевший прецедентов в истории арабомусульманского мира и ставший революционным событием в социальной сфере. Эта реформа семейно-брачных отношений запрещала полигамию, устанавливала гражданскую регистрацию брака и минимальный брачный возраст, отменяла выкуп за невесту, вводила равенство сторон при расторжении брака. Женщины стали пользоваться равными с мужчинами политическими правами.

Х. Бургиба поставил целью создать централизованную партийно-государственную структуру власти, которая обеспечила бы проведение преобразований для построения в стране развитого и стабильного общества. Он считал, что государство и правящая партия имеют приоритет в решении вопросов социально-экономического и политического развития, а вся политическая инициатива концентрируется именно в личности президента. Таким образом, в 1960-е гг. в стране складывался авторитарный режим личной власти Х. Бургибы, что окончательно было закреплено в 1974 г. провозглашением его пожизненным президентом.

С 1962 г. доктрина «дустуровского социализма» становится официальной идеологией Туниса. Партия Нео-Дустур в 1964 г. переименовывается в Социалистическую дустуровскую партию (СДП). Она называет себя «партией диалога», которая должна создать «ассоциацию труда и капитала» для преодоления и предупреждения социальных антагонизмов, достижения экономического и социального прогресса всех слоев тунисского общества.

Составной частью концепции «дустуровского социализма» был «бургибизм» – своего рода политическая философия Х. Бургибы, выработанная на базе практики национального строительства. В ней тунисский лидер выражал свои идеалы национального единства и социального согласия, достижение которых было, по его мнению, главной задачей проводимой политики. Он призывал к прекращению вражды между различными слоями общества, к социальному партнерству, выступал за социальную и политическую стабильность в стране. Президент ратовал за гармоничное сочетание интересов общества и отдельной личности, за взаимное уважение и совместную работу всех политических и социальных сил для блага государства и общества и для повышения благосостояния его граждан.

В своих выступлениях он настойчиво подчеркивал, что СДП выступает за постепенное развитие и эволюцию общественных структур, за умеренные преобразования, что должно привести к демократии, к которой общество будет готово вследствие изменений в мышлении людей. Целью же демократического общества он видел сознательное и свободное участие индивида в жизни страны и в определении будущего общества «на основе цивилизационных ценностей».

Другой составной частью «дустуровского социализма» стала новая экономическая политика «либерализма» (осуществлявшаяся после провала так называемого «социалистического эксперимента» в 1969 г.). В рамках ее проведения государство должно было решить основные экономические задачи, связанные с уменьшением отсталости и зависимости страны, обеспечением более справедливого распределения доходов, поощрением местного частного предпринимательства, привлечением иностранного капитала. Государственное регулирование осуществлялось посредством планирования.

В конце 1970-х гг. в стране провозглашается цель – достижение плюрализма и многопартийности, хотя на деле

это больше выглядело как превращение различных организаций в проводников партийной линии, а воспитание молодежи в духе духовности и патриотизма выглядело как стремление не допустить чужого влияния. В 1981 г. в Тунисе вводится многопартийность, что можно рассматривать как переход от монополии СДП к ее доминированию как правящей партии. В основном исследователи сходятся во мнении, что в стране вводился «доззируемый плюрализм» [5].

Продолжая ограничивать влияние ислама и мусульманского духовенства в политике, руководители СДП стали больше подчеркивать арабо-исламскую самобытность страны, ведь в 1980-х гг. в Тунисе активизировались фундаменталистские группировки. В этих условиях правящие круги пытались противопоставить исламу свою идею национализма как надклассовой высшей силы общества.

Концепция «дустуровского социализма» провозглашалась Х. Бургибой как альтернативная модель развития. Это не путь к социализму, – как отметил В.И. Максименко, – но «национально-тунисская форма перехода к капитализму» [6]. Если сначала тунисский президент выступал с национальной концепцией «африканского социализма», то затем он стал проводником демократического социализма, идейным соратником Французской социалистической партии (ФСП). В 1981 г. при активном участии Туниса и Сенегала был образован Африканский социалистический интернационал.

Еще во времена борьбы за независимость Х. Бургиба был сторонником полезного для Туниса сотрудничества с Францией. После достижения независимости он остался сторонником идеи синтеза культур Востока и Запада, рассматривая французскую культуру как средство связи с научно-техническим прогрессом, с достижениями мировой цивилизации, как один из способов интегрировать страну в мировую экономическую систему. Тунис после независимости, один из стран Магриба, имеет столь стабильные и активные кон-

такты с Францией. Параллельно с политикой арабизации (концепция возрождения национальной самобытности) в стране поддерживается концепция франкофонии.

В результате проводимых в Тунисе после независимости реформ он превратился в одну из самых европеизированных и секуляризированных стран в арабском мире, при этом оставаясь одной из самых стабильных в политическом отношении арабских стран. Однако негативные последствия персонализации власти привели к кризису личной власти в Тунисе и смене типа политического руководства. Х. Бургиба был отстранен от власти, и приход нового президента Зин аль-Абидина Бен Али 7 ноября 1987 г. диктовался необходимостью реформирования политической системы, демократического обновления общественной жизни, проведения широкого общественного диалога. Х. Бургиба был фактически изолирован в своем дворце.

На чрезвычайном съезде 27 февраля 1988 г. СДП была переименована в Демократическое Конституционное действие (ДКО), что отражало намерение нового руководства реализовать идею национального сплочения, расширить социальную базу партии и проводимой ею политики. Основными задачами были поставлены следующие: отделить партию от правительства, изменить стиль работы, расширять плюрализм, отказаться от роли единственного выразителя интересов тунисского народа. Подчеркивалась преемственность всех положительных результатов предыдущего периода развития и необходимость обновления общества. Было отменено положение о пожизненном избрании президента, принят закон о политических партиях.

Итак, современная система государственного управления в Тунисе была заложена первым президентом страны Хабибом Бургибой и заключается в том, что лидер обладает сильной президентской властью, опирающейся на мощную политическую структуру в лице правящей партии.

Безусловной заслугой Х. Бургибы было объединение нации в рядах боевой антиколониальной партии, возглавившей борьбу народа за независимость. В дальнейшем, опираясь на эту массовую партию, апеллируя к идеям единства нации, политического диалога и социального сотрудничества, в стране были проведены наиболее значимые социально-экономические и политические реформы.

Как подчеркивают многие исследователи, Х. Бургиба обладал даром приспособляться к обстоятельствам и использовать их в своих интересах. Он был мастером маневра и компромисса, ценил медленный и прочный успех, так как считал, что чудес не бывает, а бывает долгая целенаправленная работа для достижения поставленной цели. Ему был присущ не бездумный авантюризм, а рассчитанный риск, смелые продуманные действия. Политика для него была искусством достижения возможного.

Несмотря на то что Тунис часто обвиняли и обвиняют в ориентации на Запад, страна имеет свое самобытное лицо. Возможно, достаточно положительный синтез араб-берберского исламского и западного, преимущественно французского, элементов в духовной и материальной областях и является индивидуальной сущностью современного Туниса. Здесь не берут верх крайние тенденции, а побеждает здравый взвешенный подход, умеренность и рационализм. В стране действует эффективная, а главное, стабильная политическая система с преобладанием элемента контролируемого ислама. И во многом это заслуга Хабиба Бургибы – лидера тунисского государства, получившего во многих вехах его истории определение «первый» [7].

Л и т е р а т у р а

[1] *Garas, Felix*. Bourguiba et la naissance de la nation. – P., 1956. – P. 179–182.

[2] *Иванов Н.А.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939). – М., 1971. – С. 131–133.

[3] *El-Garani, Ali*. Bourguiba: Le Combattant supreme. – P., 1985.

[4] См., например, работы Х. Бургибы: L'experience tunisienne. Tunis, 1968; L'unite: premier imperative national. Tunis, 1968; Avant tout preserver la cohesion de la nation. – Tunis, 1971; Notre objectif – un developement harmonieux et equilibre. – Tunis, 1967; La democratie est une voie difficile. – Tunis, 1971; L'emancipation de la femme conditionne le progress social. – Tunis, 1972; Pour un developement harmonieux de la famille. – Tunis, 1973; L'enseignement: une affaire nationale. – Tunis, 1971; Nouvelles perspectives pour la culture arabe. – Tunis, 1973; Former des citoyens valubles. – Tunis, 1968.

[5] *Cohen B.* Bourguiba. Le pouvoir d'un seul. – P., 1986. – P. 57–60.

[6] *Максименко В.И.* Политические партии в переходном обществе: Марокко, Алжир, Тунис: 20–80-е годы XX в. – М., 1985.

[7] Хабиб Бургиба скончался 6 апреля 2000 г.

Л.В. Пономаренко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОРОЛЯ МАРОККО ХАСАНА II

Статья посвящена исследованию политического портрета одного из самых влиятельных лидеров арабского мира – короля Марокко Хасана II. На богатом фактическом материале показаны социально-политические изменения в Марокко в 1960-1990-х гг., рассмотрены попытка опоры на треугольник «Франция-США-СССР» и политика в отношении Западной Сахары, процессы политизации ислама и исламизации политики.

Ключевые слова: король Марокко Хасан II, исламизм, «классический ислам», Западная Сахара, треугольник «Франция-США-СССР».

Король Марокко Хасан II стал одним из самых влиятельных лидеров арабского мира, талантливый политик, он являл собой синтез традиционализма и прогресса, как, впрочем, и управляемое им государство.

Сын короля Мухаммеда V, Мулай Хасан, родился 9 июля 1929 г. (1 сафара 1348 г. хиджры). Отец находился с официальным визитом во Франции, когда он услышал о появлении на свет наследника, решил назвать его в честь своего деда – султана Мулая Хасана I, который занял независимую политическую позицию по отношению к метрополии и консолидировал вокруг себя силы освобождения.

С раннего детства наследник престола впитывал знания и традиции своего народа, он гордился своей принадлежностью к своей стране. В то время Марокко находилось под французским протекторатом, и наследник престола на самом себе ощущал проявление расизма со стороны колонизаторов, что, как он писал, оставило глубокий след в его душе. В книге «La Mémoire d'un Roi» он вспоминал свои подростковые ощущения: «Прежде всего, я чувствовал проявление

Король Марокко Хасан II

расизма со стороны французов. Для некоторых из них называть нас всех Мухаммедами и обращаться на ты было правилом. Мой отец хотел, чтобы я рос, как и все остальные сверстники, и поэтому я проводил летние каникулы, играя в футбол на пляжах Касабланки и Рабата. Именно там, на этих благословенных пляжах, французы тыкали мне, ругались со мной. Бесспорно, это мне не нравилось, но скорее не как представителю правящего дома, а как обычному марокканцу» [4, р. 14]. Хасан подчеркивал, что Франция не знает в полной мере Марокко: «Вы не сидели на школьных скамьях в марокканских школах, в то время как у нас, хотя мы и не ходили во французские школы, имели французских учителей. Следовательно, мы знаем вашу грамматику, ваш язык, вашу историю, ваше общество, тогда как вы не знаете о нас ничего» [3, р. 87].

В семь лет, по традиции, Мулай Хасан был произведен в полковники королевской гвардии. Воспитанием и образованием наследного принца прежде всего занимался отец. Он был первым учителем и являлся для сына примером. Наследник был также единственным человеком, которому Мухаммед V безраздельно доверял. В свою очередь Хасан очень дорожил мнением отца, он часто сопровождал его на официальных приемах и в различных поездках. Отец и сын были настоящими друзьями.

В 1934 г. наследный принц Хасан поступил в Королевскую Кораническую школу, где получил первые уроки по исламу. В 1936 г. он начал светское образование в специальном Королевском колледже Мулай Юсуфа. Учителя отмечали живой ум наследника, замечательную память и огромное желание получать знания. Закончив школьное обучение в 1951 г., молодой Хасан на следующий год получил диплом юридического факультета университета в Бордо, владел несколькими европейскими языками. Многие годы спустя он получил степень доктора права и стал почетным доктором этого французского университета (а позже – каирского и да-

карского). Будущий король и верховный главнокомандующий, он проходил службу на французском крейсере «Жанна д'Арк». Кроме того, обучался пилотированию боевых самолетов.

В годы Второй мировой войны талантливый политический деятель, Хасан II впервые был посвящен в большую политику в январе 1943 г. Неожиданно отец заехал за ним в колледж под предлогом необходимости его присутствия на торжественной церемонии открытия школы в Касабланке. Вместе они отправились в Анфу, соблюдая строжайшую секретность. Хасан II вспоминал: «Под покровом темноты мы подъехали к одной вилле. Когда мы входили в дом, моего отца приветствовали два человека. Внезапно я узнал их, потому что много раз видел их лица на фотографиях. Мне предстояло ужинать в компании с президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем» [4, р. 32]. Участие султана Марокко во встрече в Касабланке без ведома французских властей было нарушением Фесского договора 1912 г. На обеде в отеле «Анфа» Рузвельт заявил, что эра колониальной эксплуатации заканчивается [1]. Это заявление произвело на султана Мухаммеда огромное впечатление и породило надежды на изменение статуса страны.

В конце 1940–1950-х гг. Марокко захлестнули антиколониальные выступления. Мухаммед бен Юсуф открыто поддерживал требования национально-освободительного движения. 2 декабря 1947 г. султан обратился к первому президенту IV Республики Венсану Ориолю с посланием, в котором предлагал пересмотреть франко-марокканские отношения в свете перемен, происшедших в мире после Второй мировой войны. Мухаммед бен Юсуф описывал все провокации и нарушения, чинимые генералом Жюэном – генеральным резидентом Франции, и просил президента вмешаться и оздоровить обстановку в стране.

В июне 1948 г. султан прямо заявил, что настало время предоставить его стране политическую независимость. Французские власти уклонились от обсуждения этого вопроса, одновременно усилив репрессии в Марокко. Террор вызвал массовые забастовки и митинги по всей стране. 3 октября 1950 г. султан Мухаммед бен Юсуф направил французскому правительству меморандум, в котором вновь предложил пересмотреть отношения между двумя странами. В октябре 1950 г. султан встретился в Париже с президентом Орионом. Он просил предоставить Марокко политическую и экономическую автономию, расширить права монарха, дать свободу профсоюзам. Но французское правительство предложило взамен лишь ряд второстепенных реформ. Мухаммед бен Юсуф вернулся в Марокко ни с чем.

Весть о провале переговоров вызвала в стране волну демонстраций протеста. 26 января 1951 г. Жюэн в ультимативной форме потребовал от Мухаммеда бен Юсуфа публичного осуждения национально-освободительного движения. Султан отказался это сделать. Французские власти решили отстранить энергичного правителя от управления страной. 12 декабря 1952 г. глава французской администрации генерал Гийом выступил по радио с клеветнической речью, в которой обвинил Мухаммеда бен Юсуфа в том, что тот действует «по указке Москвы». Хасан II, вспоминая о Гийоме, делает следующую ироническую ремарку: «Французский генерал видел в нас чуть ли не большевиков, желающих превратить Марокко в оплот большевизма. Он даже заявлял по радио, что национальное движение получает приказы из Москвы» [4, p. 29].

Летом 1953 г. генерал Гийом ввел в Рабате осадное положение. 13 августа дворец султана был окружен войсками. 14 августа новым султаном Марокко был провозглашен двоюродный брат Мухаммеда бен Юсуфа 64-летний Мухаммед бен Арафа. 15 августа ему была передана духовная власть, он был избран имамом. 20 августа Мухаммед бен

Юсуф вместе с двумя сыновьями – Хасаном и Мулай Абдаллахом – был выслан на Корсику, а позднее – на остров Мадагаскар.

«Тем не менее, отец, – напишет Хасан II, – предпочел изгнание предложению отречься от престола и возможности безбедно прожить во Франции» [4, р. 75].

В годы изгнания чрезвычайно возросла популярность свергнутого султана Мухаммеда бен Юсуфа. В глазах народных масс он стал не только символом национальной государственности Марокко, но и национальным героем, мучеником, пострадавшим за дело независимости страны. Национально-освободительное движение продолжало набирать силу, и французские власти вынуждены были идти на уступки. В мае 1954 г. генерал Гийом был заменен дипломатом Фрэнсисом Лакостом, который был вынужден проводить более гибкую политику. В июне был создан специальный комитет по марокканским и тунисским делам на уровне министерства. Кроме того, были обещаны политические реформы (Здесь и далее использовались материалы магистерской диссертации М.Ю. Грановой «Эволюция монархии в Марокко. XX век», выполненной под руководством профессора Л.В. Пономаренко в РУДН в 2002 г.). 17 октября состоялась церемония учреждения тронного совета.

Но национальное движение приняло такой размах, что французским властям необходимо было принимать кардинальные решения. В октябре 1955 г. королевская семья была перевезена в Париж. Туда же приехали представители марокканских политических партий. Султан провел с ними консультацию. После этого было опубликовано заявление, в котором выдвигался ряд требований, основным из которых была отмена Фесского договора 1912 г. 18 ноября Мохаммед V с детьми прибыл в Рабат, где был торжественно встречен населением. Он заявил о намерении создания в стране конституционной монархии.

На обратном пути в столицу отец сказал своим сыновьям: «С этого момента я не хочу слышать от вас двух слов: месть и злопамятство». И по возвращении стало понятно, что подобное решение облегчило им дальнейшую жизнь, да и, собственно, само возвращение. Предстояло заново входить в курс всех дел, сформировать новое правительство и подготовить страну к независимости, которая после длительных переговоров была объявлена лишь 2 марта 1956 г. 5 апреля испанская часть Марокко была официально признана Испанией независимой.

После долгих лет ожидания была восстановлена территориальная целостность страны, за исключением двух городов Сеута и Мелилья, которые до сегодняшнего времени остаются испанскими.

Французы, зная, что все кончено, больше ничем не распоряжались, не отдавали команд. Французский резидент оставался лишь при исполнении текущих дел. Таким образом, с ноября 1955 по март 1956 г. страна была практически без управления. Складывалось впечатление, что в стране существует две силы, борющиеся за независимость. С одной стороны, монархия во главе с Мухаммедом бен Юсуфом, окруженным ореолом безграничного признания; с другой – влиятельные прогрессивные политические силы. Отношение султана к национально-освободительному движению предопределило форму правления независимого Марокко.

В августе 1957 г. султан Мухаммед бен Юсуф принял титул короля и стал именоваться Мухаммедом V. В политической структуре доколониального Марокко власть султана занимала значительно более скромное место. Монархическая организация власти в Марокко предопределила особенности политической структуры этого государства. Марокканская монархия совершенно отлична от своих европейских аналогов: круг полномочий и реальная власть короля значительно

шире и весомее аналогичных функций европейских монархов.

1959 г. был отмечен очень жестокими столкновениями между Мухаммедом V и правительственной командой. Одной из главных причин был вопрос о полномочиях наследного принца. Хасан II вспоминал: «Не существовало противостояния между правительством и моим отцом, между мною и ними – да. По справедливости сказать, некоторым там явно не хватало здравого смысла. Мой советник, А.Р. Гедира, который был министром внутренних дел и хорошо знал всех членов правительства, однажды сказал: «Вы ждете от короля противостояния с собственным сыном. Не рассчитывайте, что он пожертвует наследным принцем ради вас. Если вы хотите пользоваться доверием Мухаммеда V, станьте другом принца» [4, р. 49].

В мае 1960 г. накануне первых выборов Мухаммед V решил отправить в отставку правительство и поставить во главе нового кабинета Мулая Хасана. «Вы в курсе всех дел, – сказал он принцу. – Кроме этого, Вы еще и юрист в области гражданского права. Для Вас это хорошая практика».

«Для меня, – вспоминает Хасан II, – речь шла о великолепной школе применения на практике тех юридических знаний, которые я получил. Понятно, все не были в восторге от того, что король прямо внедряет своего сына в государственные дела. Сейчас я понимаю, что этот опыт казался ему необходимым для меня. Он должен был показать мои сильные и слабые стороны». Своим слабым местом сам Хасан II считал вспыльчивость и резкость, которые с годами попросту исчезли. Отец говорил ему: «Во время молитвы пять раз в день, лицом к Мекке, я прошу Бога ограничить Вашу вспыльчивость». Сильной стороной было то, что будущий король мог приложить свои знания по юриспруденции, в частности, в области конституционного права. «Мне не нужно брать ручку и править конституцию, достаточно прочитать

ее два раза, чтобы понять, хороша ли она и определить ее слабые места» [4, p. 51].

За пять лет с момента провозглашения независимости Марокко во внутренней политике была создана национальная администрация, армия, дипломатический корпус, реорганизована судебная система, начало осуществляться планирование экономики, введена национальная валюта, легализована деятельность профсоюзов и политических партий. Однако это не внесло сколько-нибудь видимых изменений в экономическую и социальную структуру страны.

В 1961 г. внезапно скончался Мухаммед V. Смерть отца произвела на Мулая Хасана неизгладимое впечатление. Предстояло все изменить, и, прежде всего в собственном образе жизни.

Смерть отца повергла Мулая Хасана в шок. Он осознал, что такое настоящее одиночество. Позже он напишет: «У меня не было времени плакать, как я хотел. Когда я шел за его гробом, то говорил всем: «Вы идете за гробом одного человека, я хороню вместе с отцом и себя как наследного принца» [4, p. 70].

Хасан II стал полноправным правителем. Позже, в своей тронной речи, он обещал во всем следовать политике своего отца [10, p. 11]. Но, тем не менее, новый монарх считал, что стать копией Мухаммеда V было бы основной его ошибкой, и первым шагом на новом посту было то, что от предыдущего кабинета министров осталась только половина – 13 человек. По его мнению, в стране господствовала коррупция в высших эшелонах власти, и многие чиновники пользовались мягкостью и добротой его отца, чтобы набить свой карман. Хасан II в выступлениях того времени часто говорил о радикальных изменениях в экономике, социальной сфере и внешней политике. Марокканский народ ждал реформ и надеялся на своего короля.

Внутренняя политика Хасана II была во многом противоречивой. И если на поприще внешней политики Хасана

II считали непревзойденным игроком, то многие решения внутреннего характера давались ему с большим трудом, иногда сопровождаясь кровопролитием.

Еще за год до вступления на престол Мулай Хасан занимался разработкой новой конституции. Он писал, что был вдохновлен принятием конституции V Французской Республики и старался взять из нее все самое лучшее. В июне 1961 г. был опубликован первый ее проект, а 7 декабря 1962 г. после референдума конституция была принята. Она устанавливала режим конституционной монархии с сильной королевской властью. Многие исследователи называют ее конституцией авторитарного режима. Но сам король Марокко считал, что именно такой режим подходит стране более всего. В одном из своих интервью он заявил: «Необходимо обновлять институты власти, конституции, но следует оставить народу возможность обладать своей собственной властью, которая подчеркивает его самобытность... Мой отец, Бог храни его душу, говорил мне две вещи: “Не лгите никогда вашему народу, он слишком умен, и не поверит вам”. И еще: “Марокко – это лев, которого необходимо вести на веревке”» [3].

8 июля 1970 г. было отменено чрезвычайное положение. Стране был возвращен парламент и дарована новая конституция. Введением новой конституции король усиливал свою власть. Так, например, теперь именно ему принадлежала законодательная инициатива. Он заявил, что по новой конституции режим можно рассматривать как авторитарный, но не как диктаторский. Король предпринимал усилия, с тем чтобы «соединить монархическую форму правления с демократическими принципами и институтами». «В организационном плане – отмечал король, – мы создали целый арсенал институтов и механизмов, как политических, так и юридических, превращающих Марокко в страну неуклонно продвигающуюся по пути модернизации и прогресса» [8, p. 87].

В августе были проведены парламентские выборы. Пришедшему к власти правительству Лараки не удалось стабилизировать обстановку. В апреле 1971 г. политическая ситуация еще более усугубилась. После скандального дела «Панамерикан Эйруэйз» 14 министров были уличены во взяточничестве в крупных размерах. 10 июля 1971 г., в день своего рождения, Хасану II пришлось пережить попытку государственного переворота. Его организаторами стали полковник марокканской армии Хамиз Абабу и генерал Медбух. Группа заговорщиков во главе с генералом Медбухом – начальником охраны короля – ввела в заблуждение курсантов одной из военных школ, призвав их на помощь для «поимки диверсантов», якобы проникших в загородный дворец короля в Скирате. Недолго думая, 1400 верноподданных направились ко дворцу, окружили его в момент королевского приема и открыли стрельбу. Это представление потребовалось заговорщикам, чтобы самим тем временем пленить Хасана II и заставить его отречься от престола. Однако министр внутренних дел генерал Уфкир разгадал сценарий переворота (скорее всего, он знал его заранее) и в последний момент спрятал короля в одной из комнат дворца. Выбравшись из окна, король заговорил с курсантами. «Ко мне приблизились 6 или 7 унтер-офицеров, – пишет в воспоминаниях Хасан II. – Я понял, что я их пленник. Однако, узнав меня, они вдруг опустились на колени, а один из них, поцеловав мне руку, произнес: “Нам сказали, что Ваше величество в опасности, поэтому мы окружили дворец и начали стрелять. (Было убито и ранено около 300 человек, в том числе бельгийский посол.) Мы надеемся, Вы поймете, что нас ввели в заблуждение, нас обманули. Теперь мы в Вашем распоряжении”. Они были искренни, и я простил их». Во время попытки переворота марокканская армия потеряла 9 из своих 15 генералов.

Выступая после нормализации обстановки по телевидению, король заявил о решении упразднить посты министра

обороны, начальника и помощника начальника генерального штаба и самому занять эти посты.

8 июля 1973 г. Хасан II, выступая по рабатскому радио и телевидению с изложением идеологической программы правительства, провозгласил концепцию марокканского «исламского социализма». Король утверждал, что социализм основан на догмах ислама, отвергающих принцип «кровавой битвы», признающих принцип убеждения, и только в таком случае речь идет о гармонии в обществе. Ислам является государственной религией в Марокко. Марокканцы исповедуют ислам суннизм маликитского мазхаба. Столкнувшись с проблемами роста исламизма, Хасан II имел определенные преимущества по сравнению с другими главами арабских государств, так как он являлся прямым потомком Пророка через его племянника имама Хасана бен Али (умер в 669 г.). Монарх имел титулы «Халиф Аллах Филь-Ард» («Наместник Бога на земле») и «Амир аль-Муиминин» («Повелитель верующих»), что поднимало его авторитет среди подданных.

Желая укрепить режим, Хасан II объявил в середине 1970-х гг. о демократизации общественной жизни. Конфликт из-за Западной Сахары стал катализатором, способствовавшим укреплению правящего режима.

После иранской революции 1978–1979 гг. в Марокко, как и в целом в мусульманском мире, стало расти религиозное движение.

Государственная религия всегда играла существенную роль в общественно-политической системе Марокко. Ее значение в марокканском обществе двойственно. С одной стороны, официальный ислам способствует усилению монархического режима, укреплению органов государственной власти, с другой – народный ислам противостоит им. В правовой системе преобладает исламское право.

Оппозиционные мусульманские течения появились в Марокко в середине 1960-х гг. Власти путем репрессий (аресты фундаменталистов, казнь в 1966 г. лидера марокканских

«реформаторов» К. Сайеда) пытались подавить какую бы то ни было оппозицию в среде религиозных деятелей, однако полностью осуществить этот план не удалось. Исламистские движения возникли в Марокко в условиях острого социального неравенства, после провала многих политических и экономических начинаний. Политические события 1970-х гг. вызвали острый кризис власти и открыли пути для усиления религиозной оппозиции. В 1971–1972 гг. по стране прокатилась волна выступлений мусульманских фундаменталистов. В те же годы в Марокко образовалась первая фундаменталистская организация – «Дар аль-Хадис аль-Хасанийя». Ее основателями были выходцы из Машрика, близкие к радикальной организации «Братья-мусульмане». Вслед за «Дар аль-Хадис аль-Хасанийя» появляется «Джамиат аш-Шабиха аль-Исламийя» (Ассоциация исламской молодежи – АИМ), другие группировки. К концу 1970-х гг. в стране насчитывалось уже около 30 различных группировок и сект исламистского толка [2, с. 84].

Правящий режим должен был каким-то образом решать насущную проблему. Хасан II, противящийся проникновению в страну радикальных течений исламистского толка, вступил в открытую конфронтацию. Фундаменталистские организации подверглись суровым преследованиям. Летом 1980 г. в Фесе прошли антиправительственные выступления фундаменталистов, организованные Лахсеном Зейтуни, лидером организации «Священное братство». Они были подавлены силой. В результате погибли 3 человека, десятки получили ранения. Фундаменталисты были официально объявлены виновниками волнений в 1981 и 1984 гг.

Во второй половине 1980-х гг. ситуация не изменилась. Она характеризовалась острым социально-экономическим кризисом, тяжелыми условиями жизни населения, неэффективностью системы образования, а также проблемами занятости, особенно среди молодежи.

Начало 1990-х гг. отмечено в Марокко бурными выступлениями студенческой молодежи. Эпицентром событий стал Касабланский университет, где началась забастовка студентов медицинского факультета, инспирированная исламистами. Хасан II вынес вопрос на обсуждение палаты представителей парламента, что показало важность проблемы и желание режима стабилизировать обстановку во что бы то ни стало. Небывалый размах выступлений вызвал резкие выступления в демократической прессе, которая расценила эти события как первые признаки ситуации, способные привести к алжирскому варианту событий.

Тем не менее Хасан II в одном из своих интервью заметил, что исламистские группировки, действующие в стране, не принадлежат к религиозному интегрizmu. По его мнению, появление этих группировок явилось следствием политики экспорта иранской революции, проводившейся и проводимой Тегераном. Нынешний исламизм не является больше интегризмом, это нечто другое, – подчеркивал Хасан II.

В Касабланке в 1993 г. была открыта мечеть Хасана II – вторая по величине в арабском мире после мечети в Мекке, она вмещает в себя около 100 тысяч молящихся. Все это способствовало утверждению Хасана II в качестве духовного лидера, отца нации, просвещенного монарха, искусного политика международного масштаба.

В конце 1996 – начале 1997 г. исламисты, контролирующие большинство учебных заведений страны, инспирировали выступления студенческой молодежи. В университетах Мекнеса и Агадира были учинены настоящие погромы. Власти вынуждены были решительно пресечь эти выступления. 21 января в марокканских газетах было опубликовано совместное письмо трех министров – внутренних дел, юстиции и высшего образования, подписанное королем, в котором выражалась озабоченность правительства в связи с ситуацией, сложившейся в высших учебных заведениях страны, и содержались указания срочно принять меры по пресе-

чению «бесчинств экстремистских группировок, которые установили атмосферу страха и террора в студенческой среде» [9, 1997, 21 Junvier]. В документе подчеркивалась необходимость восстановления спокойствия и порядка в марокканских вузах, возобновления нормального учебного процесса, предусматривались меры по соблюдению внутреннего распорядка учебных заведений, ужесточению пропускного режима в университетах и студенческих городках.

Для Марокко 1980–1990-х гг. характерно сосуществование процессов политизации ислама и исламизации политики. Рост исламизма вынуждает правящий режим обращаться к широким массам на языке того же ислама, перехватывать инициативу у фундаменталистов, так как наиболее притягательной из всех существующих в стране идеологий является идеология, предлагаемая исламистами.

В феврале 1980 г. Хасан создал Высший совет улемов, стал его непосредственным руководителем. В функции совета входят распространение традиционного, «классического ислама», борьба со всевозможными «подрывными» течениями, решение вопросов теологического характера, религиозное обеспечение всех акций властей.

В течение 1980-х гг. марокканский монарх предпринял ряд мер по обеспечению поддержки режима духовенством страны. Он разрешил региональным советам улемов иметь свой бюджет, работать их представителям в государственных учреждениях, заниматься пропагандистской деятельностью, приглашать улемов из других стран. Было увеличено количество религиозных передач на радио и телевидении, назначены стипендии студентам-богословам для получения образования в странах Ближнего Востока.

С 1996–1997 гг. Хасан II проводил курс на неконфронтационное существование с исламистами. В университетах были созданы отделения исламских исследований, субсидировались коранические школы. Полное сходство позиций обнаруживается между официальной властью и фунда-

менталистами по вопросу морали. Хасан II в своих выступлениях подчеркивал, что самым худшим из бедствий в истории человечества является «пренебрежение моралью». Он утверждал, что марокканскому обществу не грозят потрясения, вызванные интегритами, как, например, в Иране или Алжире. Лучшими средствами борьбы с фундаментализмом в одном из интервью французской «Le Figaro» от 29 апреля 1996 г. он назвал свободу и образование, «именно отсутствие свободы, а не упадок экономики, приводит к интегризму».

А в интервью для журнала «Paris match» (03.05.1996 г.) он заявил, что «Ислам – религия свободы. Ислам против исламизма».

Хасан II любил цитировать слова своего отца о том, что Марокко представляет собой «суверенное мусульманское государство... Оно – составная часть Великого Магриба. Являясь также и африканской страной, Марокко считает одной из своих задач укрепление африканского единства» [4, p. 75]. Хасан II – один из величайших политических деятелей своего времени. Часто журналисты называли его «серым кардиналом» Арабского Востока или же «хитрым лисом Атласа». Как бы то ни было, Хасан II вошел в историю как талантливый политик, служивший делу мира.

В середине 1960-х гг. основой внешнеполитического курса Марокко стали усилия по укреплению международного авторитета страны и усилению ее влияния, в первую очередь, среди арабских и африканских государств на базе «многосторонней ориентации».

Осуществление идеи опоры на «треугольник» – Франция, США, СССР – по замыслу Хасана II должно было обеспечить Марокко одно из ведущих мест среди развивающихся стран. Разумеется, «треугольник» не мог быть равносторонним, учитывая тяготение Марокко к государствам Запада, среди которых Франция всегда была приоритетом.

Король Марокко неоднократно отмечал близость отношений с бывшей метрополией, подчеркивая, тем не менее,

некоторое превосходство над Францией следующим образом: «Вы не были на школьных скамьях в марокканских школах, в то время как мы, хотя и не учились во Франции, имели учителей-французов. Таким образом, мы учили вашу грамматику, вашу историю, изучали ваше общество. Вы же не знаете о нас ничего» [3, р. 87].

Французы не скрывают своего теплого отношения к Марокко и марокканскому монарху. Известный в деловых кругах Жан-Жак Делор в своем интервью заявил: «Среди франкоговорящих стран именно Марокко для нас французам наиболее структурировано. С этой стороны оно располагает всеми атрибутами нации, государства. С другой стороны, Марокко было модернизировано, сохранив свои традиции. Эта страна вот-вот выплывет на поверхность» [6, р. 102].

Следует отметить личные дружеские отношения правителя Марокко с лидерами V Республики – Жоржем Помпиду, Франсуа Миттераном и Жаком Шираком. Нынешний лидер Французской Республики свой первый официальный визит в качестве президента нанес именно в Марокко. Было подписано соглашение о расширении сферы сотрудничества между двумя странами. Оставаясь основным торговым партнером Марокко, бывшая метрополия оказывает ему значительную финансовую, техническую и культурную помощь. В крупных городах Марокко открыто 7 французских культурных центров и 29 учебных заведений. Около 6 тыс. французских преподавателей работают в марокканских учебных заведениях.

На протяжении всего времени после получения независимости отношения между Францией и Марокко в основном были стабильными. В январе 1983 г. Ф. Миттеран заверил Марокко в своей поддержке в западносахарском конфликте.

В большинстве своих выступлений и интервью Хасан II характеризовал отношения между странами как великолепные, подчеркивая, что, «несомненно, доверительные,

теплые отношения между лидерами государств являются важнейшими элементами, способствующими развитию отношений между самими странами» [3, р. 98].

Франсуа Миттеран в своем поздравлении к 60-й годовщине со дня рождения Хасана II подчеркнул: «С 1981 г. мы часто встречались с Его Величеством в Рабате, Касабланке, Марракеше, Фесе, Париже. Вместе мы всегда старались найти выход из трудных ситуаций, определить новые приоритеты в наших отношениях. Мы пытались найти новые формы сотрудничества, соответствующие настоящему времени. У нас состоялись длительные, продуктивные обсуждения проблем Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, арабского мира, Африки. Наши последние беседы были посвящены вопросу отношений между Европой и Магрибом. Я надеюсь, что дружба и сотрудничество между Францией и Марокко будут крепнуть и развиваться» [10, р. 26–27].

Одной из составляющих отношений между двумя странами традиционно является большая марокканская диаспора во Франции (более 1 млн чел.). Хасан II следил за соотечественниками за рубежом. Находясь с визитами во Францию, он часто выступал перед марокканцами, спонсировал строительство мечетей.

Запад, западная культура вошли в марокканскую действительность, перевернули ее благодаря французам. Король никогда не противился проникновению в страну новых веяний с Запада. Он сам воспринял многие ценности западной культуры, ее язык, традиции. Многие исследователи отмечают, что Марокко вошло в XXI в. более европейским, чем африканским государством. И в этом заслуга Хасана II [5, р. 32].

Последний официальный визит марокканский монарх осуществил именно во Францию, по случаю празднования 14 июля 1999 г. – национального праздника Республики. Он с почестями был принят в Елисейском дворце, участвовал в торжественном параде. Долго беседовал со своим другом

Жаком Шираком, президентом Франции. Никто не знал, что следующего раза уже не будет.

Активно развивались американо-марокканские отношения. США считали и считают Марокко своим наиболее надежным партнером в арабском мире. С конца 1981 г. Марокко увеличило закупки оружия в США. В 1982 г. был создан марокканско-американский военный комитет для поддержания военного присутствия Марокко в Западной Сахаре. В феврале 1982 г. были подписаны соглашения об экономической помощи Марокко. США получили военные базы на территории Марокко для переброски своих войск. 1987 г. был объявлен в США «годом Марокко» в связи с 200-й годовщиной установления американо-марокканских отношений. Марокко было одной из первых стран, признавших в 1776 г. независимость США.

Экономическое ориентирование сейчас, в начале нового тысячелетия, – это аспект, который более всего затрагивает отношения между нациями. В марте 1995 г. Хасан II посетил Вашингтон по приглашению своего друга президента Билла Клинтона. В ходе этого визита было подписано соглашение, определившее торговое и экономическое взаимодействие между двумя странами. Марокканский лидер еще раз доказал, что политическая акция стоит прежде всего на службе экономического развития.

В отношениях с арабскими странами Хасан II всегда проводил свою собственную линию, занимая позиции, выгодные Марокко. Марокканский лидер добился повышения престижа страны в ближневосточном регионе своим стремлением добиться выработки единой точки зрения арабских стран в отношении принципов урегулирования ближневосточного конфликта, инициативой созыва совещаний арабских стран на высшем уровне, поддержкой Палестинского движения сопротивления и участием марокканских войск в боевых действиях против Израиля в 1973 г. На X конференции министров иностранных дел мусульманских государств

Его Величество король Хасан II был избран председателем комитета по Иерусалиму.

Благодаря энергичным дипломатическим усилиям короля Марокко совещание глав государств и правительств арабских стран в Фесе, созванное в 1981 г., продолжило свою работу в сентябре 1982 г. Принятый на нем план стал официальной позицией арабских стран по ближневосточному урегулированию.

Его Величество Хасан II часто ссылался на знаменитую фразу Бисмарка: «Все между государствами может измениться, за исключением географии» [7, р. 127]. Хасан II убеждался не раз, что Марокко не может игнорировать географический фактор, забыть, что оно входит в регион Магриба, что оно относится к арабскому миру, что оно расположено на африканском континенте.

В феврале 1989 г. в Марракеше состоялась встреча руководителей Алжира, Марокко, Ливии, Туниса и Мавритании, на которой ее участники подписали договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ). Заключение договора явилось отражением стремления народов этих стран проводить согласованную политику в области экономики и других сферах общественно-политической жизни.

Создание САМ было обусловлено также и международной политической обстановкой, а также развитием событий в этом регионе. В современных условиях странам Магриба, как и другим развивающимся странам, приходится сталкиваться с изменившейся обстановкой в мирохозяйственных связях, что не может не повлиять на весь ход их социально-экономического развития.

Страны – члены САМ, а в частности Марокко, также в силу своего географического положения, исторических условий развития ориентированы на страны ЕС как на устойчивые рынки сбыта сырья, сельскохозяйственной, а в последнее время и промышленной продукции.

В 1974–1975-х гг. Марокко предприняло широкое дипломатическое наступление с целью признания его прав на Западную Сахару. Ценность этой территории измеряется ее богатыми полезными ископаемыми: залежи фосфоритов, нефть, уран, железная руда, медь, ртуть, калийные соли.

В соответствии с соглашениями 1900, 1904, 1912 гг. о зонах влияния в Северо-Западной Африке между Испанией и Францией здесь закрепилась Испания. Территория Западной Сахары была полностью колонизирована. В 1958 г. Западная Сахара была объявлена «африканской заморской провинцией» Испании. Смена юридического статуса не меняла фактического положения – Западная Сахара оставалась колонией. После обретения в 1956 г. независимости королевством Марокко правительство предъявило требования на эту территорию. 16 декабря 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции предложила Испании немедленно принять необходимые меры по освобождению Западной Сахары. Хасан II заявлял, что вопрос о Западной Сахаре затрагивает две проблемы – спор с Испанией и противостояние с Алжиром. Несмотря на то что личное отношение марокканского короля к генералу Франко было исключительно лояльным, пришлось идти на открытую конфронтацию. 3 марта 1965 г. по случаю праздника Трона Хасан II принял в Фесе ответственного представителя генерала Франко – Солиса, заявив ему: «Господин Солис, передайте генералу, что если он не желает открывать диалог с нами, я заражу Западную Сахару вирусом самоопределения. Я собираюсь обратиться в ООН с вопросом о самоопределении этой территории. Не получив никакого ответа, в сентябре 1965 г. мы официально поставили вопрос о деколонизации Западной Сахары» [4, р. 186].

Испания в 1966 г. официально признала правомерность применения к этой территории принципа самоопределения. В 1966 г. по просьбе Марокко вопрос Западной Сахары был вынесен на обсуждение XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Было вынесено решение о проведении рефе-

рендума по вопросу о статусе страны под эгидой ООН. Кроме Марокко права на Западную Сахару предъявила Мавритания.

Поиски решения проблемы привели за стол переговоров помимо Марокко и Мавритании еще и Алжир, который не выдвигал территориальных претензий, но был заинтересован в судьбе западносахарского народа. Представители этих стран собирались в 1970 г. в Нуадибу и в 1973 г. в Агадире, но безрезультатно.

В 1974–1975-х гг. Хасан II предпринял ряд дипломатических шагов, добиваясь решения проблемы в пользу Марокко.

Тем временем в самой Западной Сахаре в это время усилилось национально-освободительное движение. Его возглавили Национальный сахарский союз (НСС), поддерживаемый Марокко, и Национальный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамры и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО). В мае 1973 г. фронт начал вооруженную борьбу с испанцами. Тем не менее Испания затягивала решение вопроса о бывшей колонии.

В октябре 1965 г. Международный суд в Гааге вынес, наконец, вердикт. Суд констатировал, что территория Западной Сахары не являлась к моменту прихода испанских колонизаторов «терра нуллиус» («ничьей землей»), признал существование определенных связей племен, проживающих здесь, как с Марокко, так и с Мавританией. Но суд высказал мнение, что связи не могут препятствовать народу Западной Сахары самоопределиться.

Решение международного суда дало основания королю Марокко Хасану II сделать беспрецедентный шаг. 20 октября он заявил о законности прав Марокко на эту территорию и организовал поход 350 000 невооруженных марокканцев на Западную Сахару. Инициативу Его Величества поддержали представители некоторых арабских стран. Из Египта, Туниса, Иордании и других стран начали прибывать

добровольцы для участия в мирном, или, как его называли, «зеленом марше».

Такой оборот событий не устраивал Испанию, она обратилась в ООН с просьбой срочно созвать Совет Безопасности. Испанские войска заняли позиции на северных границах Западной Сахары. Кроме того, Испания предприняла попытку организовать контрпоход. 23 октября Совет Безопасности призвал заинтересованные стороны проявлять сдержанность. 6 ноября, когда первые колонны марокканцев подошли к границе Западной Сахары, Совет Безопасности ООН принял более конкретное решение, призвав Марокко прекратить мирный поход. Испанские же войска получили от своего командования приказ «воспрепятствовать вторжению». Назревала опасность военного конфликта.

Но кровопролития не произошло, так как Хасан II остановил движение марокканцев. Во многих своих выступлениях, марокканский монарх подчеркивал значение «зеленого марша», называя его своим звездным часом. 14 ноября 1975 г. в Мадриде начались переговоры между Испанией, Марокко и Мавританией, была достигнута договоренность о том, что Испания передаст управление Западной Сахарой временной трехсторонней администрации.

В декабре 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН высказалась в поддержку права народа Западной Сахары на самоопределение.

В 1976 г. марокканские войска заняли северную часть Западной Сахары и начали вести военные действия с Фронтом ПОЛИСАРИО. Первые семь лет войны были сопряжены с большими потерями с обеих сторон. Марокко не сумело вести в пустыне военные действия — маневренную войну, навязанную Фронтом. Это заставило марокканские власти пойти на сооружение дорогостоящей оборонительной стены из песка и камня, перед которой были расположены минные поля, протянувшиеся более чем на 2 тыс. км, а также опорные пункты и сеть электронных установок раннего оповеще-

ния (американского производства). За стеной укрывалось 100 тыс. марокканских солдат. В апреле 1987 г. стена была удлинена до границ с Мавританией. Она закрыла Фронту ПОЛИСАРИО выход к Атлантическому океану. Росло число марокканских переселенцев. Хасан II определил курс на экономическую и политическую интеграцию захваченных районов. Расходы Марокко на обеспечение безопасности и экономическое развитие Западной Сахары составили, по приблизительным оценкам, более 4 млрд долл., то есть в ежегодном исчислении намного превысили сумму всех иностранных кредитов, поступающих в Марокко.

Согласие Марокко на проведение в 1981 г. референдума в Западной Сахаре позволило снять вопрос о приеме САДР в ОАЕ. Принятие Сахарской Республики в ОАЕ в 1982 г. повлекло за собой кризис в этой организации. Марокко отказалось участвовать в работе XVIII сессии Ассамблеи ОАЕ, а затем вообще вышло из этой организации. Однако затем, официально не признавая Фронт ПОЛИСАРИО, Хасан II установил с ним прямые контакты. Тайные переговоры состоялись в октябре 1978 г. в Бамако (Мали) и в марте 1984 г. в Алжире. С апреля 1986 г. Марокко вело переговоры с Фронтом ПОЛИСАРИО при содействии Генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра. Политика, проводимая Хасаном II, привела к тому, что в ноябре 1987 г. Фронт ПОЛИСАРИО заявил о временном прекращении огня в одностороннем порядке.

В поисках решения вопроса Западной Сахары Хасан II выступил инициатором создания марокканско-ливийского союза. Он был заключен в августе 1984 г. Ливия прекратила военную поддержку Фронта ПОЛИСАРИО. Союз был назван «арабо-африканским», поскольку в него могла вступить любая африканская или арабская страна, независимо от господствующей в ней религии. Руководство союзом должны были осуществлять совместно Хасан II и Муаммар Каддафи. Однако в течение двух лет союз оставался чисто формальным, а

после визита Ш. Переса в Марокко в июле 1986 г. отношения с Ливией были прерваны.

В годы правления Хасана II Марокко поддерживало дружественные отношения с СССР, а после его распада – с Россией. 11 июля 1956 г. Советское правительство признало Марокко, а в сентябре 1958 г. установило с ним дипломатические отношения. С 1960 г. стали налаживаться отношения на правительственном уровне. В октябре 1960 г. Хасан II посетил СССР и заявил о том, что переговоры с руководителями Советского Союза «дали плодотворные результаты в области торговли, экономических и культурных отношений, а также научного и технического сотрудничества».

В 1961 г. ответный визит нанес Л.И. Брежнев, тогда еще председатель Верховного Совета СССР, обсуждались вопросы о планировании марокканской экономики.

В 1969 г. была создана постоянная советско-марокканская межправительственная комиссия.

В наибольшей степени развивались советско-марокканские отношения в области торговли, регулируемые торговым и платежным соглашением от 19 апреля 1958 г. С 1966 г. торговля ведется на долгосрочной основе. В 1970 г. была создана постоянная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В марте 1978 г. в Москве было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в области фосфоритов, названное «контрактом века». В июле 1979 г. было заключено новое торговое соглашение. В январе 1981 г. вступило в силу советско-марокканское соглашение в области морского рыболовства, подписанное в апреле 1978 г.

Внешняя политика при Хасане II была направлена на укрепление связей со странами, принадлежащими к разным идеологиям и горизонтам, благодаря дипломатической активности, чувству инициативы и инновации. Многие политики, ученые отмечали ее реализм, сдержанность, прагматизм, способность к адаптации, к достойному примирению.

Чтобы добиться результата, марокканский монарх много работал. Он до мельчайших подробностей знал все, вплоть до цен на оптовых и розничных рынках, не говоря уже о чисто государственных делах, знал об условиях жизни народа, насущных потребностях своей страны. Умел самостоятельно определить основные направления внешней политики, не ущемляя собственных интересов и уважая интересы других государств. «Я подумываю о том, чтобы вступить в профсоюз, который бы защищал мои интересы, потому что у меня слишком уплотненный график работы», – шутливо признавался король в интервью французскому журналисту Эрику Лорану.

Хасан II эффектно смотрелся на пресс-конференциях, свободно переходил с французского на английский или испанский языки. Он охотно выступал перед большими аудиториями. При общении с журналистами Хасан II готов был беседовать на различные темы, его коньком была политология, модные теории и концепции. В одном из интервью он заявил, что если бы не был королем, то непременно стал бы историком.

Хасан II был крупным землевладельцем. Ему принадлежали обширные плантации цитрусовых, известных по всему миру. Он являлся также основным держателем акций «Королевской компании фосфатов», имел немалые банковские счета за границей. «Король богат? Так что ж, на то он и король», – примерно так реагировали на вопросы подобного характера простые марокканцы. И хотя свыше трети из них живут ниже уровня бедности, они боготворили своего короля. Хасан II говорил: «Моя система не абсолютистская. Я не могу ничего поделать с тем, что мой народ любит меня до самопожертвования. Если завтра я попрошу марокканцев мобилизоваться для нового зеленого марша и если они мне подчинятся, то это не будет моей ошибкой. Мой народ мне никогда не отказывал, потому что он знал, что я ни в чем не отказал бы ему» [4, p. 184].

Королевская семья очень большая, родственные связи крепки, как во всех мусульманских семьях. Еще в конце пятидесятых Хасан II вступил в брак с дочерью одного из глав берберских кланов. В своем роде это тоже политика: берберы – коренное население Марокко, второе по численности после арабов. Отсутствие детей вынудило его жениться вторично – также на представительнице знатного берберского рода, которая подарила ему двух сыновей и трех дочерей. Старший сын, Сиди Мухаммед, родившийся спустя 2 года после воцарения Хасана II, стал наследным принцем, а ныне королем Мухаммедом VI.

23 июля 1999 г., в результате сердечного приступа в возрасте 70 лет скончался двадцать первый монарх из династии Алауитов, правящей в Марокко со второй половины XVII в. – его Величество король Хасан II. Смерть монарха повергла в глубочайший траур весь марокканский народ. В день похорон в Марокко прибыли лидеры двадцати двух государств, африканских, ближневосточных, европейских.

После тридцати лет правления, Хасан II оставил своему наследнику страну, имеющую стабильные отношения со многими странами мира, не раздираемую экономическими и политическими кризисами, страну, где народ любит своего монарха и свято верит ему. Королевская власть в Марокко – одна из главных составляющих современной истории Марокко. Авторитет королевской власти поддерживался за счет незаурядной личности Хасана II, а его священная персона являлась олицетворением страны.

Л и т е р а т у р а

- [1] Рузвельт Ф. Его глазами. – М., 1947.
- [2] Северная Африка: Ислам и общество. – М., 1999.
- [3] Discours et interviews de sa Majeste le Roi Hassan II. mars 1996 – mars 1997. – Rabat, 1997.
- [4] Hassan II. La memoire d'un Roi. – Paris, 1993.
- [5] Jeune Afrique Economie – du 2 au 29 aout 1999. – № 292.

- [6] L'Expansion. 2 mai 1996. – № 524.
- [7] Le Maroc des potentialités. Génie dèun Roi et dèun people.
Rabat, 1989.
- [8] Le Matin.
- [9] Le Matin du Sahara et du Maghreb.
- [10] Morocco: Land of Promise. The Spirit of a King and Peo-
ple. – Rabat, 1991.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

А.Д. Саватеев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАДУ К УЗУРПАЦИИ ВЛАСТИ?

В статье анализируется феномен политического ислама, история его проникновения в Тропическую Африку, двойственный характер его воздействия на местную мусульманскую общину и африканское общество в целом. Автор приходит к выводу, что исламизм становится одной из форм борьбы за сохранение своих социокультурных ценностей.

Ключевые слова: Ислам, исламский фундаментализм, ислам политический, Африка Тропическая, западная цивилизация.

50 лет независимости Африки продемонстрировали неумное стремление африканских народов, различных социально-политических сил, конфессиональных, этнических и иных групп найти собственный путь развития для своих стран. Среди них своей особой твердостью в отстаивании духовно-религиозных ценностей, приверженностью абсолютным принципам веры выделяются мусульманские общины, в первую очередь – фундаменталистски настроенная, выступающая за преобразование мира в целом согласно политическим принципам этой религии исламистская часть африканской Уммы (мусульманской общины). Ее огромное значение и отличие состоит в том, что она предлагает собственный вариант социокультурной организации и развития всего африканского общества, выходящий за пределы отдельных

общин, стран или даже регионов, – проект глобального масштаба.

Становление фундаменталистских течений в регионе, где ислам изначально просто не существовал в своем первичном, «чистом» виде, куда он был привнесен несколько столетий спустя после зарождения на Ближнем Востоке, – явление во многом вторичное. Но усиление фундаменталистских течений в современном исламе Тропической Африки, ассоциирующих себя с первородной религиозной общиной Мухаммада, доказывающих тем самым свое право находиться в этом ряду наравне с духовными эпицентрами мусульманского мира, свидетельствует об укреплении ядра исламской цивилизационной системы, о растущем стремлении духовно и культурно отождествлять себя с эпицентрами исламской цивилизации. Так, например, Мусульманский культурный союз (МКС) [27] и иные «ваххабитские» группы в Мали в 1950-х гг. и в более поздний период ориентировались на арабский мир, твердо идентифицировали себя с арабскими националистическими движениями, в первую очередь алжирскими и египетскими. В контексте войны Франции с Алжиром и подъема Насера с его национальными требованиями в Египте тех лет позицию западноафриканских «ваххабитов» нельзя было иначе трактовать как однозначно антизападную и панисламистскую [12, р. 198; 9] [28]. Наконец, этот процесс можно расценивать и как попытку приблизиться к эталонному с точки зрения принципов и содержания уровню. Речь идет не только о стремлении африканских приверженцев обновленного ислама ассоциировать себя с очагами его зарождения на Арабском Востоке: такое заключение базируется и на вполне реальной, объективной основе, которая соответствует методам и инструментарию классической науки. Африканская действительность знает и примеры становления фундаменталистских сект, групп, зародившихся в недрах самого африканского общества.

По словам одного из наиболее заметных современных идеологов и практиков фундаменталистского направления духовного лидера Судана Хассана Абдаллы ал-Тураби, «этот обновленный дух ислама представлен обострившимся осознанием идентичности, врожденной верой, обновленным личным и общественным поведением, либеральной интеллектуальной позицией и возросшей социально-политической активностью, пытающимися преодолеть разрыв между нынешними условиями мусульманского общества и идеями ислама» [16, р. 3]. Движение за возрождение ислама, по мысли суданского религиозного авторитета, обрело общенациональные масштабы, в частности, в Нигерии, Судане, Сомали и странах Магриба. Оно «лучше понимается в глобальном измерении, но «рассматривать его следует скорее как целостное движение за общие социальные перемены, чем как просто личное или политическое обновленческое движение» [16, р. 3]. На самом деле Хасан ал-Тураби, выступавший с этой речью в конгрессе США, несколько сместил акценты, чтобы представить исламский фундаментализм как протестное движение против навязанных Западом несправедливых условий политического и экономического сосуществования, заставив американских конгрессменов осознать свою ответственность за его становление. Таким образом, он в целом придавал ему вполне светский и понятный облик. В то же время суданский политический деятель маскировал более важную внутреннюю политическую составляющую – превращение государства светского в исламское религиозное.

Только потом исламский фундаментализм представляет собой реакцию мусульманского мира на привносимую западным миром культурную и социальную дифференциацию общества. В социальном смысле религиозный фундаментализм – это своего рода коллективная ностальгия, стремление возродить мир в виде простых объединений и общинных отношений. В политическом плане – это процесс,

имеющий целью создать жесткие пределы, в рамках которых возможно было бы сохранить или возродить религиозно-политическую систему [5, с. 9–11], воплощающую идеал исламского государства – халифат. В нем власть светская, административная есть производное от духовного, от религиозного авторитета признанного лидера, обладающего, по общему представлению мусульман, особым благочестием. В исламском (теократическом) государстве нет места иным политическим, культурным, социальным нормам, кроме раннеисламских. В этом смысле исламский фундаментализм, не терпящий инокультурных элементов, не менее тоталитарен, чем коммунизм. Он в еще большей степени, чем другие фундаменталистские группы и движения, представляет собой попытку сохранить контроль над образом жизни членов общества, исключить идейный, политический, религиозный плюрализм даже в форме небольших отклонений от установленного образца. Отвергаются и потребительские поползновения, что отчасти сближает исламский фундаментализм с аскетизмом протестантских общин и официальной идеологией раннего и сталинского большевизма.

Появление фундаменталистских движений в Африке вызвано еще одной, внутренней причиной: соперничеством между сторонниками суфийских орденов, представляющих интересы марабутов, которые основательно укоренились на африканской земле, и молодым поколением *улемов*, получивших серьезное образование в исламских университетах Ближнего и Среднего Востока. Обладающие гораздо большими познаниями в области теологии и других мусульманских науках, чем обучавшиеся в местных коранических школах и медресе шейхи суфийских тарикатов, они ставят под сомнение право традиционных суфийских авторитетов выносить обоснованные суждения по тем или иным вопросам веры, высмеивают их необразованность в теологических и других вопросах и на этом основании ставят под вопрос право марабутов выражать интересы исламских общин, руководить

ими. Если вначале это соперничество в основном выражалось в культурно-религиозной сфере (диспуты по проблемам мусульманской догматики, создание культурных союзов и ассоциаций фундаменталистски настроенной богословской молодежи для просвещения единоверцев и обращения в ислам «многобожников», пребывающих в состоянии религиозного невежества – *джахилийа*), то в дальнейшем, особенно в последние 5–6 лет, соперничество было перенесено в социально-политическую сферу. Это проявилось в борьбе за влияние в общинах мусульман – *джамаатах*, порой перераставшей в столкновения с приверженцами тарикатов.

Представляя собой до известной степени идейно-религиозное и политическое единство в том, что касается отношения к традиционному исламу, фундаментализм, или обновленческий ислам, распадается на значительное число течений, движений, групп или сект. Они различаются толкованием богословских доктрин, отношением к власти вообще как политическому феномену и конкретному государству, степенью приемлемости Запада и возможности заимствования западных технических и технологических новшеств, концепций и моделей общественно политического развития, а также уровнем терпимости к окружающей их социокультурной среде и способностью к взаимным контактам друг с другом.

Четвертая категория мусульман, которая наряду с местными и зарубежными идеологами фундаментализма-«ваххабизма» включает часть улемов, ряд представителей светской интеллигенции и торговцев, выступает за соединение ислама и власти, за воссоздание самоуправляемой религиозной общины мусульман в рамках страны, то есть фактически за воссоздание теократического государства. Здесь и вполне успешные идеологи – университетские преподаватели, переживающие за судьбу своей страны, оказавшейся в униженном состоянии и причисленной либеральной частью западного и африканского общества к «отсталым, традици-

онным, неэффективным» сегментам «современного общества» [29]. Хотя взгляды приверженцев такой позиции далеко не совпадают. Большая часть «ваххабитов» этой группы, заявляя о необходимости создания религиозно-политического объединения мусульман – халифата, подобного теократической общине пророка Мухаммада, едва ли видит вооруженный путь в качестве средства для достижения поставленной цели.

Наконец, для пятой категории местных фундаменталистов вооруженный *джихад* (*газават*) представляется необходимым и со всех точек зрения оправданным средством достижения конечной цели: создания единого исламского религиозно-политического образования. Главный метод: сила, основное средство – использование оружия. Эту часть политических исламистов, дабы дифференцировать их от приверженцев политических, мирных способов завоевания власти, логичнее именовать религиозными экстремистами (как, например, в отношении экстремистов вооруженного крыла Ирландской республиканской армии). Борьба с экспансией христиан, физическое уничтожение неверующих и впавших в «грех нововведений» мусульман, придерживающихся «народных» форм ислама, здесь естественны и богоугодны. Сюда входят в основном элементы, лишившиеся в результате капиталистических экономических «реформ» привычной социальной ниши, а порой и средств к существованию; озлобленные до предела представители вчерашней интеллигенции, которые не состоялись профессионально или по иным причинам оказались выбиты из своего социального круга. Цинизм, озлобленность и внутренняя глухота, сочетающиеся с разрывом с исконно африканскими и исламскими качествами: добротой, взаимоуважением, любовью к ближнему, составляют основу нравственного портрета экстремистского крыла фундаменталистов. Его дополняют такие качества, как жесткая неуступчивость практически в любых вопросах, особенно веры, глубочайшая фанатическая

убежденность, не допускающая малейших сомнений в правоте своей позиции, невосприимчивость любой критики, исходящей от иноверца.

Согласно идеологии исламского экстремизма, мусульманин просто обязан бороться с неверными, то есть вести вооруженный *джихад*. Под неверными понимаются не только иноверцы, господствующие над мусульманами, навязывающие им свои, светские формы правления, но и те мусульмане, кто не принимает учение *салафитов-«ваххабитов»*.

Политический ислам, или исламизм, мы в первую очередь определяем как религиозно-политическое движение, безусловно, фундаменталистского характера. Он нацелен на возрождение, усиление влияния ценностей исламской цивилизации и направлен против глобальной экспансии Запада. Одно из главных средств достижения этой цели деятели и рядовые сторонники исламизации видят в захвате государственной власти. Нацеленность на достижение политических результатов, само понимание в исламизме политики как неотъемлемой части религиозной деятельности создает определенную грань между ним и исламом как религией, обращенной в первую очередь к внутреннему миру мусульманина. Исламизм по контрасту – это больше программа действия политической партии, нежели религия в собственном смысле слова. В частности, если анализировать цели и способы достижения власти, которые предусматривают и насилие, вооруженные действия, он близок практике большевизма.

Наиболее известные среди исламистских группировок – «ваххабиты» [30] и «Братья-мусульмане». В число таковых входят, например, секта шейха Балалы в Кении, которая создала отделение и в Зимбабве, Ассоциация мусульман-ортодоксов Кот-д'Ивуара (1975 г.) [19, р. 25], в 1994 г. сменившая название на «Ассоциация мусульман-суннитов Кот-д'Ивуара», в ЮАР – организации «Народ против гангстеризма и наркотиков» и «Исламский джихад», незначительные

группировки «Южно-африканский джихад», «Мусульмане против незаконных лидеров», входящие в религиозно-политическое объединение «Кибла» под руководством Ахмада Кассема (философа по образованию). В Нигерии к ним причисляют общенациональную исламскую ассоциацию «Изалатул бид'а ва икамат ал сунна», известную под названием «Иан изала», и «Джамаату насрил ислам» («Общество за победу ислама», созданное в 1962 г.). В Сенегале к подобным исламистским организациям относятся «Движение ал-Фаллах за исламскую культуру салафийа» и группа «Джамаату Ибаду Рахман» во главе с Алиуном Хабибулахом Диуфом [25, р. 235–236]. В Буркина-Фасо действует «Джамаат Ахл ал-Сунна ал-Мухаммадия» («Общество сунны Мухаммада») [21, р. 310–311], а в Сомали – «Джихад ал-Исламийа» и т.д.

Исламисты составляют все же далеко не основную (хотя и наиболее заметную благодаря своим дерзким выступлениям) часть мусульманских фундаменталистов. В плане догматики их большинство составляют мусульмане-сунниты, однако в ряде стран возникло и шиитское меньшинство, которое благодаря материальной, организационной и моральной поддержке Ирана оказывает известное влияние. Шииты-фундаменталисты заметны в Нигерии, Сенегале, есть они в Кении, Кот-д'Ивуаре, Мали, ЮАР.

Наиболее авторитетный современный французский специалист по африканскому исламу Ж.-Л. Трио выделяет четыре наиболее важных черты «ваххабитов», в частности, Западной Африки: 1) подчеркнутый разрыв с большинством улемов мусульманской общины, который выражается специальными демонстративными действиями, созданием отдельных, собственных ассоциаций; 2) отвержение общепринятых традиционных форм почитания старших и уважения марабутов, отказ от культа святых; 3) обращение исключительно к Корану и сунне Пророка в качестве источника веры, сопрягающееся с демонстративно выраженным недоверием к лю-

бым, за исключением исламской, юридическим системам; 4) враждебность по отношению к *тарикатам*, которые расцениваются «пуританами ислама» как новаторские и еретические секты, искажающие смысл и содержание веры [24; 1].

«Ваххабитами» становились главным образом городские мусульмане, страдавшие от того, что они оказались вне европейской культуры и в то же время не смогли войти в состав исламской религиозной верхушки. В состав этого движения в бывшей Французской Западной Африке входили как городские торговцы, так и интеллигенция. В то же время в Танзании местные мусульмане относят к «ваххабитам» некоторых немногочисленных представителей рабочего класса, тогда как в соседней Кении в эту категорию включают в первую очередь представителей улемов и низших слоев интеллигенции. Отдельные авторы оценивают «ваххабизм» как в значительной мере буржуазное движение [4; 31].

Во-первых, африканцев привлекает приверженность фундаменталистов групповой солидарности, единение членов религиозной общины.

Во-вторых, симпатии населения вызывает ограничение и осуждение жадности накопительства и стремления к роскоши. Это выражается, например, в ношении подчеркнуто простой и дешевой, но чистой одежды и обуви. Люди приветствуют уравнилельские, эгалитаристские установки в жизни «ваххабитской» общины, поддерживают обычаи взаимопомощи и совместной хозяйственной деятельности, в которой должны принимать участие все ее члены, на что также делают упор *салафиты*. С явным интересом африканцы встречают тезис о поддержании баланса между материальным процветанием и моралью, о необходимости каждому истинному мусульманину (особенно представителям власти) неукоснительно следовать нравственным требованиям.

В-третьих, особый отклик в душах людей находит острая и непримиримая критика нравственных язв в общественной и культурной жизни, проявления сексуальной распу-

щенности, супружеской неверности, безответственности перед семьей и близкими и взяточничества среди чиновников [3, с. 59]. Не остаются незамеченными и требования к власти покончить с преступностью и казнокрадством. Наибольшее понимание эти нравственно-правовые установки встречают среди рядового крестьянства, но в последние годы на них реагируют и представители интеллигенции, особенно те, кто в последние годы оказался в экономическом и нравственном тупике. «Ваххабизм» как раз помогает преодолеть отчаяние перед лицом, казалось бы, непреодолимых жизненных проблем, придает смысл существованию, поднимая мусульманина над суетностью нелегкого бытия и возвышая его помыслы.

Одновременно исламские фундаменталисты, в первую очередь салафиты, стремятся к достижению полного единообразия внутри мирового исламского сообщества. Это означает ликвидацию национальных различий на фоне стремления к исламскому коммунизму, к созданию мусульманского транс-, или суперэтнического сообщества. В наиболее теоретизированном виде эта мысль предстает в доктрине идеологов организации «Братья-мусульмане», возникшей в Северной Африке на рубеже XIX–XX вв. и поставившей вопрос о сплочении, союзе мусульманских народов. «Братья», например, заявляют, что в исламе нет национальностей, есть одна и только одна нация – мусульманская, и создание ее – одна из главных целей этой организации.

«Братья-мусульмане» выдвигают идею объединения народов под знаменем ислама в рамках «Восточного союза». Свой «восточный национализм» они противопоставляют индивидуализму, проповедуемому западными либералами. И до тех пор, пока западные государства не откажутся от своей *асабийи* [партикулярного национализма], «Братья-мусульмане» не примут идею мирного сосуществования, выдвигаемую Западом. Однако такой союз едва ли станет постоянным, он носит тактический характер, поскольку «му-

сультманские народы должны идти к сплочению лишь на исламской основе». Поэтому «Братья-мусульмане» стратегически против и Запада, и Востока (понимаемых как противостоящие блоки западноевропейских и бывших социалистических государств Восточной Европы), но они – за коранический ислам.

Полностью исламское единство может быть достигнуто только на последнем, четвертом этапе, когда в одно целое сольются африканские мусульмане и приверженцы религии Пророка Мухаммада из других периферийных регионов уммы. Этапы движения к этой цели, в соответствии с доктриной идеолога «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна, выглядят следующим образом: 1) достижение единства мусульман Египта, который призван сыграть центральную роль во всем процессе; 2) реализация единства правоверных, населяющих долину Нила – в границах Египта и Судана; 3) установление арабского единства; 4) создание общемусульманского союза с участием приверженцев ислама Тропической Африки и других окраинных районов мусульманского мира [3, с. 60–61].

Наиболее известной организацией, разделяющей идеологию «Братьев-мусульман», в Тропической Африке является нигерийская секта под руководством Ибрагима Закзакки из Зарии. Эта конфессиональная группа мусульман находится под влиянием идей создателей «Братьев» египтян Сайида Кутба и Хасана ал-Банна, а также вдохновляется примером лидеров иранской «исламской революции». Они довольно многочисленны на Севере и часто напоминают о себе, организуя митинги и принимая заявления – нередко политического характера.

Местные «Братья-мусульмане» отвергают конституцию государства, его законные институты и символы официальной власти, признавая только шариат. 29 марта 1991 г. они разгромили в Кацине редакцию правительственной газеты «Дейли Таймс» и совершили нападение на эмира города

из-за статьи в этой газете, содержание которой, по их мнению, оскорбляло Пророка Мухаммада. Невзирая на предупреждения, последовавшие вслед за этим со стороны губернатора штата, 19 апреля они вновь учинили беспорядки и даже подожгли центральную мечеть. Многие европейские и африканские ученые относят эту организацию нигерийских приверженцев ислама к шиитской ветви. Однако, по мнению западного исследователя нигерийского ислама Дж. Кенни, на местных «Братьев-мусульман» больше производят впечатление действия аятоллы Хомейни – храбрость, решимость и последовательность, чем догматические каноны шиизма, в частности легенды, признающие Али б. Абу Талиба в качестве законного преемника Пророка Мухаммада [18, р. 344].

В 1980-х гг. в связи с «исламской революцией» в Иране влияние мусульманского фундаментализма в мире, и в том числе в Тропической Африке, резко усиливается, а сам политический ислам продемонстрировал и реакционные, антипросветительские начала, показал религиозную нетерпимость. Это явление в наиболее острой форме проявилось в Нигерии, которая во многом может служить моделью религиозно-политической ситуации, складывающейся в ряде стран Тропической Африки.

В 1970–1980-е гг. в результате обострения экономического кризиса, последовавшего за крахом нефтяного бума, в Нигерии образовался широкий слой безработных и деклассированных элементов из числа уволенных служащих и рабочих, разорившихся крестьян, оставшихся не у дел мигрантов из сел страны и ряда западноафриканских государств. В этой социальной среде и получили наибольшее распространение квазиисламские и антизападные идеи малама Мухаммаду Марвы, по прозвищу Майтадине, объявившего здесь войну всем формам европейской культуры, всему современному. Они материализовались в своей крайней и массовой форме в выступлениях приверженцев секты, прокатившихся по многим городам Северной Нигерии.

Еще в 1960-е гг. М. Марва, выходец из камерунского города Маруа, сумел привлечь симпатии безработной молодежи обещаниями «золотого века», который якобы должен наступить после того, как страна очистится от всего европейского. Отвержение всех форм и символов западной культуры – от христианской атрибутики до радиоприемников – в его проповедях сочеталось с обличением коррупции, погони за материальным успехом и преступлений, совершаемых ради этого.

Провозгласив себя в конце 1970-х гг. мусульманским пророком, способным даровать рай всем своим приверженцам, если они готовы погибнуть за своего вождя, М. Марва стал проповедовать непримиримое отношение ко всем «неверным». Его сторонники, призывавшие чтить в качестве пророка Марву, а не Пророка Мухаммада, прямо заявили о намерении физически уничтожить всех, кто так или иначе приобщился к европейским культурным ценностям, включая единоверцев. В декабре 1980 г. секта, численность которой достигла нескольких сот тысяч человек, развязала в г. Кано массовые беспорядки. Сторонники Майтачины громили не только дома и магазины христиан, их «священный гнев» излился и на мусульман-хауса, составляющих большинство жителей этого большого города: ведь именно хауса не желали признавать в них равных в исламе и социальных правах, и это было вдвойне непереносимо, потому что унижение исходило от единоверцев.

Со своей стороны коренные обитатели Кано, объединившиеся в социально-экономические торгово-промышленные структуры, где роль интегратора исполняли суфийские тарикаты Тиджанийя, Кадирийя, своим поведением подчеркивали приниженный социальный статус майтачинов и не желали признавать за их лидером пророческих качеств и харизматической силы. Они справедливо расценивали возвращаемую идеологию как серьезнейшую опасность, взрывающую сложившуюся систему отношений, в которой нетрудно

распознать традиционный тип господства. В результате за 11 дней уличных сражений погибло, по различным данным, от 4 до 11 тысяч человек. Порядок в городе был восстановлен только после того, как армия применила авиацию и артиллерию. Марва погиб, но его последователи, рассеявшись по другим городам Нигерии, продолжили деятельность секты: в 1982, 1984 и 1985 гг. они вновь организовали кровавые столкновения во многих городских центрах Северной Нигерии [13, 15; 11; 20].

Официальные правители государства приписали деятельность секты Майтаине влиянию Ливии, Израиля, Ирана и обвинили в причастности к бунту мигрантов из Нигера, Камеруна, Чада, Буркина-Фасо, Ганы, которые действительно были наиболее многочисленным отрядом среди погромщиков. Но наряду с ними в выступлениях приняли активное участие и местные жители – пауперы и деклассированные элементы: им принадлежит немалая роль в этих событиях.

Квазиисламская и антиевропейская направленность требований секты отразила безысходность положения в этом обществе несостоявшегося капиталистического чуда деклассированных элементов, их подавленность и вызванное этим крайнее ожесточение, поскольку эти люди оказались не только вне современных социальных общностей, но и вне местных мусульманских общин, отмечает российский исследователь И.В. Следзевский [6]. Вместе с тем движение Майтаине свидетельствовало о глобальном явлении – явном кризисе пустивших в Нигерии корни западных политических и культурных институтов и ценностей, вступивших в конфликт с ценностями исламской цивилизации. Это было столкновение двух полярных форм отношения к миру, двух систем ценностей, порожденных, с одной стороны, западной цивилизацией с ее ориентацией на достижение материального успеха и чувственные удовольствия и, с другой стороны, мусульманской цивилизацией в ее крайнем аскетическом

выражении. Это был наиболее яркий случай, когда столкнулись два, по выражению русско-американского ученого П.А. Сорокина, типа культурной ментальности, противостоящих друг другу: аскетически-идеациональный (майтицины) и активно-чувственный [7, с. 48–64] с изрядной примесью цинизма (местный вариант безудержного стремления к обогащению). Недостижимые для подавляющего большинства сельского и городского населения западные стандарты потребления и поведения, которые спешили продемонстрировать окружающим нигерийские нувориши и политические деятели, в глазах социальных низов и местных студентов-фундаменталистов, присоединившихся к сторонникам Марвы, выглядели символом угнетения, социального и культурного унижения и несправедливости [6, с. 95–96].

В научном плане значение движения Майтацине состоит в подтверждении тезиса универсальности ислама: и в периферийных, казалось бы, районах мусульманского мира, как, например, в Нигерии, возможны события, масштабами и целями напоминающие «исламскую революцию» в Иране. Накопленный социальный взрывчатый материал стал серьезным фактором оправдания цивилизационного разрыва. Однако еще большую роль сыграла накопленная духовно-религиозная энергия майтацинов, без которой выступление, тем более такого масштаба и ярости, едва ли состоялось бы. А поражение секты объясняется главным образом тем, что, в отличие от Ирана, исламские фундаменталистские идеи здесь – в стране, где около половины населения – христиане, не могли стать не только общенациональными, но даже не объединили мусульманскую общину.

Тем не менее победа «исламской революции» в Иране инициировала становление в ряде мусульманских стран, в том числе в Судане, исламских режимов. Они следуют традиционным мусульманским уложениям в таких правовых сферах, как уголовное законодательство, семейный кодекс,

положение женщины дома и в обществе, статус немусульманских меньшинств.

Противостояние как традиционным верованиям, так и иным конфессиональным течениям в исламе, а также конфронтация с теми правителями-мусульманами, которые не соблюдали строго исламские законы, позволяет отнести эти джихадистские движения, считает британская исследовательница Ш.А. Куинн, к числу испытавших воздействие «ваххабизма». Во всяком случае, пишет она, методы действий в Африке исламских реформаторов XIX в. и то, что они использовали *джихад* в качестве средства религиозного возрождения, по крайней мере косвенно, свидетельствуют о восприятии ими идей саудовского исламского миссионера Мухаммада бин Абд ал-Ваххаба [22, р. 233]. Под влиянием его учения и сложились теократические государства во главе с фульбскими *тородбе (шейхами)*.

С британской исследовательницей солидаризируется ее американский коллега, профессор Принстонского университета Дж.Р. Виллис. Он высказывает мнение о влиянии «ваххабизма» на возрожденческие движения в Западной Африке еще в первой половине XIX в. [26, р. 400]. Не исключает такой связи применительно ко второй половине столетия И. Хрбек: «Вполне вероятно, что некоторые основополагающие принципы (ислама. – А.С.) действовали в Западной Африке в качестве инкорпорированных частей возрожденческой доктрины и что Мамаду Ламин воспринял их скорее в этом опосредованном виде, но не прямо в Мекке» [14, р. 213]. А американские исследовательницы ислама в Тропической Африке Б. Каллавей и Л. Кривей (Берман) прямо заявляют, что легендарный предводитель джихада середины XIX в. в Западной Африке ал-Хадж Омар наряду с учением Тиджанийя испытал прямое влияние «ваххабизма», к которому приобщился, находясь в Мекке, откуда он вернулся на восток Сенегала, в Фута-Торо, в 1838 г. [10, р. 20–21].

Крайним выражением агрессии против Запада в последние годы стали террористические акты отдельных вооруженных групп, именующих себя «моджахединами», «борцами с западным тлетворным влиянием», «ваххабитами» или «салафитами» и т.д. против подданных западных государств. К этим действиям, как считают многие политики и ученые, якобы присоединились и отделения «Аль-Каиды», возникшие в Черной Африке. Во всяком случае, им приписывают взрывы зданий американских посольств в Кении и Танзании в августе 1998 г., участие в войне в Сомали на стороне Союза исламских судов.

Глобализация несет с собой разрушение сложившихся норм поведения, традиционной общественной психологии с ее установкой на доброту, взаимопонимание, совестливость, взаимопомощь, сострадание. Итогом становится формирование новой модели отношения к миру, иной картины мира, то есть изменение цивилизационных характеристик того общества, где насаждаются ценности глобального мира. Неприятие несущих реальную опасность новых, агрессивных шаблонов и стандартов в мусульманских конфессиях принимает осмысленный и организованный характер, влечет за собой стремление возродить национальные культурные и религиозные ценности во всех областях культуры. Порой оно перерастает в попытки абсолютизировать национальную идентичность, превратить ее в фактор политического противостояния западной культуре в целом. Сохранение целостности традиционной исламской культуры – одно из принципиальных требований исламской общины.

* * *

Как показывает африканский опыт, радикальные, экстремистские учения нашли здесь в целом благоприятную почву. Они чаще всего соединялись с движениями, выступавшими за справедливое, отвечающее интересам низших слоев устройство общества. Эти общественные движения,

выходившие за рамки этнических или политических интересов и требовавшие осуществления высших социальных принципов, реализовывали себя именно в религиозной форме, поскольку именно ислам закреплял эти принципы в Коране и других священных книгах. Абсолютизация высших принципов, утверждаемых в шариате с его жесткими комплексными требованиями реализации божественных заповедей, которые явно не соответствовали сложившимся мирским порядкам, сформировавшимся под воздействием человеческих прихотей и соблазнов, соображений власти и государственных интересов, в последние годы – под давлением глобальных процессов, социальных и политических обстоятельств, приводит в исламе к складыванию радикалистских течений, как правило, политического содержания. Они, в подавляющем большинстве, апеллируют к прошлому, к принципам первоначальной мусульманской общины как идеала социально-политического устройства общества.

Однако для достижения этой цели экстремистская часть идеологов считает оправданным применение насилия не только к мусульманской общине, но и в целом к остальному человечеству. Появление и укрепление подобных экстремистских учений и практики их осуществления создает в исламской цивилизации второе полярное начало, которое противостоит «народному», или «деревенскому», исламу. Максималистские лозунги и действия экстремистского крыла мусульманской общины не оставляют выбора для государства, которое вынуждено все шире прибегать к силе для подавления экстремистских выступлений. Более того, исламизм как политическое выражение фундаменталистского крыла устанавливает серьезные размежевания с тарикатистской и «деревенской» частями исламской цивилизации. Напряжение, которое возрастает в связи с этим внутри мусульманского общества, актуализирует ряд антиномий, свойственных и мусульманской культуре: аскетизм дервишей – жажда накопительства; мягкость – жесткость; доверчивость – подозри-

тельность; смирение – бунт; африканское – исламское; простодушие – изощренность и т.д. Но принципиальное значение имеют разрывы между:

- африканским началом и стремлением к повсеместному насаждению исламской религиозности;
- толерантностью тарикатской модели и отвержением любых, не исламских моделей общественного и политического существования;
- абсолютизацией мира как естественным состоянием человеческих взаимоотношений (ислам как синоним понятия мир) и военным джихадом как обязанностью каждого мусульманина и средством насаждения ислама;
- смирением в отношении государства, лояльностью по отношению к сложившемуся светскому общественно-политическому строю и неприятием любых его форм;
- относительной индивидуальной свободой приверженцев орденов и бескомпромиссным подчинением требованиям исламистской общины, предусматривавшим порой отказ от контактов с единоверцами;
- мирским смирением, добродушием сторонников орденов и «народного» ислама и агрессивностью членов радикальных групп.

Пока антиномии не развились до такой степени, за которой начинается внутренний раскол. Это обусловливается немногочисленностью исламистского экстремистского крыла, а также тем, что исламская цивилизация обладает мощными механизмами стабилизации, не позволяющими крайностям перешагнуть порог дозволенного. Политический исламизм, несмотря на расширяющееся поле своего влияния, пока находится на периферии духовно-культурной жизни. Общество и государство еще в состоянии сдерживать экстремистские крайности, однако глобализация может способствовать росту влияния исламистов и внести серьезное обострение в жизнь исламизированных африканских обществ.

Впрочем, как справедливо подчеркивал российский ученый Б.С. Ерасов, даже захват власти государственной, падение секулярного государства и гибель исламского государства [от себя добавим, прибегая к африканскому опыту, – халифата Сокото под ударами англичан, или разгром теми же британцами махдистского государства в Судане. – А.С.] не приводит «к крушению того общества, которое имело альтернативную форму социокультурной организации на основе мировой религии» [2, с. 245]. Но невозможна и дезинтеграция, и гибель цивилизации целиком, сделал в свое время вывод наш выдающийся соотечественник, социолог и культуролог П.А. Сорокин. История цивилизаций свидетельствует, что после распада всегда сохраняются существенные элементы, которые ложатся в основу новой социокультурной общности. Таковыми могут быть язык, поэтическое творчество или особенности правовой системы, сохраняемые обществом и, со своей стороны, помогающие ему выжить в переломные моменты существования [23, р. 380]. Кризис, приводит весомые аргументы наш соотечественник, сменится катарсисом, за которым последуют харизма и воскресение [7, с. 810–811]. И далеко не последнюю роль в возрождении сможет сыграть жизнелюбие африканской культуры.

Л и т е р а т у р а

[1] *Васильев А.М.* Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии. – М., 1967.

[2] *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. – М., 2002.

[3] *Мамытова Э.* Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5.

[4] Полевые дневники 1-ой российской экспедиции в Танзанию 2003 г. – из архива автора.

[5] *Саидазимова Г.* Ислам и Запад: возможен ли «диалог цивилизаций»? Об исламе и фундаментализме в эпоху глобализма // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 5.

[6] *Следзевский И.В.* От мусульманского регионализма к исламскому национализму // Ислам в Западной Африке. – М., 1988.

[7] *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, эстетики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000.

[8] *Яковенко И.Г.* Познание России: цивилизационный анализ. – М.: Наука, 2008.

[9] *Brenner L.* Controlling Knowledge. Religion, Power and Schooling in a West African Muslim Society. – L., 2000.

[10] *Callaway B., Creevey L.* The Heritage of Islam. Women, Religion and Politics in West Africa. – Boulder – London: Lynne Rienner Publishers, 1994.

[11] *Clarke P.* The Maitatsine Movement in Northern Nigeria in Historical and Current Perspective // New Religious Movements in Nigeria. – Lewiston – Quenston, 1987.

[12] *Harrison Ch.* France and Islam in West Africa, 1860–1960. – Cambr. etc., 1988.

[13] *Hiskett M.* The Maitatsine Riots in Kano, 1980: An Assessment // Journal of Religion in Africa. Leiden. – Leiden, 1987. – Vol. 17, fasc. 3.

[14] *Hrbek I.* Early Period of Mahmadu Lamin's Activities. // Studies in West African Islamic History. – Vol. I: The Cultivators of Islam. – L.: Frank Cass, 1979.

[15] *Isichei F.* The Maitatsine Rising in Nigeria 1980–1985: A Revolt of Disinherited // Journal of Religion in Africa. – 1987. – Vol. 17, fasc. 3.

[16] Islamic Fundamentalism in Africa and Implication for U.S. Policy. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. – Wash., 1993.

[17] *Kaba L.* The Wahhabiya. Islamic Reform and Politics in French West Africa. – Evanston, 1974.

[18] *Kenny J.* Shariā and Christianity in Nigeria: Islam and a 'Secular' State // Journal of Religion in Africa. – Leiden, 1996. – Vol. XXVI, fasc. 4.

[19] *Miran M.* Le wahhabisme à Abidjan: Dynamisme urbain d'un islam réformiste en Côte-d'Ivoire contemporaine (1960–1996) // Islam et sociétés au Sud du Sahara. – P., 1998. – № 12.

[20] *Nicolas G.* Guerre sainte à Kano // *Journal of Religion in Africa*. – Leiden, 1987. – Vol. 17, fasc. 3.

[21] *Otayek R.* La crise de la communauté musulmane de Haute-Volta: L'islam voltaïque entre réformisme et tradition, autonomie et subordination // *Cahiers d'études africaines*. – P., 1984. – Vol. 24. – № 95.

[22] *Quinn Ch.A.* Maba Diakhou and the Gambian Jihad, 1850–1890 // *Studies in West African Islamic History*. – Vol. I: The Cultivators of Islam. – L.: Frank Cass, 1979.

[23] *Sorokin P.A.* Sociological Theories of Today. – N.Y.–L., 1966.

[24] *Triaud J.-L.* Abd Al-Rahman Africain (1908–1957) // *Canadian Journal of African Studies*. – Ottawa, 1985. – Vol. 19. – № 2.

[25] *Villalon L.A.* Islamic Society and State Power in Senegal. Disciples and Citizens in Fatick. – Cambridge, 1995.

[26] *Willis J.R.* Jihad fi Sabil Allah – Its Doctrinal Basis in Islam and Some Aspects of its Evolution in Nineteenth Century West Africa // *Journal of African History*. – L., 1967. – Vol. VIII. – № 3.

[27] Мусульманский культурный союз – одна из первых организаций в Африке южнее Сахары, которую, по мнению африканского исследователя ислама в Тропической Африке Лансине Каба [Kaba], следует отнести не к афро-исламским, а к сугубо исламским, поскольку основатели его, получившие духовно-религиозное образование в египетском университете Аль-Азхар, стояли на принципах неукоснительного соблюдения норм в соответствии со строгими требованиями ханбалитской религиозно-правовой школы в исламе: *Kaba L.* The Wahhabiya. Islamic Reform and Politics in French West Africa. – Evanston, 1974.

[28] *Harrison Ch.* France and Islam in West Africa, 1860–1960. – Cambr. etc., 1988. – P. 198. Того же мнения в целом придерживается и другой известный специалист по исламу в Западной Африке Л. Бреннер: *Brenner L.* Controlling Knowledge. Religion, Power and Schooling in a West African Muslim Society. – L., 2000.

[29] В этом отношении показательна монография российского исследователя И.Г. Яковенко «Познание России: цивилизационный анализ» (М.: Наука, 2008), в которой автор отмечает схожие процессы в современной российской цивилизации.

[30] Термин «ваххабиты» закрепился главным образом в популярной литературе и среди журналистов для определения групп мусульман, отличающихся склонностью к резким проявлениям своей религиозности, экстремизмом в словах и действиях, фанатизмом в соблюдении обрядности, предписаний ислама, заявлениями (а порой и действиями) о стремлении заменить существующие режимы властью мусульманских духовно-религиозных лидеров, ввести шариатские нормы в качестве правовых для всех граждан. В строгом, научном смысле этого слова данное понятие касается только саудовцев, приверженцев учения саудовского проповедника XVIII столетия Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба.

[31] *Amselle J.-L. Le Wahabisme à Bamako (1945–1985) // Canadian Journal of African Studies. – Vol. 19. – № 2.*

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Ю. Ильина

ЗАПАДНОАФРИКАНСКАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА: АВТОРЫ И ПЕРСОНАЖИ

В статье анализируются художественные произведения женщин-писательниц Нигерии и Ганы, посвященные проблеме духовного и нравственного раскрепощения современных африканок. В центре внимания писательниц – судьбы африканских женщин (разных возрастов, профессий, социальных групп), из многообразия которых складывается динамический стереотип поведения африканской женщины.

Ключевые слова: литература Нигерии и Ганы, эмансипация, нравственное раскрепощение, константная тема, полигамия, гендерная асимметрия.

В настоящее время в литературном процессе стран Западной Африки наблюдается бум женской прозы. В литературах Нигерии и Ганы появились заметные произведения, константной темой которых стало духовное и нравственное раскрепощение женщины. Эти авторы, досконально знающие проблемы своих соотечественниц, отображают судьбы женщин сегодняшней Африки и создают яркие образы современных африканок – женщин разных возрастов, профессий, социальных групп, из многообразия которых складывается динамический стереотип поведения африканской женщины.

Известная нигерийская писательница, получившая мировую признательность, Бучи Эмечета не живет на родине в Нигерии. Совсем юной девушкой в 1962 г. она покинула Лагос и отправилась с мужем, с которым позже рассталась, в Лондон, где с тех пор и проживает вместе со своими пятью

детьми. Первые два романа Б. Эмечеты «В канаве» (1972 г.) и «Гражданин второго сорта» (1974 г.) являются автобиографическими произведениями о трудном периоде адаптации к жизни на Западе.

Следующие романы писательницы: «Выкуп за невесту» (1976 г.), «Рабыня» (1977 г.), «Радости материнства» (1979 г.), «Кехинде» (1994 г.) – повествуют о событиях, связанных с нигерийской действительностью [1].

Кехинде, героиня одноименного романа Б. Эмечеты, является женщиной сильной и незаурядной, смелые поступки которой опрокидывают привычные представления о браке, семье и женском счастье.

Действие романа «Кехинде» разворачивается в начале 1980-х гг. в Лондоне, где благопристойная семья нигерийцев Около проживает уже 18 лет. Холостяком уехал из Нигерии Альберт Около, через год к нему присоединилась юная жена Кехинде. Жизнь в Англии у этой нигерийской семьи на первый взгляд складывается удачно: Альберт работает заведующим складом, Кехинде – перспективная работница банка (именно благодаря ей семья смогла получить кредит на покупку дома в Лондоне). У Около подрастают двое детей подростков.

Однако процесс интеграции в европейский социум не проходит для семьи безболезненно. Прекрасно приспособившийся к жизни европейца в Лондоне, Альберт, тем не менее мечтает об Африке, о традиционных африканских ценностях. Получив от сестер письмо из Нигерии, в котором они настойчиво приглашают его вернуться на родину, переживающую нефтяной бум, где теперь много возможностей преуспеть, он принимает решение уехать на родину. В разговоре с сослуживцем он так объясняет свой шаг: «Я хочу вернуться к тому образу жизни, который был у моего отца, жизни относительно легкой для мужчин, где мужчины были мужчинами, а женщины – женщинами... «Мне надоело слушать свою жену и потакать ей во всем» [2].

Альберт с тоской вспоминает свое детство в Лагосе, когда его отец с друзьями по воскресеньям надевали агбады, которые их жены большую часть недели отбеливали и крахмалили. Они навещали друзей, их угощали пальмовым вином, орехами кола и вяленой рыбой. Альберт мечтает о том, как вернется в Нигерию, и Кехинде узнает, как должна вести себя настоящая африканская жена. Ему не нравится, что в Лондоне его жена живет как белая женщина, представительница среднего класса, зарабатывающая больше мужа и от него не зависящая.

В характере Альберта отражается противоречивость сознания африканца, оказавшегося на стыке двух культур, европейской и африканской. Узнав накануне отъезда на родину о беременности Кехинде, Альберт отговаривает Кехинде родить еще одного ребенка, что нехарактерно для африканского мужчины, ревностно охраняющего традиционные семейные ценности, среди которых дети являются главным богатством. В качестве аргумента Альберт приводит необходимость для Кехинде заработать как можно больше денег перед отъездом на родину, что невозможно представить себе в отношениях с традиционной женой.

В романе затронута серьезная проблема возвращения в Африку после длительной интеграции в европейское сообщество. Когда спустя два года после отъезда из Лондона мужа и детей, так и не продав дом (это была основная причина, по которой Кехинде осталась в Англии), она приезжает в Нигерию, то к своему ужасу узнает, что Альберт – преуспевающий нигериец, привел в дом вторую жену, у них есть ребенок, скоро будет второй.

Если Альберт, оказавшийся сторонником полигамии, и их с Кехинде дети, легко адаптировавшиеся к новой для них африканской действительности, прекрасно чувствуют себя в Нигерии (навестив детей в частной школе-пансионе, Кехинде убедилась, что у них нормальные отношения с новой «матерью»), то Кехинде чувствует себя в Африке «чужой

среди своих». Прожив много лет на Западе, сформировавшись там как личность современная, самостоятельная и независимая, она не приемлет традиционный африканский уклад, тем более полигамный брак, и не желая подчиняться мужу и его родне, уезжает обратно в Лондон. Встреча двух миров в жизни героини видится автору как подавление африканского мировоззрения европейским.

Признавая кодекс поведения женщины, основанный на европейской модели, Кехинде не отрицает «вечные» ценности брака, но считает, что для женщины существуют и другие возможности самореализации, такие как работа и образование.

Роман Б. Эмечеты, выдержанный в духе «массовой» литературы, поднимает проблемы, близкие каждой нигерийской женщине, и утверждает новую систему ценностей – образование, материальное благополучие, свободную от традиционных рамок любовь. Образ Кехинде, несомненно, вносит весомый вклад в разработку темы женской эмансипации.

Писательница, которую можно отнести к авторам, в равной степени принадлежащим к африканской и европейской культурам, Бучи Эмечета, усвоила лучшие традиции нигерийского романа и подтвердила укрепившуюся в литературе страны жизнеутверждающую тенденцию.

Среди новых имен нигерийских авторов, появившихся в литературе страны в эти годы, следует отметить писательницу Акачи Адимору-Эзеигбо, преподавателя Университета города Лагоса. Ее перу принадлежат сборники рассказов «Ритмы жизни: истории о современной Нигерии» (1992 г.) и «Ритуалы и отступление от традиций» (1996 г.) [3].

Основной темой рассказов, вошедших в первый сборник, стала женская тема, о чем свидетельствует и предисловие к нему, и то, что события нигерийской жизни конца века передаются глазами женских персонажей.

В предисловии к сборнику рассказов А. Адимора-Эзеигбо пишет: «Необходимость для мужчин и женщин создавать более теплые взаимоотношения, основанные на взаи-

мопонимании и уважении, является главной идеей, объединяющей эти истории вместе... Для меня это “взаимодополняемость”: необходимость для мужчин и женщин дополнять друг друга и создавать друг друга. Секрет счастливой жизни кроется в этой идее».

В рассказах отчетливо выражена позиция автора: осознавая необходимость экономической самостоятельности женщины в Африке, она с большой симпатией относится к «вечным» человеческим ценностям – счастливому браку, домашнему очагу, при этом она убеждена в том, что за создание счастливой семьи отвечают оба супруга. Говоря о необходимости гармоничного сосуществования мужчин и женщин, писательница подчеркивает, что усилия мужчин и женщин по созданию семьи не пройдут даром – они принесут счастье и благополучие.

Известная нигерийская романистка Флора Нвапа (1931–1993 гг.) – первая женщина в Нигерии, написавшая роман. Ее перу также принадлежат короткие рассказы и рассказы для детей. Флора Нвапа родилась в Огуте, штате Имо в Восточной Нигерии. Имеет степень бакалавра искусств (1957 г.) и диплом преподавателя (1958 г.). Начала свою профессиональную карьеру в качестве гражданской служащей в различных министерствах послевоенного правительства в Восточно-Центральном штате.

В романе «Одного достаточно» [4] автор говорит о том, что женщины не всегда стремятся к браку, если у них есть другие жизненные цели, например, карьера и дети. Главная героиня романа обладает качествами инициативного индивидуалиста. Автор прославляет женщину, свободную в своей жизненной активности, воспринимающей реальность как огромное поле деятельности и преследует цель достижения карьерных, житейских и духовных ценностей. Успехом в жизни героиня обязана только своим личностным качествам, что позволяет сравнить этот образ с американским и западноевропейским персонажами романов.

В романе создан характер современной африканки Амаки. Это образованная молодая женщина, одинокая, самостоятельная, не желающая полагаться на помощь и поддержку мужчины. Главное для героини Ф. Нвапы – работа, составляющая смысл ее жизни, и материнство, к которому она стремится, несмотря на свое положение незамужней женщины. Амака сознательно отказывается соединить судьбу с отцом своих детей-близнецов, так как она уверена, что замужество помешает ее независимости и процветанию ее дела. Вот как размышляет мать героини по поводу решения, принятого Амакой: «Вы думаете, она сможет преуспеть в своих делах, если ей придется ухаживать за мужем? – Нет, она не сможет. Она выберет или мужа, или бизнес, она не сможет совмещать и то и другое... Она только начинает понимать, что значит быть независимой. Она начинает осознавать, что значит иметь состояние. Она не пожертвует этим ради мужчины, даже если это будет генерал или миллионер» [4].

Приезжая в Лагос после неудачного замужества, Амака начинает заниматься бизнесом, получая выгодные контракты, и дела ее быстро «идут в гору». Флора Нвапа создает образ хищницы, которая использует в корыстных целях католического священника: отец Маклейд, полюбивший Амаку, оказывает ей поддержку, помогая получать выгодные подряды. Он вступает в преступную для католического священнослужителя связь с женщиной, тем более замужней, так как Амака официально не развелась с мужем, и становится отцом ее близнецов. Несмотря на настойчивое желание бросившего приход отца Маклейда жениться на Амаке, она ему отказывает. Добившись своих целей, став богатой, преуспевающей женщиной и счастливой матерью, Амака категорически выступает против брака: «Я не хочу возвращаться к моим “замужним” временам. Нет, я покончила с мужьями. Я распрощалась с мужьями в первый же день, как приехала в Лагос» [4].

Наряду с Флорой Нвапой и Бучи Эмечетой, Ифеома Окойе, которая не сообщает дату своего рождения, является одной из самых известных писательниц страны. Она родилась в штате Анамбра в бывшей Восточной Нигерии и получила образование в Университете Нигерии, Нсукке (1974–1977 гг.), где изучала английский, а также в Университете Эстон в Великобритании (1986–1987 гг.), где защитила диссертацию по английскому языку. И. Окойе преподает английский язык в Университете Ннамди Азикиве в Нигерии.

В романе «За облаками» [5] Ифеома Окойе поднимает проблему бездетных семей и возможность мужчины привести в дом вторую жену, если первая жена не дала ему наследника. В романе создан образ африканской женщины Идже, личная жизнь которой, на первый взгляд, очень благополучна: у нее есть любящий муж и материальный достаток. Однако отсутствие ребенка омрачает существование героини, когда по настоянию своей матери муж Идже задумал найти себе еще одну жену. Героиня И. Окойе вызывает симпатию и сочувствие у африканских читательниц. Среди нигерийских женщин-романисток Ифеома Окойе выделяется прекрасным владением английского языка, ее стиль отличают изящество, чистота, точность и достоверность.

Тема полигамного брака затронута также и в романе «Мертворожденный» (1984 г.) [6], который стал литературным дебютом известной нигерийской писательницы Зайнаб Алкали (р. 1950 г.). В 1985 г. ее роман был удостоен награды Ассоциации нигерийских писателей.

Зайнаб Алкали является первой женщиной-литератором из Северной Нигерии, где проживает мусульманское население страны. Писательница закончила университет Ахмадо Белло, работала директором школы-пансиона для девочек в г. Кано. Она преподавала английский язык в университете Нигерии. В настоящее время З. Алкали является профессором, заместителем вице-канцлера университета в г. Кеффи.

Роман «Мертворожденный» (1984 г.) посвящен проблеме женской эмансипации, изображая реалистическую картину жизни нигерийской деревни. Несомненным достоинством произведения является яркий, неординарный образ нигерийской женщины Ли, которая проходит полный драматизма жизненный путь: в начале повествования читатель знакомится с деревенской девушкой-подростком, живущей в традиционной общине и мечтающей о городской жизни как о «рае»; в конце повествования Ли становится зрелой, взрослой женщиной, которая смогла осуществить свою главную мечту – она получила образование и стала самой грамотной африканкой в деревне. Писательница утверждает, что африканки должны иметь возможность реализовывать свой потенциал и вносить существенный вклад в жизнь государства. З. Алкали отстаивает право женщины на образование, на активное участие в современной жизни, что сближает ее творчество с другими женщинами-литераторами Нигерии. Тема женских судеб в эпоху коренных социальных перемен на африканском континенте, актуальна для всей женской прозы Нигерии.

Тема нравственного пробуждения и социальногокрепощения женщины – одна из главных тем романа, которая ранее уже освещалась в произведениях нигерийских литераторов.

Писательница отстаивает естественное право женщины на любовь и счастье, уделяет внимание чувствам героини. Мечтам Ли о счастливой любви не было суждено сбыться, она самостоятельно добилась успехов в жизни, однако осталась одинокой, хотя и замужней женщиной.

Автор подчеркивает добродетельность своей героини. В конце романа, узнав, что в результате автокатастрофы муж стал инвалидом и его бросила «городская» жена, Ли принимает решение вернуться к нему с их десятилетней дочкой. Эмоциональные переживания, выпавшие на ее долю, научили Ли принимать судьбу, сделали ее мудрее и благороднее.

Чимаманда Нгози Адичи – новое яркое имя в новейшей литературе Нигерии; ее творчество получило высокую оценку читательской аудитории и критики. В 2007 г. 30-летняя Ч. Адичи за роман «Половина желтого солнца» (2006 г.) [7] получила престижную премию Оранж (Orange Prize ежегодно вручается за произведение художественной литературы, написанное женщиной-писательницей на английском языке). Роман, принесший награду, – лишь вторая книга Адичи.

Ее первым литературным опытом стал роман «Лиловый гибискус» (2003 г.) [8], который в 2004 г. был номинирован (внесен в короткий список) на Оранж фикшн прайз; также за него Адичи получила премию за лучшую первую книгу для писателей Содружества (2005 г.).

Чимаманда Нгози Адичи родилась 15 сентября 1977 г. в Нигерии в городе Энугу в семье игбо. Детство будущей писательницы прошло в Университетском городе Нсукка, в доме, в котором до семьи Адичи жил крупнейший нигерийский писатель Чинуа Ачебе.

Чимаманда и ее пятеро братьев и сестер воспитывались в семье работников университета: отец писательницы преподавал в Университете Нигерии, который находится в городе Нсукка, был первым профессором статистики в Нигерии, а затем заместителем вице-канцлера университета. Мать Ч. Адичи работала первым архивариусом-женщиной в этом же Университете. Чимаманда получила среднее образование в школе при Университете, затем изучала медицину и фармакологию в Университете Нигерии.

В 19 лет Ч. Адичи уехала учиться в США, выиграв стипендию для изучения коммуникации в Филадельфии, а затем продолжила учебу и в 2001 г. получила степень в области коммуникации и политологии в Университете Восточного Коннектикута. Ч. Адичи получила степень магистра в области литературного творчества в университете Джона Хопкинса в Балтиморе и начала работать над своим первым романом «Лиловый гибискус».

В 2005/2006 академическом году писательница занималась научными исследованиями в Принстонском университете. Чимаманда Нгози Адичи живет в Нигерии и в США.

Произведение «Лиловый гибискус» является «семейным романом», в котором отчетливо прослеживается просветительно-дидактическая тенденция, связанная, в частности, с проблемой существования женщины в контексте диктата религии.

Автор отстаивает идею внутренней свободы женщины, ее право на выбор своего места в социуме. Роман является историей жизни героини, ее семьи, где традиционно властвует отец, требующий от жены и детей послушания и служения ему как господину. Женщины в семье не рассматриваются как полноценные личности, они поставлены насильственно в пассивную позицию, что лишает их инициативы и самостоятельности.

Роман «Лиловый гибискус» рассказывает историю нигерийской семьи на фоне событий, разворачивающихся в стране во время военного режима Абачи в середине 90-х годов прошлого века. Повествование ведется от лица пятнадцатилетней девушки Камбили, дочки известного в стране человека, выросшей в роскоши и богатстве. Ее отец – крупный бизнесмен, владелец фабрик, а также издатель нигерийской газеты «Стэндард». Отец Камбили – человек смелый в своих политических суждениях, критикующий репрессивный режим, выступающий против военного правительства, осуждающий процветающую в стране коррупцию.

Папу все уважают, так как он щедро помогает жителям своей родной деревни, делает огромные пожертвования в местную общину, в детские больницы, дома ребенка и инвалидам гражданской войны. Однако дома отец Камбили – тиран, требующий от жены и детей беспрекословного послушания, чинящий жесточайшую физическую расправу с членами своей семьи, если они ему не подчиняются. В семье

культивируется незыблемость закона религиозной традиции, и власть отца абсолютна, доходя до насильственных форм.

Приехав в дом к тете Ифеоме, Камбили и ее брат Джаджа окунулись в новую для них атмосферу, где их кузенов не держали в страхе, а разговаривали с ними на равных. Дом тетушки Ифеомы стал для них новым миром, тем глотком свежего воздуха, который помог им дышать полной грудью.

В городе Нсукке, в саду у тети Ифеомы цвели кустарники гибискуса редкого цвета – темного оттенка лилового. «Я не знал, что бывает лиловый гибискус», – сказал пораженный Джаджа. У них дома в саду рос красный гибискус, которым мама украшала в церкви алтарь.

Потом черенки лилового гибискуса Джаджа привезет домой, чтобы они дали ростки в родительском саду. Лилый гибискус – это символ свободы, символ новой жизни, в которой не надо бояться и подчиняться тирану-отцу.

Несомненным достоинством романа является образ «Папы» – сложной и противоречивой натуры. Во имя религии он совершал ужасные поступки в семье, но был добрым, даже щедрым и уважаемым человеком вне дома. Жизнь «Папы» закончилась трагично: он мог, как и его бесстрашные соратники-журналисты, не боявшиеся писать правду, погибнуть от подложенного взрывного устройства, однако судьба приготовила ему иное испытание. Доведенная до отчаяния жена, достав у знахаря яд, стала подсыпать зелье ему в чай. После смерти отца, когда это преступление было почти раскрыто, Джаджа, возмужавший после «свежего» ветра Нсукки, ни секунды не размышляя, взял вину матери на себя и отправился в тюрьму.

Камбили и Джаджа к концу романа проходят путь от молчаливых, задавленных авторитетом тирана-отца подростков, живущих по установленному им распорядку дня, до окрепших духом молодых людей, готовых взять на себя ответственность за семью, заступиться за несчастную мать.

Несомненно, что образ Камбили является самым ярким в романе. Вечно боявшаяся своего отца, с потупленным взором, пережившая его физические наказания, она одновременно и любит и ненавидит своего родителя. У тети в городе Нсукка Камбили знакомится и влюбляется в молодого священника Амади, который, явно симпатизируя ей, не решается ответить взаимностью на ее чувства.

Любовь сделала Камбали взрослее, решительнее и увереннее в себе, а письма Амади, уехавшего работать в Германию, давали ей силы жить и верить в лучшее будущее, поддерживать мать и вызволить брата из тюрьмы.

Роман, созданный Чимамандой Нгози Адичи, свидетельствует о том, что острота социального звучания нигерийского романа в начале XXI в. не снизилась, так как в центре внимания писательницы – актуальные общественные проблемы. Художественное произведение представляет интерес для специалистов различных областей, так как является отражением существующих общественных противоречий, общественного сознания. Произведение Ч.Н. Адичи подтверждает, что гендерное несоответствие, бесправие африканок во многих сферах бытовой и общественной жизни являются до сих пор серьезной проблемой, волнующей женщин Африки – представительниц творческой интеллигенции. Чимаманда Адичи прослеживает истоки новейшей социальной реальности через судьбы своих героев.

Следует отметить, что наряду с новыми авторами заметный вклад в разработку «женской темы» вносят такие мэтры западноафриканской литературы, как Ама Ата Айду. Писательница, которая родилась в Гане, долго жила в этой стране, была министром образования, сейчас проживает в Зимбабве. В романе «Перемены» (1991) [9], который неоднократно переиздавался, А.А. Айду рассказывает трагическую историю африканской женщины Эси, которая становится жертвой полигамного брака и не хочет смириться со своей судьбой.

Жительница Ганы Эси является представительницей современных образованных африканок с университетским дипломом, которая, казалось бы, должна быть счастлива и довольна своей жизнью. Эси работала аналитиком в статистическом бюро Правительства. Благодаря занимаемой должности Эси получила дом для своей семьи, ее уважали коллеги по работе. Она была настоящим трудоголиком; уходила из дома на рассвете, приходила поздно, часто приносила домой документы, чтобы над ними поработать. Эси часто находилась в разъездах по всему миру, принимая участие в конференциях и симпозиумах.

Такое положение вещей не очень нравилось Око, мужу Эси, с которым они были в браке шесть лет и воспитывали дочку-школьницу Огьянову.

Око, школьный учитель, ожидал карьерного повышения – ему обещали пост директора школы – и явно уступал своей супруге как в социальном положении, так и в зарплате, что было предметом постоянного обсуждения его родственников, которые не любили Эси и считали, что она слишком образованна, зарабатывает слишком много денег, а главное больше, чем ее муж, и были уверены в том, что их сыну нужна совсем другая жена и много детей.

Однако все это не влияло на брак Эси и Око, если бы не «то самое утро», когда Эси фактически стала жертвой сексуального насилия со стороны мужа.

В ее характере подчеркивается сильная личность, которая пренебрегает представлениями традиционного общества, игнорирующего право выбора для женщины, и доказывает, что может самостоятельно решать свою судьбу.

Уходя от мужа, Эси не собиралась снова вступать в брак: «Еще один муж, который будет сидеть у меня на шее все двадцать четыре часа в день? Те же споры о том, где место женщины? Еще один муж, который будет хныкать целый день о том, что я люблю мою работу больше, чем его?» – говорит она подруге [9].

Самостоятельная и независимая, героиня романа А.А. Айду получила свободу и доказала всем, что не будет зависеть от мужчин. Однако после развода с мужем события приняли новый, неожиданный поворот. Эси встретила привлекательного бизнесмена Али, мусульманина, добропорядочного семьянина, и полюбила его. Надеясь создать с Али «альтернативный образ жизни», Эси согласилась снова выйти замуж, но не подозревала, что попадет в ловушку полигамного брака.

К концу третьего года брака с Али, Эси, не видя большой разницы между своим положением жены номер два и просто любовницей Али, подозревая, что Али ухаживает за своей новой секретаршей и поэтому все реже с ней встречается, решает положить конец этим отношениям. Так и не найдя счастья с мужчиной, Эси самостоятельно строит свою жизнь, не полагаясь на поддержку мужа.

Пережив испытания, выпавшие на ее долю, героиня отдает все силы работе и воспитанию дочери.

Героиня романа «За горизонтом» (1995) [10] ганской писательницы Аммы Дарко по имени Мара, жизнь которой складывается ужасающе трагично, является жертвой коварства своего мужа Акоби, который заставил ее уехать из Африки в Европу и заняться там проституцией.

Амма Дарко родилась в Гане в 1956 г., в 1980 г. закончила университет в Кумаси. Несколько лет она работала в Германии. Сейчас Амма Дарко живет с семьей в Гане и работает налоговым инспектором. Роман «За горизонтом» – первое произведение писательницы. Рассказывая о жизни африканских иммигрантов в Германии, автор, прожившая в этой стране несколько лет, отражает реальность новой многорасовой и полиэтнической Европы.

Неграмотная деревенская девушка Мара была выдана отцом замуж за служащего, который имел аттестат об окончании школы, что в деревне имело большой вес, и переехала в нем в городские трущобы, став спутницей, а на самом деле

прислужкой на все годы, которые им было суждено прожить вместе. В городе Мара постоянно подвергалась унижениям со стороны Акоби, который не считался с ней вообще и вынашивал одну-единственную цель – уехать в Европу, чтобы начать красивую жизнь. Когда Мара приехала к мужу в Германию, она узнала, что он уехал из Африки не один, а с африканской любовницей, однако вынужден был жениться на немке, чтобы получить жилье и работу. Путем шантажа он устраивает Мару работать в ночной секс-клуб и на заработанные ею деньги оплачивает квартиру любовницы и перестраивает для нее дом в ее родной африканской деревне.

Автор показывает интеграцию в новый западный мир как жесткий процесс, болезненный для человека, поскольку он сопровождается трансформацией личности, изменением национального менталитета и даже преобразованием внешности. Этот процесс связан с огромными психическими нагрузками, социальными конфликтами, которые часто приводят к драматическому финалу.

В романе показана эволюция сознания героини от неграмотной деревенской девушки из Африки к независимой личности, отвечающей за свои поступки, принимающей самостоятельные решения и готовой бороться за себя и своих детей. Мара делает все, чтобы наказать Акоби. В конце романа он попадает в тюрьму в Германии, его любовница депортирована в Африку; благодаря Маре немецкая жена Акоби узнает правду и разводится с ним.

Мара остается работать в немецком борделе, так как считает себя до конца дней виноватой, хоть и не по своей воле, в том, что с ней произошло. Все, что она может сделать, – помогать материально матери и двум своим сыновьям в Африке, которые думают, что она работает в африканском ресторане. Она купила машину своему брату, финансирует строительство дома для матери в деревне и хочет купить небольшой дом для своих сыновей в городе.

Разноплановая в жанровом и идейном аспектах «женская проза» Западной Африки является отражением реальных общественных тенденций, преобладающих в регионе в последние годы.

Современные африканские женщины все чаще стремятся устраивать свою жизнь самостоятельно, а не так, как требуют от них интересы семьи и мужа.

Отражая реальность современной Африки, писательницы региона создают галерею портретов современных независимых и свободолюбивых африканок. Источники, созданные женщинами-литераторами Нигерии, дают возможность определить огромные изменения в положении современной женщины Африки.

Писательницы африканского континента привлекают внимание общественности к современным африканским женщинам как огромному интеллектуальному резерву и вносят достойный вклад в разработку темы женской эмансипации.

Л и т е р а т у р а

[1] *Emecheta B. In the Ditch.* – L., 1972; *Emecheta B. Second Class Citizen.* – L., 1974; *Emecheta B. The Bride Price.* – L., 1976; *Emecheta B. The Slave Girl.* – L., 1977; *Emecheta B. The Joys of Motherhood.* – L., 1979; *Emecheta B. Kehinde.* – L., 1994.

[2] *Emecheta B. Kehinde.* – L., 1994.

[3] *Adimora-Ezeigbo A. Rhythms of Life: Stories of Modern Nigeria.* – L., 1992; *Adimora-Ezeigbo A. Rituals and Departures.* – L., 1996.

[4] *Nwapa F. One is Enough.* – Enugu, 1981.

[5] *Okoye I. Behind the Clouds.* – L., 1982.

[6] *Alkali Z. The Stillborn.* – L., 1982.

[7] *Adichie Chimamanda Ngozi. Half of a Yellow Sun.* – L., 2006.

[8] *Adichie Chimamanda Ngozi. Purple Hibiscus.* – L., 2003;

[9] *Aidoo A.A. Changes.* – L., 1991.

[10] *Darko A. Beyond the Horizon.* – L., 1995.

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Kosukhin N. African Union: New Search for African Integration in the Epoch of Globalization

The article examines the questions of the formation and first results of the activity of the African Union, which became the successor of the Organization of African Unity in the new historical conditions. Main attention is devoted to the peacekeeping activity of the African Union, and also the All-Africa parliament, interaction with the G8, as well as the development of integration processes on the continent.

Keywords: security, unity, solidarity, democracy, human rights, peacekeeping, socio-economic development and integration, stability.

Sledzevsky I. Socio-cultural Dynamics of African Countries during Post-colonial Period (crisis of the model of “catch-up” development)

The article analyzes the experience of the “catch-up” modernization in the independent countries of Africa – the results of the development on the basis of borrowing the achievements of advanced countries and destroying the traditional structures. Difficulties and limits of this type of development are emphasized, which are connected with the need to combine traditions and modern trends, modernization and preservation of stability in society.

Keywords: socio-cultural dynamics, social evolution, social progress, cultural programming of development, models of modernization, “catching-up” modernization, traditions and modern trends in Africa.

Khazanov A. Darfour Problem: Clash of West – East Civilizations

The article examines the international, military-political and economic aspects of the development of the conflict situation in Darfour. It describes the efforts of the world community, the European Union and the UN in search for peace and analyzes the Abuja agreements and the development problems of a dialogue of the civilizations of the West and the East in that part of the African continent.

Keywords: dialogue of civilizations, West-East, Darfour, Abuja Agreement, President Al-Bashar, UN Security Council resolutions.

ECONOMICS AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Andronova I. Sinoization of Africa: New Trends in the Old Process

Recently, the words “Sinoization of Africa” have been used more and more often in scientific publications. The article examines the present state of the economic relations of China and Africa, and also Chinese economic strategy with regard to African countries. Special attention is paid to the mechanisms of economic expansion and their effectiveness.

Keywords: China and African countries, foreign economic policy, economic expansion, national economic interests.

Buzdalina Y. Conceptual Basis of Relations between the European Union and Sub-Saharan African Countries in the Context of European Security

The article shows the elaboration process of a new policy of the European Union toward Sub-Saharan African countries and analyzes the main conceptual documents of the European Union (“European Security Strategy”, Joint EU – Africa Strategy, European Report on Development in 2007, etc.) and the experience of their realization by the countries responsible for EU policy in the region.

Keywords: global challenges, strategic partnership, European security strategy, “responsible” countries, Africa and EU, European report on development.

Vishnevsky M. Evolution of U.S. Policy in Africa after 1945

The article shows the shaping of the United States policy in Africa, special attention is paid to the positions of the U.S. presidents, from D. Eisenhower to B. Obama. Quite a few sources and much archive material have been drawn, and special features and motivation of strategic decisions revealed, including the peacekeeping efforts of the United States on the African continent.

Keywords: U.S. policy in Africa, peacekeeping, AFRICOM, national interests, responsibility, division of efforts, strategy.

Shkvarya L., Rusakovich V. Russian-Libyan Trade and Economic Cooperation at the Present Stage: Problems and Prospects

The article examines prerequisites, historical aspect and present state of Russian-Libyan trade and economic cooperation. The dynamics of commodity turnover and other forms of bilateral cooperation between Russian and Libya from 1992 up to now, as well as the basic trends of investment and other spheres of economic interaction are analyzed. Russia and Libya are striving to step up the development of economic ties. The still existing problems retarding the development of bilateral economic ties and possible ways of overcoming them are also examined.

Keywords: Russia and Libya, Russian-Libyan relations, Russian-Libyan trade, export from Russia to Libya, Russian-Libyan projects.

Aidrus Irina Ahmed Zein, Dolgopolov D. Libya's economic diversification: challenges and prospects

During last six years the Libyan economy shows the considerable economic growth rates including GDP growth, export growth and budget revenues' growth. The article analyses the main factors of these macroeconomic indices as well as the problems related. The article also concerns the FDI impact on the Libyan economy. The article shows the main problems and the short-term prospects for the Libyan economy and gives the expert analysis of the Libyan government development policy.

Keywords: Libya's economic development, reform and diversification of the Libyan economy, Libyan foreign investments, foreign capital in Libya, factors of the Libyan economic growth, prospects of the Libya's economic development

Chekrizova O. African Vector in the Foreign-policy Activity of the Leader of the Libyan Jamahiriya Muammar al-Gaddafi

This work examines Libyan foreign policy under Muammar al-Gaddafi, dwelling particularly on its African vector. The author discloses the role of the Libyan leader Muammar al-Gaddafi in promoting the ideas of Pan-Africanism and analyzes the position of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya toward the role and place of Africa in the present system of international relations.

Keywords: Muammar al-Gaddafi, Libya, foreign policy, African Green Paper

Barry Abdulai Candia. France and Mediterranean Countries

The article examines the formation process of the Euro-Mediterranean partnership in the context of working out a new strategy of France in Maghreb and the participation of the European Union in resolving crises in the Middle East.

Keywords: Euro-Mediterranean partnership, European Union, new policy of France, Maghreb, settlement of crises, Middle East.

Kurylev K. Ukraine's Policy on African Continent

The article examines certain trends of the African vector of the present foreign-policy course of Ukraine. The author turns to such aspects of Ukrainian foreign policy in Africa as peacekeeping activity, military-technical cooperation, and policy in the sphere of energy. The article assesses the effectiveness of the Ukrainian leadership's efforts in implementing this policy.

Keywords: Ukraine, Africa, peacekeeping, maintenance of peace, military-technical cooperation, arms trade, energy policy, energy resources.

Borzova A. African Direction in Brazil's Foreign Policy

The article examines the main trends of Brazil's foreign policy in Africa, problems of the interaction of countries at inter-regional summits "Latin America – Africa", the aims and tasks of the three-party forum IBSA (India, Brazil, South Africa), and Brazil's activity within the framework of IBSA and the commonwealth of Portuguese-speaking countries to develop trade and economic relations with African countries.

Keywords: Africa, Brazil, foreign policy, summits, interaction, inter-regional cooperation, trade, South – South, IBSA, Portuguese-speaking countries, assistance.

Yurtaev V., Voronkov A. Africa in Iran's foreign policy

The article examines the timely problems of the formation of the African vector in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran in the context of the implementation by Tehran of the concept of "conscious interaction" in Africa, and also the nuclear scandal flaring up around that country.

Keywords: foreign policy, Iran, Africa, Islamic factor, SAR, investments, "conscious interaction", "Third world".

Sidorova G. Democratic Republic of Congo: Formation of Democratic Institutions of Power

The article is devoted to the process of political settlement and democratization in the Democratic Republic of Congo after

the end of the “First African war” under the leadership of Joseph Kabila. The essence of the “Inter-Congolese dialogue” is revealed, the difficulties of Congolese “*perestroika*”, the organization and carrying out of the presidential elections of 2006 are analyzed, and the conclusion is drawn that the transition stage in the DRC has ended.

Keywords: Congolese crisis, Democratic Republic of Congo, Kabila, transition stage, “Inter-Congolese dialogue”, Congolese “*perestroika*”, “Congolite”, democratization.

INTEGRATION AND FINANCES

Prokopenko L. Political Elites and Integration Processes in Africa

The article examines the role of political elites in African states in the integration processes taking place on the continent. Special attention is paid to the problem of African leaders’ participation in the activity of the African Union in the 2000s, and also their attitude to the creation of the United States of Africa. A conclusion is drawn that at the present stage the quality of the national elites largely determines not only the effectiveness of integration processes, but also the historical future of the African countries.

Keywords: integration, United States of Africa, quality of national elites, African Union.

MINERAL AND RAW MATERIAL RESOURCES

Dolginov E. Objective Laws of Distribution of Diamond-bearing Areas in African Region

The article cites the results of the investigation carried out at the Laboratory of geology of foreign countries of the Engineers department of the Peoples’ Friendship University of Russia within the framework of the project based on a contract with the joint-stock company “Zarubezhgeologiya” of the Ministry of Industrial Development of the Russian Federation. The article de-

scribes the basic objective laws of the distribution of diamond deposits in the African region.

Keywords: diamonds, Africa, objective laws, prospects.

PORTRAIT OF AFRICAN LEADER

Zuyeva E. Habib Bourguiba: Political Portrait

This is a political portrait of the first President of the Republic of Tunisia who rallied his nation around a militant mass party, led the country to independence and played the decisive role in the creation of the foundations of the modern Tunisian state and the mechanisms of supporting political stability in the country. He is the key figure in the half-century history of Tunisia and the main theorist and pioneer of the pro-western course of reforms in his country.

Keywords: Habib Bourguiba, President of Tunisia, reformer, transformations, “Dustour socialism”, “Bourguibism”, Europeanization, secularization.

Ponomarenko L. King Hassan II

The article is devoted to studying a political portrait of one of the most influential leaders of the Arab world, King Hassan II of Morocco. It cites rich factual material showing the socio-political changes in Morocco in the 1960s – 1990s, and examines the attempts to rely on the “France – USA – USSR” triangle, and the process of the politicization of Islam and the Islamization of politics.

Keywords: King Hassan II of Morocco, Islamism, “classical Islam,” Western Sahara, “France – USA – USSR” triangle.

HISTORY AND RELIGION

Savateyev A. Political Islam in Tropical Africa: from Confrontation with the West to Usurpation of Power?

The article examines the phenomenon of political Islam, the history of its penetration in Tropical Africa, the dual character

of its influence on the local Moslem community and African society as a whole. The author comes to the conclusion that Islamism becomes one of the forms of struggle for the preservation of socio-cultural values.

Keywords: Islam, Islamic fundamentalism, political Islam, Tropical Africa, western civilization.

CULTURE AND EDUCATION

Ilyina N. West African Female Prose: Authoresses and Characters

The article analyzes literary works by women-writers of Nigeria and Ghana devoted to the problem of mental and moral emancipation of contemporary African women. The fates of African women of different age, professions and social groups forming a dynamic stereotype of behavior of an African woman, are in the center of attention.

Keywords: literature of Nigeria and Ghana, emancipation, moral emancipation, constant subject, polygamy, gender asymmetry.

ОБ АВТОРАХ

Айдрус Ирина Ахмед Зейн – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, директор НОЦ по изучению Арабского Востока РУДН.

Андропова Инна Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Барри Абдулай Кандия – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных проблем РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН, член Попечительского совета, председатель комитета АССАФСТУ-РУДН.

Борзова Алла Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных проблем РУДН.

Буздалина Юлия Леонидовна – бакалавр 4-го года обучения кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных проблем РУДН.

Вишневецкий Михаил Леонидович – доктор исторических наук, ведущий сотрудник Центра оценок политики Института Африки РАН.

Воронков Александр Константинович – соискатель кафедры теории и истории международных отношений, международный эксперт-востоковед.

Долгинов Евгений Александрович – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры месторождений полезных ископаемых и их разведки инженерного фа-

культета РУДН, научный руководитель НОЦ африканских исследований РУДН.

Долгополов Дмитрий Владиславович – аспирант кафедры политэкономии РУДН.

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Ильина Надежда Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Косухин Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Курылев Константин Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных проблем РУДН.

Пономаренко Людмила Васильевна – доктор исторических наук, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных проблем, профессор кафедры всеобщей истории РУДН, научный руководитель НОЦ африканских исследований РУДН.

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, ответственный секретарь Всероссийского общества африканистов и арабистов.

Русакович Василий Игоревич – аспирант кафедры международных экономических отношений РУДН.

Саватеев Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Сидорова Галина Михайловна – кандидат исторических наук, заведующая Центром информации и международных связей Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Хазанов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН, академик РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Чикризова Ольга Сергеевна – бакалавр 4-го года обучения кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, член Совета НСО ФГСН РУДН.

Шкваря Людмила Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, профессор кафедры мировой экономики РЭА им. Г.В. Плеханова, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Юртаев Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор НОЦ африканских исследований РУДН.

CONTENTS

<i>Kirabaev N.</i> Preface	5
DEVELOPMENT AND POLITICS	
<i>Kosukhin N.</i> African Union: New Search for African Integration in the Epoch of Globalization	7
<i>Sledzevsky I.</i> Socio-cultural Dynamics of African Countries during Post-colonial Period (crisis of the model of “catch-up” development)	31
<i>Khazanov A.</i> Darfour Problem: Clash of West – East Civilizations	57
ECONOMICS AND STRATEGIC PARTNERSHIP	
<i>Andronova I.</i> Sinoization of Africa: New Trends in the Old Process	72
<i>Buzdalina Y.</i> Conceptual Basis of Relations between the European Union and Sub-Saharan African Countries in the Context of European Security	86
<i>Vishnevsky M.</i> Evolution of U.S. Policy in Africa after 1945	103
<i>Shkvarya L., Rusakovich V.</i> Russian-Libyan Trade and Economic Cooperation at the Present Stage: Problems and Prospects	148
<i>Aidrus Irina Ahmed Zein, Dolgopolov D.</i> Libya’s economic diversification: challenges and prospects	163
<i>Chekrizova O.</i> African Vector in the Foreign-policy Activity of the Leader of the Libyan Jamahiriya Muammar al-Gaddafi	177
<i>Barry Abdulai Candia.</i> France and Mediterranean Countries	189
<i>Kurylev K.</i> Ukraine’s Policy on African Continent	197
<i>Borzova A.</i> African Direction in Brazil’s Foreign Policy	210

<i>Yurtaev V., Voronkov A.</i> Africa in Iran's foreign policy	221
<i>Sidorova G.</i> Democratic Republic of Congo: Formation of Democratic Institutions of Power	235

INTEGRATION AND FINANCES

<i>Prokopenko L.</i> Political Elites and Integration Processes in Africa	246
--	-----

MINERAL AND RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Dolginov E.</i> Objective Laws of Distribution of Diamond-bearing Areas in African Region	261
---	-----

PORTRAIT OF AFRICAN LEADER

<i>Zuyeva E.</i> Habib Bourguiba: Political Portrait	274
<i>Ponomarenko L.</i> King Hassan II	288

HISTORY AND RELIGION

<i>Savateyev A.</i> Political Islam in Tropical Africa: from Confrontation with the West to Usurpation of Power? ...	316
---	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Ilyina N.</i> West African Female Prose: Authoresses and Characters	339
---	-----

SUMMARY	355
----------------------	-----

ABOUT AUTHORS	363
----------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
--	---

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Косухин Н.Д.</i> Африканский Союз: новые поиски африканской интеграции в эпоху глобализации	7
<i>Следзевский И.В.</i> Социокультурная динамика африканских стран в постколониальный период (кризис модели «догоняющего» развития)	31
<i>Хазанов А.М.</i> Проблема Дарфура: столкновение цивилизаций Запада и Востока	57

ЭКОНОМИКА

И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Андропова И.В.</i> Китаизация Африки: новые тенденции в старом процессе	72
<i>Буздалина Ю.Л.</i> Концептуальные основы взаимоотношений Европейского Союза и африканских стран южнее Сахары в контексте Европейской стратегии безопасности	86
<i>Вишневский М.Л.</i> Эволюция политики США в Африке после 1945 года	103
<i>Шкваря Л.В., Русакович В.И.</i> Российско-ливийское торгово-экономическое сотрудничество на современном этапе: проблемы и перспективы	148
<i>Айдрус И.А.З., Долгополов Д.В.</i> Диверсификация экономики Ливии: проблемы и перспективы	163
<i>Чикризова О.С.</i> Африканский вектор во внешнеполитической деятельности лидера Ливийской джамахирии Муаммара Каддафи	177
<i>Барри Абдулай Кандия.</i> Франция и страны Средиземноморья	189

<i>Курьлев К.П.</i> Политика Украины на африканском континенте	197
<i>Борзова А.Ю.</i> Африканское направление во внешней политике Бразилии	210
<i>Юртаев В.И., Воронков А.К.</i> Африка во внешней политике Ирана	221
<i>Сидорова Г.М.</i> Демократическая Республика Конго: становление демократических институтов власти	235

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

<i>Прокопенко Л.Я.</i> Политические элиты и интеграционные процессы в Африке	246
--	-----

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Долгинов Е.А.</i> Главные закономерности размещения алмазоносных площадей в Африканском регионе	261
--	-----

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

<i>Зуева Е.Г.</i> Хабиб Бургиба: политический портрет	274
<i>Пономаренко Л.В.</i> Политический портрет короля Марокко Хасана II	288

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Саватеев А.Д.</i> Политический ислам в Тропической Африке: от противостояния Западу к узурпации власти? ..	316
---	-----

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Ильина Н.Ю.</i> Западноафриканская женская проза: авторы и персонажи	339
---	-----

SUMMARY	355
----------------------	-----

ОБ АВТОРАХ	363
-------------------------	-----

Научное издание

Е Ж Е Г О Д Н И К

**АФРИКА:
ОСНОВАНИЯ
ДЛЯ НОВОГО СТАРТА**

2011

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Л.А. Горовенко*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Подписано в печать 27.01.2011 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 21,62. Тираж 500 экз. Заказ 50.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
